

чарльз галленкамп

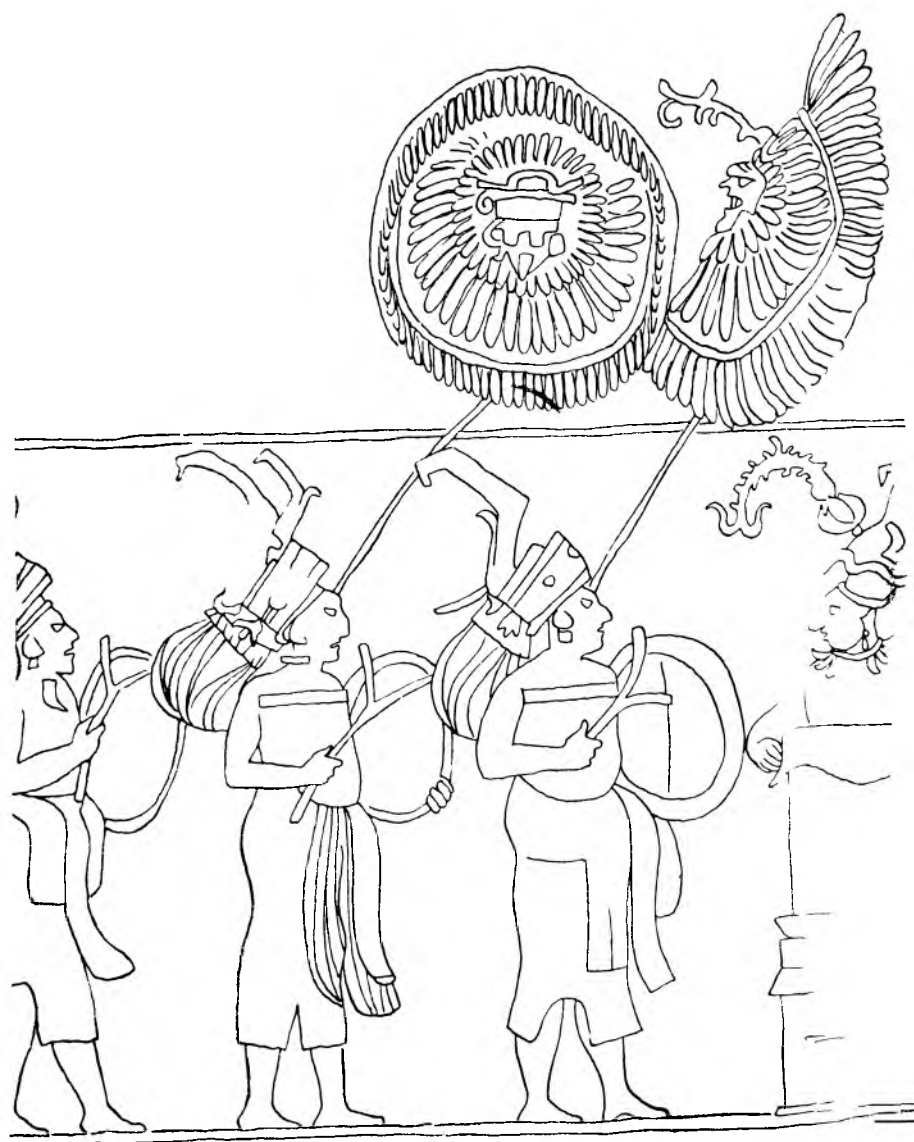
МАЙЯ

загадка исчезнувшей цивилизации

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

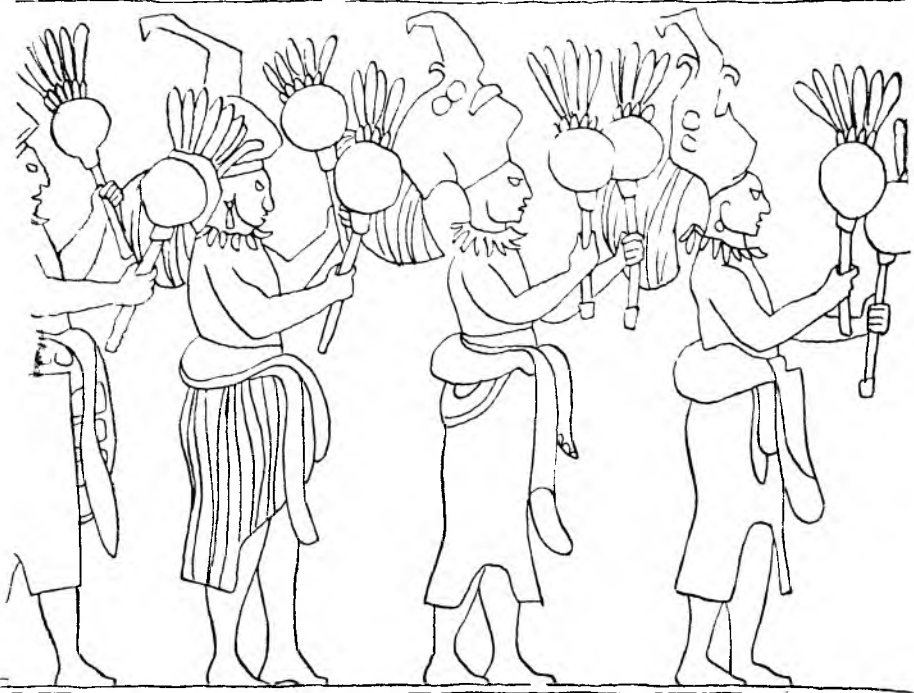

Ч А Р Л Ъ З Г А Л Л Е Н К А М П

МАЙЯ

ЗАГАДКА ИСЧЕЗНУВШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» Москва 1966

MAYA
THE RIDDLE AND REDISCOVERY OF A LOST CIVILIZATION
BY CHARLES GALLENKAMP
NEW YORK, 1959

ПЕРЕВОД, КОММЕНТАРИИ И ПОСЛЕСЛОВИЕ
В. И. ГУЛЯЕВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В. М. ТУРОК-ПОПОВ

1—6—2
65—1120

ОТКРЫТИЕ И ЗАВОЕВАНИЕ

На рассвете 3 марта 1517 г. индеец одного из сторожевых постов на северном побережье Юкатана увидел далеко в море, у самой линии горизонта, три темные точки, размеры которых быстро увеличивались. Вскоре точки превратились в настоящие плавучие горы под белой шапкой «облаков» (парусов). Часовой тут же бросился в город за вождем и жителями, чтобы рассказать им об этом чудесном зрелище. А на борту парусных кораблей бородатые люди с воспаленными усталыми глазами громко выражали свою радость при виде земли. Еще бы, ведь они благополучно перенесли жестокий тропический шторм, отбросивший их далеко в сторону от намеченного курса. Это была экспедиция, снаряженная для охоты за рабами на вновь открытых островах Гуанакес, лежащих между Кубой и Гондурасом. Экспедиция отправилась из порта Ахаруко по повелению Диего Веласкеса — губернатора Кубы — под командой благородного идальго Эрнандеса де Кордобы. Когда в белом утреннем тумане возникли очертания незнакомого побережья, матросы в нетерпении сгрудились у бортов кораблей. Вскоре им удалось рассмотреть низкий усеянный обломками скал берег, который постепенно переходил в бесконечную голую равнину. Земля была им совершенно неизвестна. Существовавшие тогда карты ничего не говорили о ее местонахождении в этих водах. Вдалеке открывался изумительный вид: вздымаясь ввысь, словно гребень естественной известняковой скалы, стояла высокая стена, окружавшая ряды ступенчатых пирамид и каменных зданий, напоминающих дворцы. А может быть, это просто галлюцинация — следствие их усталости? Великолепный город, окруженный стеной, на побережье

Нового Света, где до этого испанцам встречались лишь полуголые «дикари»!

Две небольшие каравеллы в поисках безопасной стоянки подошли ближе к берегу, и реальность «видения» стала бесспорной.

Перед ними, в двух лигах¹ от побережья, раскинулся прекрасный город. На расстоянии казалось, что его постройки вздымаются ввысь подобно мусульманским минаретам, и поэтому испанцы называли его Большим Каиром. Когда над безмятежным морем занялась новая заря, на берегу показалась странная процессия, которая направилась к кораблям на десяти больших лодках, вмещающих по сорок человек каждая. На корме самой большой лодки под навесом из пальмовых листьев, сидела группа вождей. Их сопровождали воины, вооруженные копьями и щитами. И вот они уже совсем рядом. Кордоба сделал несколько дружеских жестов, принятых у индейцев, и через несколько минут туземцы вскарабкались на борт флагманского судна. На них были опрятные одежды в виде рубашек и набедренных повязок из хлопчатобумажной ткани. Индейцы держались довольно уверенно и говорили на языке, незнакомом испанцам. Последние пытались знаками выразить свой интерес ко вновь открытой стране. Но вскоре индейцы дали понять, что хотят уйти. Хозяева одарили их на прощание связками стеклянных бус. На следующее утро индейцы появились вновь, приведя с собой несколько пустых лодок. Вожди знаками пригласили испанцев следовать за ними. Любопытство Кордобы было столь велико, что победило все доводы рассудка. Он приказал спустить на воду собственные шлюпки. Матросы, вооруженные арбалетами и мушкетами, уселись в них и поплыли вслед за быстро удалявшимися пирогами индейцев.

Весь берег был усеян индейцами, вышедшими из города посмотреть на пришельцев. Ободренные мирным приемом испанцы последовали за вождями в глубь побережья, через холмистую местность, покрытую кустарником. Внезапно воздух огласили громкие крики, и воины, скрывавшиеся в засаде, осыпали испуганных чужеземцев тучей стрел. После первого же нападения пятнадцать испанцев было ранено. Увидев, что неприятель захвачен врасплох, толпы индейцев с дикими криками выскочили из своих укрытий и врезались в расстроенные ряды испанцев. На них были устрашающие боевые наряды: шлемы с перьями

и панцири из толстой хлопчатобумажной ткани, доходившие до колен. Они были вооружены ярко раскрашенными щитами, копьями и пращами. Испанцы укрылись за холмами и скалами и пустили в ход свои мушкеты. Множество атакующих пало наземь на глазах изумленных воинов, которые никогда не видели прежде такого мгновенного и массового истребления людей. Не демоны ли они — эти белые, как мел, чужеземцы, которые мчатся по морю на плавучих горах и чьи дымящиеся палки сеют внезапную смерть? И индейцы, бросив свои последние дротики, в ужасе бежали с поля боя. На какое-то время превосходство в вооружении спасло отряд Кордобы от уничтожения. Однако следовало ожидать нового нападения. Испанцы же, увидев таинственный языческий город с его зданиями, богато украшенными большими статуями змей, ягуаров и неведомых чудовищ, выглядывающих из джунглей, не могли побороть соблазна пойти дальше. Они вступили на небольшую площадь, окруженную тремя каменными храмами с крышами из пальмовых листьев. Здания были покинуты всего несколько минут назад, и внутри их еще чувствовался острый аромат благовоний. Войдя в узкие двери одного из храмов, конкистадоры замерли, пораженные зрелищем, открывшимся их взорам. Их окружало варварское великолепие, которое они не могли представить себе даже в самых смелых своих мечтах о богатстве языческих стран. До сих пор на территории Нового Света не встречалось подобных чудес.

У задней стены храма стоял каменный алтарь с причудливым рельефным резным орнаментом. Одни фигуры изображали пышно одетых вождей или жрецов, восседавших на тронах. Другие — животных или змей с человеческими головами, отдаленно похожих на кентавров. Повсюду по стенам висели змеи с головами драконов и ряды непонятных письмен, которые испанцы при всем своем желании не могли бы прочесть: эти знаки не походили ни на одну из известных им систем письменности. На алтаре стояли глиняные статуи идолов с лицами демонов и женщин. Деревянные сундуки были наполнены статуэтками животных и птиц, сделанными из меди и низкопробного золота. При виде золота в испанцах проснулась алчность. Они поспешно собрали все эти предметы и унесли их с собой на корабли. Кордоба решил как можно больше узнать о стране, сулившей ему ту самую добычу, в поисках кото-

рой целое поколение его соотечественников исколесило весь земной шар. А пока эскадра вышла в море, покинув это негостеприимное место, которое было названо «мысом Каточе». Испанцев гнала в Новый Свет мечта об открытии легендарного Эль Дорадо². Ослепительные видения новых земель, таинственных стран, «где пески сверкают от изобилия драгоценных камней, а золотые самородки величиной с птичье яйцо вытаскивают из рек сетями», толкали искателей приключений из Кастилии в неведомое Западное море. Но тщетно искали они доказательств реальности своей чудесной мечты. И все же испанцам суждено было узнать о сказочных царствах гораздо больше, чем рисовалось им в их воображении. Дорога открытий привела их в страну девственных джунглей и вулканических гор, среди которых возвышались великолепные каменные города. Испанцы, проникнутые дерзким духом завоеваний, опьяненные жаждой богатства и ободренные благосклонностью короля, которую легко можно было получить в обмен на водружение его знамени на вновь завоеванных землях, разглядывали эти берега с жадным интересом. Они и не подозревали, что скоро эти поиски забросят их в самое сердце империи майя и столкнут в смертельной схватке с защитниками одной из самых блестящих цивилизаций, когда-либо появлявшихся на туманном горизонте американской доистории. Сам того не сознавая, Эрнандес де Кордоба направил ход истории в новое русло. На песчаном берегу мыса Каточе произошла, наконец, решительная схватка представителей двух различных миров.

И те и другие олицетворяли в целом судьбы, выпавшие на долю их народов. После тысячелетнего процветания необычайно высокая цивилизация, созданная майя среди безбрежного моря джунглей таинственного континента, катастрофически катилась к упадку. В то же время крепкое и растущее испанское государство установило свое господство на большей части Западного полушария. Его моряки стали странствующими рыцарями эпохи открытий, которая расшевелила все народы Европы. Королевская казна Испании переполнилась сокровищами, а ее военная мощь была несокрушимой. Настроение умов в Испании XVI в. вполне благоприятствовало открытиям и завоеваниям. Мистический ужас перед тайнами морей уничтожили первые плавания Колумба — по ту сторону океана лежал новый, зовущий мир!

В своей книге «Завоевание Мексики» Уильям Прескотт³ писал о соблазнах, манящих непоседливых испанцев: «Их увлекало очарование безрассудного риска... надежды на богатство и славу. В действительности богатая добыча, которой жаждало большинство из них, доставалась им не часто. Однако они были глубоко уверены, что по крайней мере завоюют себе славу — не менее привлекательную награду для их рыцарской души. Если авантюрист оставался в живых и возвращался домой, у него всегда имелись в запасе истории об опасных приключениях среди удивительного народа и о жаркой стране, необычайное плодородие которой и богатство растительности превосходило все, что он когда-либо видел. Эти рассказы давали пищу для воображения, и без того подогретого чтением рыцарских романов, пользовавшихся среди испанцев особым успехом.

...Таким образом, романтика и действительность взаимно дополняли друг друга. Энтузиазм испанца достиг небывалых размеров — испанец был готов смело встретить тяжкие испытания, лежавшие на пути первооткрывателя».

Сыны Испании преследовали двойную цель: распространить любым доступным способом догматы их святой веры и в то же время обогатиться за счет своих завоеваний. Двойственность их стремлений породила и двойственный характер их действий: жажда золота прикрывалась маской благочестия, фанатическое честолюбие объявлялось высоким патриотизмом, жестокость — средством, с помощью которого язычников возвращали в семью человечества. Против племен американских индейцев был брошен весь чудовищный аппарат угнетения, который создали королевская власть и религия.

Какие ужасные картины должны были возникать перед взорами индейцев! Из морской пены, словно враждебные боги, появлялись ряды белокожих воинов, закованных в стальные доспехи. Некоторые, из них сидели верхом на четвероногих существах, так что вместе лошадь и человек казались частями одного страшного чудовища. Они принесли с собой дымящиеся палки и еще более ужасные орудия уничтожения — с громopodobными голосами. И там, где проходили чужеземцы, оставались груды мертвых индейских воинов и дымились развалины городов.

Трагедия Конкисты⁴ началась! Среди конкистадоров почти не было людей, способных осознать эпохальное значение своих деяний и записать воспоминания. Но у одного

из них — Берналя Диаса де Кастильо — ученые находят-
ся в неоплатном долгу.

Диас родился в испанском селении Медина дель Кампо в знаменательном 1492 г.⁵ Еще юношей он отправился в Америку в поисках приключений и богатства. Но богатства так и не добыл. Диас умер в Гватемале в возрасте 89 лет, будучи сравнительно бедным землевладельцем. К счастью для историков, Диас обладал феноменальной памятью. Он отчетливо и ясно помнил драматические события своей молодости — месяцы странствий вдоль бесплодного побережья Юкатана во время экспедиций Кордобы и Хуана де Грихальвы, сражения в ацтекской Мексике, где он дрался бок о бок со своим обожаемым командиром Эрнандо Кортесом против прославленных армий Монтесумы, и опасные походы, которые направили волну Конкисты в гиблые джунгли Центральной Америки. Ему было почти 80 лет, когда он начал записывать подробности бесчисленных приключений, выпавших на его долю. В предисловии к своей хронике «Открытие и завоевание Мексики» он писал: «Я стар... Я потерял и зрение и слух. Волею судьбы я не приобрел ничего ценного, что мог бы оставить своим детям и потомкам, кроме рассказа о подлинной истории своей жизни. И они вскоре убедятся, что это — история необыкновенная!» Диас пророчески предвидел огромное значение своего труда. Его хроника стала одним из немногих надежных повествований о Конкисте, бесценным документом для исследования природы двух враждебных сил, представших в боевой готовности перед беспристрастным взором истории.

В течение пятнадцати дней корабли Кордобы двигались вдоль побережья Юкатана. Поскольку запасы питьевой воды быстро уменьшались, испанцы высадились на берег вблизи еще одного большого города. Делегация вождей, облаченных в богато украшенные мантии, собралась на берегу, чтобы встретить их. Они пригласили испанцев посетить город. И снова, как и в Каточе, была разыграна вероломная сцена. Но уверенность в том, что у туземцев есть золото, еще раз толкнула испанцев на невероятный риск. Вскоре они достигли площади, обрамленной пышными храмами, и оказались окруженными со всех сторон отрядами индейских лучников и копейщиков. Вперед выступили рабы, несшие связки сухого тростника. Они разложили его на площади, а затем подожгли. Десять индей-

цев-жрецов, облаченных в белые хлопчатобумажные ма-
тии, с волосами, покрытыми сгустками засохшей крови,
вышли из храма и начали окуривать перепуганных испан-
цев дымом из жаровен. «Знаками,— писал Берналь
Диас,— они дали нам понять, что мы должны покинуть их
страну, прежде чем сгорят вязанки тростника на площа-
ди. В противном случае они нападут и перебьют нас». Соз-
навая серьезность положения, испанцы не стали про-
тивиться страшному приговору жрецов. «Ужас охватил
нас,— сообщает Диас,— и мы решили отступить к берегу
моря, сохраняя боевой порядок». В течение нескольких
недель корабли Кордобы продолжали исследовать запад-
ное побережье Юкатана. Когда испанцам вновь понадо-
билась вода, они высадились близ третьего города — Чам-
потона. Едва конкистадоры вытащили на берег шлюпки,
как их тут же окружила толпа воинов, лица которых были
расписаны черно-белыми узорами. Индейцы держали
в руках щиты и яркие знамена из перьев тропических
птиц. Оставалась лишь надежда, что легионы майя, вы-
строенные в строгом порядке, панически разбегутся, когда
выстрелы из мушкетов начнут сеять смерть в их рядах.

Сотни воинов образовали вокруг испанцев кольцо, оста-
вив свободным лишь узкий проход к морю — единствен-
ный путь спасения для отряда Кордобы. Казалось, индей-
цы совершают какой-то зловещий ритуал, чтобы навсегда
изгнать алчных пришельцев из своей страны. Индейцы,
вооруженные луками и копьями, выстроились длинными
рядами в боевом порядке под морем развевающихся зна-
мен и украшенных перьями значков. Другие, находив-
шиеся в тылу этой армии, принесли еду, воду и запасы
стрел. Они разожгли костры и стали бросать в них душистую
смолу, чтобы умиротворить рассвирепевших богов войны.

«Мы видели,— писал Диас,— что на каждого из нас
приходится около 200 индейцев... и сказали друг другу:
„Укрепим наши сердца для битвы и, вверив свою судьбу
господу богу, сделаем все возможное для спасения своих
жизней...“» На рассвете штурм начался. Под прикрытием
тучи стрел, дротиков и пращевых камней легионы майя
двинулись на поспешно возведенные укрепления испан-
цев. Вскоре они смяли их ряды, стреляя в упор из луков
и рубя врагов деревянными мечами с острыми лезвиями
из обсидиана. После второго нападения восемьдесят ис-
панцев получили тяжелые раны, но огонь мушкетов и

стальные мечи ослабили ярость атаки майя, и они отступили на более безопасное расстояние. Не видя иного выхода, Кордоба, который сам уже получил десять ранений, собрал всех уцелевших людей своего отряда и сделал отчаянную попытку пробиться к шлюпкам. Сопровождаемые громкими криками индейцев, осыпаемые ливнем стрел, испанцы добежали до берега и забрались в свои лодки. Во время бегства многие из них пали, пронзенные стрелами, других сразили индейские воины, преследовавшие врага до самой кромки моря. «Ах,— вспоминал Диас,— если бы вы только слышали вопли, свист и крики, когда противник осыпал нас градом стрел и копий, нанося нам тяжкие раны...» Среди оставшихся в живых испанцев едва ли нашелся бы хоть один человек, не имеющий серьезных ранений, а двое были схвачены и принесены в жертву богам войны, расположения которых индейцы пытались теперь добиться с еще большим рвением.

Поскольку отряд был разбит, а запасы воды и пищи подходили к концу, Кордоба приказал своим кораблям повернуть к берегам Кубы. На обратном пути раненые испытывали страшные муки от лихорадки и гноящихся ран. Воды не хватало, так как бочки бросили во время отчаянного бегства из Чампотона. «Жажда была столь велика,— жаловался Диас,— что губы и языки потрескались от сухости, и ничто не могло облегчить наши страдания. О, какие мучения испытываешь, открывая новые земли!» Эрнандес де Кордоба, появление которого впервые создало для племен майя угрозу завоевания, умер от ран, полученных в Чампотоне, вскоре после возвращения на Кубу. Но его уцелевшие спутники охотно рассказывали о языческих городах с их пышно украшенными храмами, где хранятся предметы из золота и нефрита. При этом алчность слушателей не уменьшалась даже при описании ярости сопротивления майя. Возбужденный этими рассказами, честолюбивый губернатор Кубы Диего Веласкес организовал вторую экспедицию на Юкатан, снарядив за свой счет четыре корабля. Во главе эскадры он поставил своего племянника Хуана де Грихальву. В начале апреля 1518 г. каравеллы Грихальвы с 240 солдатами на борту отправились к берегам Юкатана. Через восемнадцать дней они достигли земли. Это был неизвестный ранее остров Косумель, расположенный близ восточного побережья Юкатана. Его храмы и жилища опустели, видимо, совсем недав-

но. Их обитатели укрылись в тайных убежищах, чтобы следить оттуда за действиями странных пришельцев, которые в изумлении расхаживали среди покинутых зданй. От Косумеля эскадра направилась по старому маршруту Кордобы, вдоль северного побережья Юкатана. Грихальву не в меньшей степени, чем его предшественника, охватило волнение от сознания того, что он плывет вдоль границ таинственного царства. «Повсюду,— писал Уильям Прескотт,— ему попадались следы высокой цивилизации, особенно в архитектуре...» Его поражали размеры и прочность зданий, сложенных из камня на известковом растворе, зданий, совершенно непохожих на хрупкие тростниковые хижины обитателей островов Карибского моря; развитая система земледелия, существовавшая на Юкатане; высокое качество хлопчатобумажных тканей и изящество золотых украшений местных жителей. Грихальва был поражен также при виде огромных каменных крестов (явно служивших предметами культа), которые встречались в разных местах. Так как это напоминало ему родину, он назвал полуостров Юкатан Новой Испанией. Грихальве также суждено было испытать на себе всю силу сопротивления майя. В Чампотоне его встретил не менее яростный отпор, чем тот, который обрек экспедицию Кордобы на полный провал. После ожесточенного сражения испанцы вступили в город, покинутый жителями. На улицах царил мертвая тишина, нарушаемая лишь приглушенными голосами конкистадоров, осматривавших каменные храмы, украшенные скульптурами. Плыв от Чампотона на запад, эскадра прибыла к устью реки Табаско, которая несет свои мутные воды из болотистых внутренних районов материка в залив Кампече. Грихальва решил исследовать русло этой реки. Ведь до него ни один европеец не проникал в глубь неведомого материка более чем на несколько сот ярдов. Но туда можно было попасть только по воде. Поэтому он посадил солдат на два самых маленьких судна и двинулся вверх по течению реки. Едва они успели войти в ее устье, как медленно двигавшиеся корабли оказались окруженными лодками, в которых находились вооруженные до зубов индейские воины. Грихальва предложил им через своих переводчиков подарки в виде бус и пригласил подняться на борт судна.

«Капитан сказал им, что мы прибыли из далекой страны,— писал Диас,— и являемся подданными великого им-

ператора дона Карлоса, у которого много вассалов — могущественных сановников и вождей — и что они тоже должны признать его своим повелителем. Им это будет выгодно. А за бусы они могут принести нам еды и домашней птицы. Два индейца ответили, что принесут пищу, которую мы просим, и обменяют свои вещи на наши. Что же касается императора, то у них уже есть повелитель, а мы, мол, только что прибыли, ничего не знаем о них, однако хотим дать им вождя. Они предостерегли нас не вступать с ними в войну, как мы это сделали в Чампотоне, потому что у них имеется в полной боевой готовности более трех „хикипилей“⁵ воинов из всех окружающих провинций (каждый „хикипиль“ насчитывал 8 тысяч человек). Они сказали также, что им известно, как всего лишь несколько дней назад мы убили и ранили в Чампотоне более двухсот человек. Но они не такие слабые люди, какими были жители этого города...» Тогда Грихальва вручил их вождям связки бус и сказал, что его солдаты с вечера станут лагерем на берегу реки, ожидая возвращения делегации. «На следующий день, — продолжает Диас, — свыше тридцати индейцев во главе со своим вождем пришли на мыс к пальмовым деревьям, где мы разбили лагерь. Они принесли с собой жареную рыбу и домашнюю птицу, плоды сапоте⁶ и лепешки из кукурузы, а также жаровни с горячими углями и смолу, и они окуривали всех нас. Потом они растелили на земле циновки, которые здесь называют „петатес“, и положили на них ткани. Они разложили также драгоценные украшения из золота: одни из них напоминали диадемы, другие были сделаны в форме уток... или наподобие ящериц, три ожерелья (из полых бусин) и другие предметы. Они принесли несколько плащей и рубах, таких, какие они носят сами, и сказали, что мы должны без обиды принять эти вещи, так как у них больше нет золота, чтобы дать нам. Но дальше, в глубь страны, на закат солнца, имеется много золота. И они сказали: „Колуа, Колуа, Мехико, Мехико“, но мы не знали, где находится это Колуа или Мехико».

Область, о которой говорили торговцы майя, представляла собой гористую страну на севере, входившую тогда в царство ацтеков. В течение трех столетий, предшествовавших Конкисте, ацтеки превратились из полуварварского племени кочевников в создателей блестящей цивилизации. Постепенно их владения распространились далеко за пре-

дела долины Мехико, где находилась их великолепная столица — город Теночтитлан. Могучие легионы ацтекских рыцарей, одетых в доспехи из орлиных перьев и шкур ягуаров, вооруженных щитами и копьями, шли в бой под грохот барабанов и вой труб, сделанных из раковин. Они сокрушили сопротивление племен тотонаков, тлашкаланцев и ольмеков, живших вдоль восточного побережья Мексики, и разорили великолепные города сапотекв на юге. Они взимали с подвластных им племен тяжелую дань и уводили с собой тысячи пленников для принесения их в жертву на кровавых алтарях Теночтитлана. Ацтекская империя непомерно разбогатела за счет добычи, награбленной во время многочисленных войн. К XVI столетию ее правители стояли во главе военного государства, которое по своему богатству и великолепию смело могло поспорить с любым европейским государством того времени⁷. Поскольку до Грихальвы продолжали доходить слухи о богатых царствах Мексики, он решил отправиться прямо к источнику их происхождения. Отказавшись от своего первоначального плана исследовать реку Табаско, он двинулся вдоль мексиканского побережья на север. Вскоре на горизонте показались покрытые снегами горы — вулканические колоссы, которые, вздымаясь над побережьем штата Веракрус, уходили по направлению к Мексиканскому плато. Но появление испанцев в этих водах не было чем-то неожиданным. За каждым изгибом побережья стояли отряды воинов, размахивающих копьями, с развевающимися знаменами и значками из перьев. Известие о более ранней экспедиции Кордобы распространилось по всей Мексике. Сам Монтесума с тяжелым предчувствием выслушал эти вести: его оракулы предсказали приход чужеземцев за несколько месяцев до этого. Они объявили это событие исполнением древнего пророчества, которое гласило, что некое божество, изгнанное несколько веков назад из долины Мехико — Кецалькоатль, всеми почитаемый пернатый змей, вернется с востока, принеся в ацтекское царство новый порядок. Монтесума увидел в появлении странных кораблей и бородатых людей знамение судьбы — необходимость своего собственного отречения от престола в пользу воскресшего божества.

Однако утомленный Грихальва не рискнул принять грозный вызов Мексики. Обменяв у прибрежных индейцев свои товары на золото, он вернулся на Кубу. Покоре-

ние Мексики выпало на долю знаменитого завоевателя Эрнандо Кортеса, которого настолько взволновали открытия Грихальвы, что он уже в следующем — 1519 г., имея в своем отряде пушки и лошадей, двинулся в самое сердце империи ацтеков, повергнув в прах ее славу. Кортес прибыл со стороны «Восточного моря»⁸ именно так, как и предсказали мудрецы императора ацтеков. Но он никак не походил на почитаемого индейцами Кецалькоатля; а новый порядок, который принес Кортес побежденным народам Мексики, был во многом продиктован жадной и фанатичной испанской инквизицией. В то время как набожные монахи, следовавшие по пятам военных побед Кортеса, стремились вырвать «язычников» из состояния дикости, все золото из храмов поверженных ацтекских богов подверглось разграблению, а земли были розданы испанцам. На этих землях индейцы стали работать теперь как рабы. Такова была жестокая система угнетения, которая медленно поглощала цивилизацию американских индейцев. Два десятилетия спустя, после того как Кортес завоевал Мексику и большую часть Центральной Америки, Юкатан все еще прочно удерживался майя.

Испанцы основали колонии в Чиапасе, Табаско, Гватемале и Гондурасе, но никаких серьезных вторжений на сам полуостров не производилось. Предшествующие экспедиции Кордобы и Грихальвы носили скорее разведочный, чем завоевательный характер. Однако поразительные успехи испанцев в Новом Свете делали теперь покорение Юкатана и логичным и желательным. Франсиско де Монтехо командовал во время экспедиции 1518 г. одним из кораблей Грихальвы. Позднее он оставил полную опасностей Америку и вернулся в родную Испанию. Несколько лет спустя он вручил Карлу V детальный план основания постоянной колонии на Юкатане. Ему было даровано королевское согласие на право получения соответствующей доли тех сокровищ, которые подобное предприятие могло дать королевской казне. Получив благодаря продаже имения своей жены необходимые денежные средства, Монтехо в 1527 г. отбыл из Испании на трех кораблях с отрядом своих приверженцев, окрыленных радужными надеждами. Но судьба не благоприятствовала честолюбивому Монтехо. Его первую колонию, основанную на материке напротив острова Косумель, пришлось покинуть из-за жестокой эпидемии лихорадки. Но он не принял во внимание угро-

Археологическая карта области распространения культуры майя (по Морли)

зу мятежа среди своих упавших духом войск и возможность тщательно продуманного отпора индейцев, которые позволили оставшимся в живых обитателям злополучной колонии проникнуть в глубь материка и там напасть на них. В конце концов, Монтехо удалось покорить нескольких вождей майя, но постоянные эпидемии страшных болезней, голод и воинственные настроенные индейцы вынудили его отказаться от добытого с таким трудом опорного пункта на полуострове. К тому времени надежды Монтехо на приобретение земли, рабов и богатства значительно потускнели. И даже осуществление его сокровенной честолюбивой мечты — объявить себя завоевателем Юкатана — было на время отложено. В 1531 г. он вновь сделал попытку включить обширные области Юкатанского полуострова в число растущих владений Новой Испании. Он собрал значительную армию, посадил ее на несколько кораблей и предпринял новую атаку на полуостров со стороны Кампече. Ему помогал его сын — Франсиско де Монтехо-младший, который немедленно отправился с большим отрядом солдат исследовать и колонизовать северную оконечность Юкатана. После трудного похода в глубь полуострова ему удалось основать колонию в Чичен-Ице — в древнем культурном центре северной части Юкатана. Однако новое рискованное предприятие Монтехо имело не больше шансов на успех, чем его предыдущая попытка. Через шесть месяцев все местные индейцы объединились и восстали против испанских завоевателей. Гарнизон Монтехо в Чичен-Ице был осажден, а остальная его армия отброшена к побережью.

К 1540 г. фактически вся Мексика, не считая огромных кусков Центральной и Южной Америки, находилась уже под владычеством испанцев. Поэтому некоторые племена майя, в частности племена Западного Юкатана, решили, что дальнейшее сопротивление бесполезно, и покорились, хотя и неохотно, испанцам в надежде завоевать расположение своих новых господ. Монтехо-младший, уполномоченный своим отцом следить за выполнением условий соглашения с королем, составил смелый план нового похода. Суть его состояла в том, чтобы проникнуть во внутренние районы Юкатана и сокрушить уцелевшие там опорные пункты индейцев. В 1541 г. он с отрядом в 400 человек, с артиллерией и конницей вторгся на полуостров. К вождям майя были направлены гонцы с призы-

вом — мирно подчиниться испанскому королю. Некоторые провинции без сопротивления покорились, как казалось им, неотвратимой судьбе. Но северные области, особенно мятежная группа под названием Ах Кануль, отказались принять условия капитуляции. Тогда Монтехо разделил всю армию на две части и послал 160 человек под командованием своего двоюродного брата расправиться с непокорными вождями. После мучительного похода поредевший отряд испанцев, томимых жаждой и полуголодных, прибыл в город Тхо, где вожди Ах Кануль собрали значительную армию. В решительном сражении против превосходящих сил противника испанцы разгромили легионы майя и подчинили себе Ах Кануль. Как предварительный шаг для основания постоянной колонии в городе Тхо появился испанский гарнизон. Младшему Монтехо было послано в Кампече донесение с настоятельной просьбой о помощи. Тот немедленно отправился в Тхо, с тем чтобы закрепить успех своего двоюродного брата. Феноменальный триумф испанцев в Тхо нанес смертельный удар духу сопротивления майя. Многие непокорные прежде провинции отказались теперь от своей независимости, рассматривая неблагоприятный поворот судьбы, как проявление воли своих богов. Затем произошло событие, которому суждено было оказать разрушительное воздействие на единство остальных провинций. На равнине, окружавшей город Тхо, внезапно появились толпы индейцев во главе с вождем, которого они несли на носилках, украшенных перьями. Испанский гарнизон, полагая, что сейчас будет сделана попытка отбить город, приготовился к бою. Однако, когда индейские воины приблизились, их вождь поднял в знак мира руку. Он представился Монтехо как вождь Тутуль Шиу — правитель Мани, наиболее могущественной в то время провинции Северного Юкатана. Он заверил испанцев в своем уважении к ним и предоставил в их распоряжение большую армию. Монтехо необычайно повезло. При поддержке влиятельного правителя Тутуль Шиу ему удалось покорить все провинции майя, за исключением самых восточных. В 1542 г. он основал на руинах Тхо «прекрасный и верноподданнический» город, назвав его Меридой. Вскоре под пятой испанских завоевателей оказались самые отдаленные области Юкатана. С разгромом разрозненных армий майя были уничтожены последние остатки их некогда могущественной империи⁹.

ЗАБЫТАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

С установлением испанского господства в Новом Свете обращение индейцев в рабство практически было узаконено. В первые годы после Конкисты не существовало никаких ограничений, запрещавших испанским землевладельцам добывать себе рабов любыми доступными способами. Некоторые виды рабства (более скрытые, не столь бросающиеся в глаза) сохранились здесь вплоть до конца XIX столетия. На Юкатане тысячи людей были переселены из своих деревень в поместья «энкомендерос»¹, захватывавших по указу далекого монарха — испанского короля — наследственные земли индейцев. Майя навязали принудительную систему контрибуций. А всякое выражение непокорности влекло за собою суровое наказание, так как господа считали своих слуг «порождением дьявола». В одной индейской хронике, написанной вскоре после Конкисты (книге Чилам Балам²), есть красноречивые строки о судьбе, выпавшей на долю майя: «Начались различные поборы, начались поборы в пользу церкви, началась яростная погоня за деньгами, началась пушечная пальба, началось затаптывание людей в землю, начались насильственные грабежи, началось выбивание долгов на основе ложных показаний, начались всевозможные бедствия».

Испанцы с ревностным фанатизмом искореняли культуру и традиции майя. Храмы, воздвигнутые в честь могущественных прежде богов, которые вызвали к жизни блестящие достижения индейской цивилизации, были снесены. Их алтари и статуи — разбиты. Всякое поклонение им было запрещено под страхом сурового наказания.

Часто на месте древних языческих храмов строились церкви, обслуживаемые доминиканскими и францисканскими монахами. В обязанности последних входило восхваление добродетелей христианства перед их духовной паствой. Но искоренить древние верования было нелегко. Что же за люди эти испанцы, с неопишуемой жестокостью насаждающие учение своего бога, которого они называют милосердным? И майя бежали по ночам в глубину спасительных джунглей. Они собирались там в заброшенных храмах для принесения жертв спрятанным идолам, желая навлечь гнев своих богов на головы захватчиков. Победа Монтехо окончательно установила на Юкатане новую систему угнетения. Племена майя были разгромлены, их города превращены в руины, а важнейшие завоевания их цивилизации преданы забвению. Оставалось лишь уничтожить в памяти уцелевших индейцев наследие прошлого, вычеркнуть из нее достижения и традиции, которыми жили майя в течение многих веков. Эта задача выпала в основном на долю одного человека — религиозного фанатика, которого сложность натуры сделала одновременно и безжалостным убийцей и ученым, посвятившим себя всестороннему изучению майя. В 1549 г. некий францисканский монах, по имени Диего де Ланда, прибыл из Испании на Юкатан для службы в монастыре Исамаль. Молодой священник, проникнутый духом инквизиции, был полон решимости исполнить свой долг. Повсюду, где бы он ни появлялся во время своих многократных крестовых походов в различные области полуострова, уничтожались все следы языческой религии. Он объявил, что всякий, кто будет уличен в поклонении языческим богам, подвергнется суровому наказанию и примет жестокие мучения во имя очищения, которое должны пройти все язычники.

Несмотря на все усилия Ланды, глубоко укоренившиеся древние верования по-прежнему жили среди индейцев.

Они все еще поклонялись богам солнца, дождя и плодородия (именно к ним майя тайно зывали в период сева на своих полях), поклонялись верховному богу Ицамне и могущественному Кукулькану, в чьих храмах они молили об отмщении за свою горькую участь. Диего де Ланда был взбешен упорным отказом своей паствы расстаться с древними верованиями. Он стал искать новых способов воздействия на майя, чтобы лишить их культурного насле-

дия прошлых веков. Такая возможность представилась ему, когда он с крестом в руке вступил в город Мани, бывший прежде столицей могущественной династии Тутуль Шиу. Благодаря особому значению этого города в истории майя, там была собрана большая библиотека, состоявшая из книг, написанных индейскими жрецами до прихода испанцев. Обнаружив этот ценнейший архив, Ланда совершил акт бессмысленной жестокости, который лишил исследователей одного из важнейших источников информации, дошедших до исторических времен³. Он приказал снести книги на городскую площадь и публично сжечь их! В назначенный день чудовищное «аутодафе» совершилось. «Поскольку,— писал Ланда,— книги не содержали ничего, кроме суеверия и дьявольской лжи, мы сожгли их все...» На дымящихся углях этого страшного костра было уничтожено бесценное археологическое сокровище, содержащее летопись тех веков, в течение которых культура майя на фоне других цивилизаций Нового Света достигла непревзойденного блеска.

Литература древних майя находилась на очень высокой ступени развития. Их книги, или кодексы, как их часто называют, представляют собой одну полосу бумаги, изготовленную из растительного волокна и натурального клейкого вещества. Эту бумагу покрывали с обеих сторон белой известью. На ее поверхности индейские жрецы старательно выводили сложные иероглифические знаки, раскрашивая их растительными и минеральными красками. Затем манускрипт складывали и заключали в деревянную или кожаную обложку, создавая том или кодекс, напоминающий по внешнему виду современную книгу. К сожалению, до наших дней сохранилось всего лишь три таких кодекса майя. В 1739 г. был обнаружен в Вене и приобретен позднее государственной библиотекой Дрездена так называемый «Дрезденский кодекс», который содержит в основном астрономические вычисления. Во второй половине XIX в. в Испании были найдены отрывки еще из двух манускриптов майя. Исследование показало, что это части одного и того же документа — «Кодекса Тро-Кортезианус». Он представляет собой пособие для жрецов по астрологии. Этот кодекс хранится сейчас в Музее археологии и истории в Мадриде. Третий кодекс находится в Национальной библиотеке в Париже, где он был обнаружен в 1860 г. в ящике с забытыми документами. Большие куски

этого манускрипта, названного «Кодексом Пересианус», отсутствуют. Однако сохранившиеся фрагменты содержат яркое описание некоторых божеств и религиозных церемониалов. Хотя кодексы представляют большую ценность для археологов, они совершенно не освещают конкретных исторических событий⁴. Какие бесценные летописи по истории цивилизации майя, от ее таинственных истоков до момента гибели, были уничтожены «аутодафе» Ланды, мы так никогда и не узнаем. Архив из Мани вполне мог бы пролить свет на многие неразрешимые загадки, с которыми столкнулись позднее археологи. Уничтоженные рукописи почти наверняка представляли огромную ценность для дешифровки иероглифической письменности майя. В настоящее время удалось прочитать примерно треть этих письмен — тех, которые содержат астрономические и календарные вычисления: знаки дня, месяца, года и символы чисел. Но подавляющее большинство надписей майя до сих пор остается загадкой для ученых. Разрушенные храмы и дворцы, развалившиеся лестницы и изъеденные временем стены, обнаруженные в руинах городов майя, также были покрыты причудливыми иероглифическими знаками, которые ревниво скрывают множество сведений, нужных археологам. Ключ к дешифровке этих письмен до сих пор не найден⁵. Здесь не открыт еще свой Розеттский камень⁶, благодаря которому была разрешена загадка египетских иероглифов. Это тем более прискорбно, что майя — единственный народ доколумбовой Америки, который создал письменность более сложную, чем простые пиктографические изображения. Еще одно доказательство литературных достижений майя попало в руки ученых довольно любопытным путем. После Конкисты многие индейцы научились писать слова собственного языка испанскими буквами. Если бы все майя могли читать и писать по-испански, распространение христианского учения пошло бы гораздо быстрее. Именно с этой целью монахи терпеливо обучали свою паству. Но полученные таким образом знания индейские летописцы, которых беспокоило быстрое исчезновение древнего культурного наследия, использовали для записи интересующих их событий.

Несколько таких документов колониальной эпохи, передающих с красноречивой простотой мысли авторов о своей истории и традициях, сохранилось до наших дней. Из горной Гватемалы происходит священная книга майя-

киче — «Пополь-Вух»⁷. В ней излагаются мифы, космология и религия народа киче, господствовавшего прежде в южной части страны. Летописцы соседнего народа составили близкий по характеру документ, известный под названием «Анналы Какчикелей». Еще одна ценная коллекция рукописей, посвященных истории Северного Юкатана, содержится в книгах Чилам Балам, названных так в честь группы жрецов, славившихся своими пророчествами и способностью проникать в мир сверхъестественного. Но и эти документы обходили наиболее запутанные вопросы, поднятые археологическими находками.

Современные исследователи почти полностью лишены письменных источников, которые непосредственно касаются предмета научных споров, — сообщений о древних переселениях народов, основании городов, социальном и политическом развитии, войнах и торговле. И все это произошло в значительной степени по вине Диего де Ланды, деятельность которого среди майя уничтожила всякую надежду на сохранение памяти о прежней славе, упещей навсегда вслед за их военным разгромом. Деятельность Ланды развивалась в двух различных направлениях. Чтобы лучше подготовиться к своей миссии, он сразу же по прибытии на Юкатан погрузился в детальное изучение культуры майя. Подобное занятие не могло не пробудить в нем интереса к вопросам, лежавшим за пределами специальной цели его изысканий. Много времени проводил он в обществе сеньоров из династий Шиу и Коком, расспрашивая их об истории, фольклоре, мифологии и религии. Во время своих поездок по Юкатану он повсюду собирал подробнейшие сведения о различных сторонах жизни индейцев. В тайне от фанатичного монаха Ланды, сам того не сознавая, он благодаря этим поискам превратился в первого выдающегося исследователя тех самых древних традиций, которые стремился уничтожить. Приблизительно в 1566 г. Ланда начал писать подробную историю Юкатана, основанную на своих прежних изысканиях. Возможно, он хотел составить руководство для обучения молодых миссионеров тонкостям распространения христианства среди майя. Некоторые ученые считают, что Ланда предпринял этот шаг в надежде ослабить официальную критику его действий в Мани. Но история, написанная им, вряд ли могла заменить бесценные рукописи майя, которые он уничтожил. Какова бы ни была его действительная

цель, Ланда создал документ, имеющий уникальное значение для последующих исследований.

Его манускрипт, озаглавленный «Сообщение о делах на Юкатане», содержит множество подробнейших сведений о неизвестных ранее сторонах культуры майя. Он стоит в ряду тех немногих исторических документов, с помощью которых ученым удалось пролить свет на некоторые археологические находки. Работа Ланды — произведение монументальное. В ней исследуется каждая деталь повседневной жизни, обычаев, религии и истории майя, извлеченная Ландой из еще свежих воспоминаний его духовной паствы. Страницы книги заполнены тщательными описаниями пышных зрелищ, пересказом преданий майя, которые пытались воскресить и упрочить свои древние традиции. Особенно много времени Ланда уделял поискам способа дешифровки иероглифов майя. Он записал такие важные для современных археологов вещи, как названия и обозначения иероглифов дней, месяцев и годов, на которых базировался календарь майя. Но его попытки составить «алфавит» для чтения иероглифических текстов неастрономического характера — рисунков, фигур или предметов, в произношении майя имевших звуки, сходные с буквами испанского алфавита, — оказались тщетными. Если бы не работа Ланды, то о культуре майя времен Конкисты мы не знали бы фактически ничего. В Центральной Америке, как и в Новой Испании, следы высоких цивилизаций, процветавших там несколько столетий назад, не произвели никакого впечатления на алчных испанских колонистов. Все их внимание было сосредоточено на том, чтобы расширить политические и экономические границы своих владений. Да и какую ценность могли иметь для них разрушенные города и забытые достижения «поклонников дьявола»?

Эпоха открытий и завоеваний подобно лавине обрушилась на Западное полушарие. Европейцы, распаленные воинственным честолюбием, мечтами о богатстве, религиозным фанатизмом и жадной жаждой приключений, объединялись в отряды для похода на Запад. Они поклонялись двуликому кумиру: богу и новым техническим достижениям западной цивилизации — стальному мечу и пороху. А предшествующие события европейской истории вселили в них уверенность, что, научившись искусно владеть и тем и другим, можно изменить саму судьбу. Снаряженная таким образом горстка испанских солдат бросила вызов целому

континенту и победила. Но майя были разбиты не только из-за превосходства испанцев в вооружении. Фактически исход борьбы мог быть совсем иным, если бы внутренние раздоры не ввергли майя в состояние упадка задолго до испанского вторжения. Начиная примерно с 1450 г. гражданские войны и волнения охватили всю их территорию. Юкатан стал ареной почти не прекращающейся борьбы между могущественными династиями Кокомов и Тутуль Шиу. В Гватемале киче вели постоянные войны с какчикелями за господство над горными районами. В некогда мирных владениях майя не прекращались войны и политические убийства, процветали интриги. Светская власть, принадлежавшая прежде центральному правительству, перешла теперь в жадные руки независимых индейских царьков. Militarизм совершенно свел на нет творческие усилия минувших столетий. Уже не оставалось времени ни для созидательного труда, ни для науки. Земледельцы, призванные на военную службу, бросали свои поля. И словно кара богов, на майя обрушилось множество бедствий. Жестокий ураган опустошил обширные районы Юкатана. Вслед за этим поля майя поразила засуха, а чума уничтожила массу людей. Таких катастроф майя никогда прежде не знали. Загадочная песнь из книг Чилам Балам так повествует о событиях, возвестивших об окончании эры майя:

Ешь, ешь свой хлеб;
Пей, пей свою воду;
В этот день землю покроет пыль;
В этот день гибель придет на землю;
В этот день поднимется туча;
В этот день сильный человек захватит эту землю;
В этот день все погибнет;
В этот день ты закроешь мертвым глаза.

Извечная драма истории разыгралась вновь. Цивилизация майя — наиболее яркое выражение высоких достижений доколумбовой Америки — была уничтожена и полностью вычеркнута из истории человечества. Все, что создали в свое время майя, лежало теперь погребенным и забытым в их мертвых городах, поглощенных первобытными джунглями, из глубины которых появилась в незапамятные времена их культура. Оставшиеся в живых могли пойти по одному из двух путей: примириться с безрадост-

ным рабским существованием или бежать от угнетения, забыть все, что знали раньше в области математики, астрономии, техники и литературы, и жить подобно первобытным людям в глуши лесов.

На долю тех, кого гнала ненасытная жажда знаний, выпала почетная задача — восстановить культурные достижения майя, вырвав их из тьмы вечного забвения. Это были люди менее честолюбивые, чем их испанские предшественники, люди, для которых поиски истины казались не менее привлекательными, чем жажда золота.

ДЖОН ЛЛОЙД СТЕФЕНС — ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ ГОРОДОВ

В 1836 г. в Лондоне произошло событие, которое имело прямое отношение к загадке забытых городов майя. Американец Джон Ллойд Стефенс, юрист по образованию, оставивший свою профессию ради путешествий и изучения памятников старины, познакомился с английским художником Фредериком Казервудом. До этой встречи их жизненные пути были удивительно схожи — оба они страстно увлекались археологией Ближнего Востока. Стефенс родился в 1805 г. в Шрюсбери (штат Нью-Джерси). Он поступил на юридическое отделение Колумбийского университета, но спокойная и размеренная жизнь не удовлетворяла его беспокойную натуру. Его горячо интересовали самые отдаленные уголки земного шара, и поэтому он решил отказаться от своей карьеры ради путешествий в далекие страны.

В последующие годы Джон Ллойд Стефенс стал самым знаменитым исследователем своего времени и описал наиболее яркие страницы своих приключений в ряде весьма удачных книг¹.

Фредерик Казервуд долгое время серьезно изучал классическую архитектуру и скульптуру. Он хорошо знал руины Греции и монументальные постройки Египта эпохи фараонов, побывал на горе Синай, в Петре и сделал детальные зарисовки эллинистического города Баальбека. Он великолепно воспроизводил в своих рисунках архитектуру и каменную скульптуру. В отличие от многих художников-современников, увлекавшихся романтическими выдумками, Казервуд был непогрешимо точен и как искусный художник обладал к тому же даром критического вос-

приятия. Он считал обязательным полное соответствие каждой детали рисунка, каждой мысли мастера, работу которого он копировал, оригиналу.

Тот факт, что Стефенс в своих исследованиях руководствовался такой же высокой принципиальностью, делало их встречу в свете грядущих событий счастливой случайностью. Обоим суждено было сыграть исключительно важную роль в открытии современному человечеству достижений цивилизации древних майя. В 1836 г., после длительного путешествия по Ближнему Востоку, Стефенс возвратился в Лондон, а оттуда отправился в Нью-Йорк. Там, открыв юридическую контору, он начал писать книгу о своих приключениях и энергично включился в кампанию по предстоящим президентским выборам, выступая в поддержку кандидатуры Мартина Ван Бурена. Однако перед отъездом из Лондона он случайно наткнулся на отчет, написанный приблизительно в конце XVIII в. одним испанским офицером — капитаном Антонио дель Рио. Последний утверждал, что в джунглях Южной Мексики находится огромный разрушенный город, известный под названием Паленке. Надежда, что рассказ Антонио дель Рио соответствует истине, уже не покидала с тех пор Стефенса. Его интерес возрос еще больше, когда между 1831 и 1837 гг. появился цикл книг под общим названием «Древности Мексики» — труд всей жизни некоего лорда Кингсборо. В течение ряда лет, предшествовавших их публикации, Кингсборо неустанно изучал все, даже отрывочные сведения, известные в Европе о доколумбовой цивилизации Нового Света. В его работах содержалось детальное исследование памятников архитектуры и скульптуры, найденных к тому времени в Америке, а также великолепные репродукции уцелевших кодексов. При чтении книг лорда Кингсборо вырисовывается глубокая убежденность автора в том, что аборигены Америки — это потомки исчезнувших «племен израилевых». Однако заслуживающая восхищения попытка Кингсборо доказать свою гипотезу окончилась трагически. Он был брошен в долговую тюрьму, так как не смог оплатить колоссальных расходов, связанных с изданием книг. Несколько лет спустя приятель Стефенса показал ему папку с работами графа Жана Фредерика Вальдека — немецкого художника и искателя приключений, побывавшего в свое время в Южной Мексике и на полуострове Юкатан. В ней находились тщательно выполненные рисунки таинствен-

ных разрушенных городов, которые повсюду встречал Вальдек во время своих странствий. Странные фигуры людей и животных, вычурные архитектурные украшения на огромных зданиях взволновали Стефенса. Он стал еще внимательней изучать труды ранних историков и тех немногих путешественников, которым удалось проникнуть в эти почти неизвестные районы. Он собирал каждую крупницу сведений, содержащую хотя бы отдаленный намек на существование археологических памятников в Америке. Его любопытство достигло предела после статьи, которая появилась в «Трудах Американского антикварного общества». В ней подтверждалось открытие в Гондурасе огромного разрушенного города Копан.

Стефенс объявил о своем намерении исследовать глубинные районы центральноамериканских джунглей, чтобы подтвердить или опровергнуть существование этих пресловутых памятников древнего величия. Неудивительно, что его заявление вызвало ряд самых невероятных предположений. Общественное мнение было очаровано романтичностью миссии Стефенса, но историки и антиквары (археологи того времени) открыто выражали свой скептицизм. Сравнительно молодая в то время наука, археология, которая стала быстро развиваться с середины XIX столетия благодаря открытиям на Ближнем Востоке, еще не применялась по-настоящему на американском континенте. Вторжение Наполеона в Египет в 1789 г.² привлекло внимание европейских ученых к изумительным памятникам древности в долине Нила.

Шампольон начал дешифровку надписей на Розеттском камне. Поль Эмиль Ботта нашел город Ниневию. А Остин Лэйярд исследовал остатки некогда блистательной ассирийской империи. Взоры всего мира были прикованы к Средиземноморью. Все с растущим любопытством ожидали очередных открытий, которые постепенно превращали археологию в науку. Что же касается Западного полушария, то ученые единодушно и непреклонно придерживались мнения: американские индейцы никогда не выходили в своем развитии за рамки дикости. Несмотря на прямо противоположные сообщения письменных источников эпохи Конквисты, предположение о существовании в прошлом высокоразвитых цивилизаций в южной части Америки полностью отрицалось большинством историков. Было ясно — в случае успеха Стефенсу потребуется докумен-

тальное подтверждение его открытий. И никто не подходил для этой цели лучше, чем его друг Казервуд, превосходные зарисовки древностей Ближнего Востока и карты которого получили всеобщее признание. Горя желанием исследовать неведомые доселе районы, Казервуд сразу же принял предложение Стефенса сопровождать его в этой необычной экспедиции.

Два человека, наделенные ненасытной любознательностью и широкими знаниями, объединились, чтобы бросить вызов непроторенной центральноамериканской глуши и отправиться на поиски исчезнувшей цивилизации. Накануне отъезда Стефенса неожиданно назначили посланником Соединенных Штатов в Центральной Америке. Пост достался ему вследствие скоропостижной смерти его предшественника. Это была редкая удача.

В странах, которые он намеревался посетить, бушевала гражданская война. За политическое господство в молодых республиках Центральной Америки боролось сразу несколько мятежных армий. Все попытки сохранить законность и порядок терпели неудачу. Главари соперничавших армий продолжали взаимную борьбу. Вся эта территория, достаточно опасная даже при нормальных условиях, кишела теперь мародерствующими шайками разбойников и контрабандистов. Подобная ситуация едва ли могла воодушевить иностранных путешественников, намеревавшихся приступить здесь к чисто научным изысканиям. Но Стефенс надеялся, что дипломатический паспорт оградит его в какой-то мере от грозящих опасностей. В октябре 1839 г. исследователи высадились в Белизе (Британский Гондурас). Оттуда они на небольшом пароходике отправились по реке Дульсе к озеру Исабаль, лежащему на некотором расстоянии от восточного побережья Гватемалы. В порту Исабаль, расположенном на южном берегу озера, можно было нанять проводников для сухопутного путешествия через зубчатый барьер горы Мико в раздираемые войнами внутренние районы Гватемалы и далее на север. Верхом на мулах они все дальше углублялись в лесистые горы, туда, где рассчитывали найти древний город Копан. Но у них не было твердой уверенности в том, что они отправились в погоню за чем-то реальным.

После того как их со всех сторон обступил глухой тропический лес, у Стефенса появились все основания усомниться в своей затее. Возможно ли, чтобы в этой враждеб-

ной для человека природной среде процветала когда-то цивилизация? Не лучше ли согласиться с общепринятой точкой зрения и прекратить бесперспективные поиски?

Перед ними раскинулась первозданная глушь, таинственная земля, населенная лишь исконными обитателями — мириадами насекомых, экзотическими птицами, обезьянами и толстыми ящерицами — игуанами, которые нервно били хвостами в кустарнике, глядя пустыми глазами на людей и вьючных животных, нарушивших вековую первобытную тишину. Стефенс ярко описал опасности, встретившие их, как только они отправились в путь: «Сразу же начался крутой подъем по странной дороге — узкому и глубокому оврагу, дно которого было испещрено следами мулов и изрезано промоинами от горных потоков. Овраг оказался настолько глубоким, что его края нависали над нашими головами, и таким узким, что мы едва могли протиснуться между его стенами. Сквозь это грязное ущелье весь наш караван двигался длинной цепочкой. Погонщики мулов, шедшие внутри каравана и наверху, по краям оврага, вытаскивали мулов, когда те увязали в грязи, поднимали их, когда они падали, приводили в порядок вьюки, ругались, кричали и подхлестывали животных. Если останавливался один мул, то весь караван оказывался запертым внутри оврага. Любой внезапный толчок прижимал нас к стенкам, и мы легко могли получить перелом ноги. Выбравшись из этого ущелья, мы наткнулись на глубокие ямы, наполненные грязью, а запутанные корни деревьев усложняли и без того тяжелый и крутой подъем.

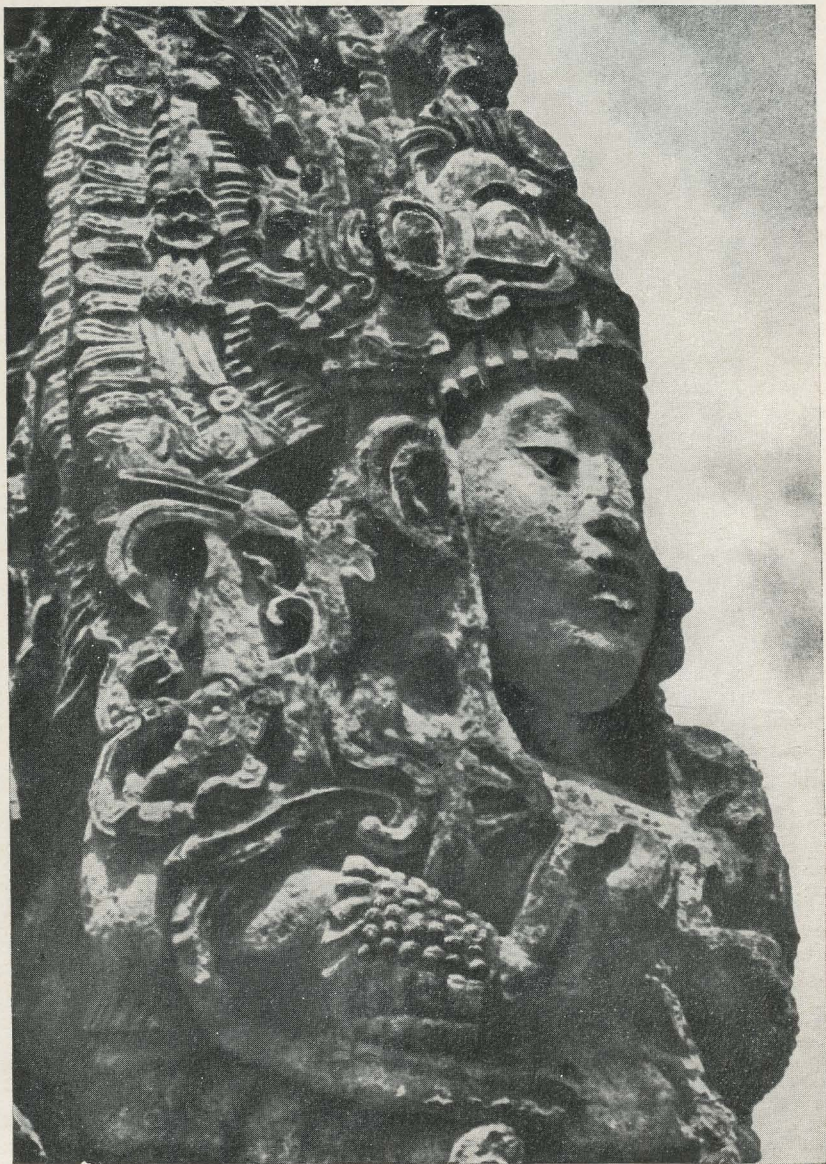
Недавно прошедшие ливни сделали местность почти непроходимой. Лес был таким непроницаемо густым, что мы не могли разглядеть ничего, кроме отвратительной тропинки прямо перед собой».

Наконец, они поднялись на плоскогорье и вступили в область, более благоприятную для путешествий. Но природные препятствия, встретившиеся им на пути, вскоре помerkли перед политическими барьерами тех времен. В Коматане, всего в нескольких милях от конечной цели их путешествия, Стефенс и его спутников арестовали и заключили в тюрьму, где они провели тревожную ночь. В течение всей этой ночи Стефенс вел переговоры со своими тюремщиками и отказался удовлетворить их необоснованные требования. И это чуть было не привело экспедицию к трагическому концу. Наконец, все удалось уладить, и они отправились в небольшое индейское селение Копан.

И здесь появление чужеземцев было встречено враждебно. Никто не мог сообщить о точном местонахождении развалин, которые описал им Стефенс. Но все сошлись на том, что единственный человек, способный помочь экспедиции,— дон Грегорио, подозрительный, со скверным характером метис, самозванный «староста» этой заброшенной деревушки. Дон Грегорио принял Стефенса с холодным безразличием. Ни дружеское обращение, ни предложение денежной награды не смогли рассеять его мрачного настроения. В конце концов, он согласился помочь в надежде поскорее избавиться от неприятных гостей. Он знал одного индейца, который мог провести их к руинам. Кроме того, исследователям было разрешено устроить в его асьенде³ свой лагерь, до тех пор пока не будет заключено соответствующее соглашение об оплате его услуг. Ранним утром следующего дня Стефенс и Казервуд в сопровождении своего нового проводника отправились верхом на мулах в безбрежный лесной океан. Вскоре подлесок стал таким густым, что дальше пришлось двигаться пешком по узкой тропинке, прорубаемой мачете. Когда они выбрались, наконец, на берег реки Копан, то на противоположной ее стороне отчетливо увидели высокую каменную стену, сплошь опутанную лианами. Исследователи быстро переправились через реку и пробрались к подножью разрушенной каменной лестницы, ведущей на вершину стены. Вбежав по ней, они очутились на террасе, с которой в густых джунглях, лежащих внизу, можно было с трудом рассмотреть остатки других каменных построек. Стефенс и его спутники спустились обратно в призрачные глубины леса и замерли среди всех этих чудес, далеко превзошедших самые смелые их ожидания. Повсюду среди джунглей встречались высокие каменные колонны. Одни из них стояли вертикально, другие рухнули вниз или были разбиты. Их поверхность покрывала рельефная резьба, изображавшая фигуры людей и животных в сочетании со знаками, похожими на письма. Почти вросшие в землю огромные каменные алтари с рельефными изображениями пышно одетых людей и звероподобных масок лежали у их ног. Пирамидальные постройки, возвышавшиеся над вершинами деревьев, едва угадывались под густым покровом растительности. Фасады зданий и лестницы, ведущие к их плоским вершинам, были разрушены корнями деревьев и лианами, проросшими в расщелинах между узорчатыми камнями.

Каменная стела из Копана

Деталь стелы «Н». Копан

Огромные каменные головы ягуаров и клыкастых змей — изображения богов, в честь которых воздвигались эти великодушные храмы, упали со своих первоначальных мест на фасадах зданий. Повсюду взоры исследователей наталкивались на застывшие в камне чудеса древнего Копана. Этот таинственный город был, очевидно, в древности крупным центром, местом рождения высоких культурных достижений, совершенно неизвестных наук. Открытие его имело огромное значение! Стефенс с первого же взгляда на эти руины пришел к твердому убеждению, что господствовавшая до сих пор академическая догма, сторонники которой утверждали, что американский индеец не смог подняться в своем развитии выше ступени варварства, полностью не состоятельна.

«Какой же народ построил этот город? — писал позднее Стефенс. — В разрушенных городах Египта, даже в давно заброшенной Петре, чужестранец знает в общих чертах историю того народа, следы деятельности которого он видит вокруг. Америку же, по словам историков, населяли дикари. Но дикари никогда не смогли бы воздвигнуть эти здания или покрыть резными изображениями эти камни... Архитектура, скульптура и живопись, все виды искусства, которые украшают жизнь, процветали когда-то в этом пышно разросшемся лесу. Ораторы, воины и государственные деятели; красота, честолюбие и слава жили и умирали здесь, и никто не знал о существовании подобных вещей и не мог рассказать об их прошлом...

Город был необитаем. Среди древних развалин не сохранилось никаких следов исчезнувшего народа, с его традициями, передаваемыми от отца к сыну и от поколения к поколению. Он лежал перед нами, словно корабль, потерпевший крушение посреди океана. Его мачты сломались, название стерлось, экипаж погиб. И никто не может сказать, откуда он шел, кому принадлежал, сколько времени длилось его путешествие и что послужило причиной его гибели.

О его исчезнувшем экипаже можно узнать лишь по едва заметному сходству с известными нам типами кораблей. А впрочем вполне возможно, что мы никогда ничего не узнаем о нем вообще. Все представлялось загадкой, темной и непроницаемой. И каждая деталь лишь усложняла ее. В Египте колоссальные остовы храмов стоят среди безводных песков во всей наготе запустения. Здесь же необъят-

ное море джунглей окутывает руины, пряча их от взоров и окружая ореолом романтики». В тот момент Стефенс едва ли понимал до конца все значение своего открытия. Перед ним лежали каменные изваяния, совершенно непохожие на те, что он встречал прежде. Здесь были представлены произведения самобытного творчества, увековеченные в камне идеалы народа, происхождение которого терялось в глубине веков. Его история не имела связи ни с одной другой известной цивилизацией.

Исследование этих развалин являлось необычайно трудной задачей. На территории города нужно было проложить тропинки, очистить от кустарника каменные монументы и поднять те из них, которые упали, чтобы лучше изучить изображения, высеченные на их поверхности. Стефенс нанял среди жителей деревушки несколько землекопов, и вскоре работы по освобождению забытого города из его лесной могилы начались.

«Трудно представить себе тот интерес, с которым я изучал эти руины,— писал Стефенс о первых днях своего пребывания в городе.— Это совершенно новая область исследований. Здесь нет ни путеводителей, ни проводников. Повсюду раскинулась целина. Уже в десяти ярдах ничего не было видно. И мы никогда не знали, что ожидает нас впереди. Однажды мы остановились, чтобы обрубить ветви деревьев и лианы, скрывавшие поверхность монумента, резной угол которого едва выступал из земли. В то время как индейцы принялись за работу, я с напряженным вниманием наклонился над ним. И вот из-под земли стали появляться глаз, ухо, ступня или рука. Когда мачете со звоном ударился о резной камень, я оттолкнул индейцев и продолжал расчищать рыхлую землю руками. Красота этой древней скульптуры и торжественное безмолвие леса нарушались только возней обезьян и щебетанием попугаев. Заброшенный город и тайна, окружавшая его,— все возбуждало здесь интерес, далеко превосходящий то, что я когда-либо испытывал среди древних руин Старого Света».

Преодолевая серьезные препятствия, исследователи осмотрели все обнаруженные ими здания и попытались как можно точнее нанести на карту контуры разрушенных сооружений. Основной комплекс построек Копана располагался на вершине террасовидного «акрополя», занимавшего площадь в 12 акров. Он возвышался над окружающей

местностью на 125 футов. Эту огромную искусственную платформу увенчивала массивная пирамида, которая состояла из ряда постепенно уменьшавшихся террас. У западной стороны основания пирамиды находился дворик, окруженный небольшими храмами, а к востоку от пирамиды еще одна площадь, которую окружало множество рухнувших построек. У края этого «восточного дворика» стоял храм. Его дверной проем был обрамлен сгорбленными человеческими фигурами, поддерживающими массивные гирлянды скульптурных украшений. Наиболее крупным достижением строителей Копана можно считать, вероятно, так называемую «иероглифическую лестницу». Она вела от вершины «акрополя» вниз по направлению к «главной площади» у северной границы города. Эта лестница имела 33 фута ширины и состояла из 62 крутых ступеней. Все камни, входящие в этот ансамбль, были украшены знаками, глубоко врезанными в поверхность. А всего здесь насчитывалось почти 2000 отдельных знаков.

На многих камнях разрушенных зданий и почти на каждом крупном обломке скульптуры имелись те же характерные знаки. Они появлялись в самых различных сочетаниях, но встречались постоянно. Стефенс был убежден, что это буквы, а не просто декоративные мотивы, т. е. иероглифы, с помощью которых жители Копана хотели увековечить свою историю и накопленные знания. Ему также пришла в голову мысль, что скульптурные колонны, или «идолы», разбросанные по дворику, воздвигнуты в честь конкретных исторических событий или же для того, чтобы отметить определенные циклы календаря. Исследования последующих лет подтвердили оба эти предположения. В равной степени пленяла воображение Стефенса та атмосфера, которая окутывала руины Копана. Она наводила на мысль, что этот город — произведение чародеев, а не обыкновенных людей.

Подобное впечатление создавалось не только окружающими его джунглями, мрачными криками быстрых, как тени, обезьян и необыкновенным ощущением, что каждый находящийся здесь может перенестись в глубь веков, а чем-то более реальным. Копан не являлся, по-видимому, торговым центром. Скорее, он был городом пышных памятников, угловатых пирамид и многокомнатных храмов. С их фасадов лица безымянных богов взирали на ритуальные дворики — место встречи знати, высших жрецов и прорицате-

лей, занимавшихся вопросами науки, искусства, философии и религии. В целом город напоминал гигантское святилище. Стефенс заметил, что чаще всего встречались изображения черепов: «На внешней стене они образовывали длинные ряды, усиливая мрачную таинственность этого места и постоянно напоминая живым о могиле и смерти. Они наводили на мысль о священном городе — Мекке или Иерусалиме неведомого народа».

Но прежде чем начались систематические исследования, возникла серьезная дипломатическая проблема, связанная с растущим негодованием дона Грегорио. «Увлечшись своими делами, — писал Стефенс, — мы почти не думали о том, какую сенсацию произвели в деревне. Не довольствуясь тем, что он выжил нас из своего дома, дон Грегорио хотел вообще избавиться от нашего присутствия.

К несчастью, в дополнение к его инстинктивной неприязни, мы оскорбили его и тем, что, будучи иностранцами, дали рабочим слишком высокую плату. Он стал смотреть на нас, как на соперников, говоря повсюду, что мы — люди подозрительные. Именно из-за нас был нарушен покой в Копане, появились солдаты и начались военные действия в его окрестностях. В подтверждение этого два индейца, проходившие через деревушку, сообщили, будто мы бежали из-под стражи и за нами гнался до границ Гондураса отряд из двадцати пяти солдат и что, если бы нас удалось схватить, то мы были бы расстреляны.

Алькальд⁴, пьяный с момента нашего прибытия, решил посетить наш лагерь для того, чтобы разрешить сомнения жителей деревни и принять какие-то меры, которых требовало присутствие таких «опасных» персон, как мы. Но его «храброе» намерение сорвалось благодаря одному забавному обстоятельству. Мы взяли за правило носить с собой на развалины города оружие. Поэтому, когда мы возвращались в свою хижину для встречи с алькальдом, каждый из нас, как обычно, имел пару пистолетов на поясе и ружье в руках. Наш вид был настолько грозен, что алькальд испугался своего дерзкого намерения устроить нам допрос и тотчас же скрылся».

Однако положение исследователей все еще оставалось опасным. Не имея друзей, они оказались в стране, раздираемой внутренними смутами и подвластной капризам безответственных политиканов. Кроме того, если бы кто-нибудь спросил у них, по какому праву они ведут работы в

Копане, они не знали бы, что ответить. Необходимо было что-то предпринять в противовес нарастающей неприязни местных жителей. И Стефенс решил купить разрушенный город! Земля, на которой он стоял, принадлежала некоему дону Хосе Мария — человеку довольно терпимому. Кроме того, он не был расположен поддерживать происки дона Грегорио. Стефенс нанес визит дону Хосе. Он резко опроверг слухи, распространяемые в селении, показал дипломатические документы с внушительными красными печатями и объяснил причину своего интереса к древнему городу. «Короче говоря,— писал он,— я на простом английском языке спросил его: „Сколько вы хотите за руины?“ Я думаю, это так же поразило его, как если бы я вдруг попросил продать его бедную старую жену...» После нескольких дней размышлений дон Хосе согласился на продажу. Для него эта земля не представляла никакой ценности — шесть тысяч акров болотистых джунглей с бессмысленными резными камнями и холмами мусора, а соблазн получить предложенные ему 50 долларов — почти неотразим. После торжественного показа документов и верительных грамот сделка состоялась. Мысль о том, что он — владелец разрушенного города в джунглях Центральной Америки, приводила Стефенса в восторг. В общем эта покупка, вызванная практической необходимостью, оказалась недурным предприятием.

В течение двух недель Стефенс и Казервуд трудились, пытаясь вырвать у лесной чащи тайны Копана. Не проходило и часа без того, чтобы находки не дали новую пищу для размышлений — неуловимые вариации орнамента или едва заметные следы грандиозных сооружений. Таинственное очарование разрушенного города захватило Стефенса.

Кто его создал? Откуда пришли его обитатели? Как им удалось построить свои великолепные здания и обработать огромные каменные глыбы так, словно они из глины? Что погребено под этими развалинами? Какова судьба исчезнувших обитателей Копана?

В конце концов было решено, что Стефенс отправится в город Гватемалу для выполнения своих дипломатических обязанностей, а Казервуд будет продолжать работу в Копане. Но Стефенса больше не интересовала политика. Он терпел свои обязанности лишь потому, что пост дипломата помогал ему в исследованиях.

Теперь его интересовал таинственный город Паленке ⁵.

В начале весны 1840 г. Стефенс и Казервуд вновь отправились в опасное путешествие. От низин Чиापаса, где согласно сообщениям находился Паленке, их отделяло несколько сот миль гористой местности. Шаг за шагом пробивались они из горных районов Гватемалы через тропические леса и саванны Южной Мексики к деревушке Санто Доминго дель Паленке. Несколько недель спустя исследователи, спотыкаясь, брели по ее грязным улицам. У них было только одно желание — отдохнуть после чудовищного утомления, которое по крайней мере в данный момент лишило их интереса к разрушенным городам. Но мысль о древних храмах и дворцах, разбросанных в густых джунглях, скоро возродила их былую энергию. И когда их привели, наконец, в этот изумительный город, они едва смогли сдержать свой восторг. Одного взгляда на его разрушенные памятники было достаточно для того, чтобы забыть о всех трудностях на пути к нему.

«Мы увидели множество камней, — вспоминает Стефенс, — и поспешно двинулись вверх, по крутому нагромождению обломков, настолько крутому, что мулы едва смогли вскарабкаться туда. Перед нами возвышалась терраса, которая, подобно всей территории города, так густо поросла деревьями, что было немыслимо определить ее форму. Сквозь просвет между деревьями мы увидели фасад какого-то огромного здания, пышно украшенного фигурами из штука, изысканными и элегантными. Прижавшись вплотную к нему, росли деревья, ветви которых проникли через дверные проемы внутрь здания. По своему стилю и внешнему облику оно было неповторимо своеобразным и привлекало какой-то печальной красотой.

Мы привязали наших мулов к деревьям, поднялись по каменным ступеням лестницы, сдвинутым в сторону или сброшенным вниз, и вошли во дворец. Некоторое время мы бродили по коридору и дворику. После того как наше ненасытное любопытство было несколько утолено, мы вернулись обратно. Стоя в дверном проеме дворца, мы произвели салют из четырех залпов, истратив последние заряды своих ружей. Если бы не этот способ выражения наших чувств, мы заставили бы загудеть крышу древнего здания от криков „ура“. Наш салют мы произвели и для того, чтобы напугать индейцев, которые, возможно, никогда не слышали прежде такой пальбы. Они, как и их предки во времена Кортеса, считали наше оружие инструментами,

изрыгающими молнии. Мы знали, что индейцы так расскажут об этом в своем селении, что их почтенные друзья воздержатся от ночных визитов к нам».

Большой дворец в Паленке дал Стефенсу и Казервуду первую возможность познакомиться с архитектурными достижениями майя. В отличие от Копана, здания которого лежали в руинах, наиболее внушительные сооружения Паленке стояли нетронутыми.

«Мы, — писал Стефенс, — впервые находились в здании, построенном первоначальными обитателями Америки. Оно стояло здесь еще до того, как европейцы узнали о существовании этого континента. Теперь же мы собрались устроить под его крышей свое жилище».

Это было массивное здание с множеством комнат, расположенных вокруг четырех углубленных в землю дворишков. Над ним возвышалась сорокафутовая каменная башня, смутно напоминавшая восточную пагоду. Ряды удивительных рельефов из штука украшали внешние пилястры здания. Вероятно, это были «портреты» верховных жрецов в затейливых головных уборах из перьев и ритуальных одеждах. Некоторые из них держали в руках жезлы, украшенные перьями. Их окружали сидящие фигуры. Несмотря на следы разрушений, уничтоживших целые участки этих скульптур, Казервуда очаровала их выразительность, сложность деталей и красота исполнения. Он без устали работал над тем, чтобы запечатлеть их на бумаге, боясь, что большинство этих скульптур будет вскоре уничтожено дождями.

Много столетий смотрят вниз со стен дворца эти мрачные фигуры, застывшие в сурово-торжественных позах.

Другие персонажи, напротив, застыли в позах иступленного танца: их обутые в сандалии ноги взлетают над землей, тела слегка наклонены вперед, распростертые руки ласкают идолов, рты раскрыты — они в экстазе. Эти статуи святых — свидетели расцвета Паленке. Его архитекторы воздвигли высокие пирамиды, увенчанные изящными храмами, и построили каменные дамбы через овраги, отделяющие одну часть города от другой. Его жрецы изучали небесный свод и проникли в самые глубокие тайны мироздания. Его художники воплотили в камне свои бессмертные идеи. Эти безмолвные статуи видели и то, что с течением времени творения их исчезнувших создателей попали во власть всепоглощающих джунглей...

Вскоре стало ясно, что Паленке — очень большой город. Куда бы ни направлялся Стефенс в своих странствиях, повсюду ему встречались остатки зданий и монументы. У одного из углов дворца, под покровом зеленой листвы, возвышался какой-то холм, состоявший из обломков камня. Стефенсу удалось рассмотреть очертания ступеней, ведущих к его вершине. В сопровождении индейцев, вооруженных мачете, он и Казервуд взобрались вверх по крутому склону и очутились у входа в храм, пышная орнаментация которого так поразила их, что они лишились дара речи. Его дверные проемы украшали лепные фигуры из штука. Верхний фасад храма представлял собой настоящий лабиринт из вычурных узоров, а крышу увенчивал продолговатый «гребень» из резного камня. «Ни одно описание, ни один рисунок не могут передать величие этого зрелища», — вспоминает Стефенс о своем первом впечатлении от осмотра изумительного здания, названного позднее Храмом Надписей⁶. Глубоко внутри пирамиды, на которой стоял храм, таилась одна из самых поразительных находок в начале американской археологии. Прошло целое столетие, прежде чем раскопки опытных исследователей обнаружили ее. Кругом находилось множество доказательств былого величия Паленке: еще один храм с великолепным алтарем внутри и изящными барельефами; огромная скульптура, лежащая на земле лицом вниз; остатки мостов и дамб, которые когда-то связывали воедино различные районы города; разрушенные пирамиды, — все это возвышалось над безжалостным покровом тенистой листвы. На стенах дворца и на скульптурных монументах среди этих руин, как и в Копане, оказались высеченными характерные иероглифические надписи. Одна стена Храма Надписей была испещрена сотнями непонятных знаков. Превосходно выполненные мельчайшие резные рисунки — каждый состоял из причудливых фигур людей или животных — эмблемы в виде завитков и цветистые узоры покрывали поверхность трех стен последнего помещения внутри храма. Стефенс тут же определил эти надписи как иероглифы, «подобные найденным в Копане...» На основе их сходства он пришел к выводу, что «всю эту страну населял когда-то один и тот же народ, говоривший на одном языке или имевший по крайней мере общую письменность». Но Стефенс неохотно углублялся в теоретические рассуждения относительно этнической принадлежности исчезнувших

строителей Паленке. Те, кто ранее побывал на этих руинах, включая Антонио дель Рио, отчет которого так взволновал Стефенса, приписывали основание города выходцам из чужих земель — либо из Старого Света, либо с «исчезнувшего континента». Стефенс чувствовал, что все эти домыслы беспочвенны. Даже местные жители, подчеркивал он, ничего не знают об истории Паленке. «Вся страна на много миль вокруг покрыта густыми, почти непроходимыми лесами, состоящими из неизвестных нам пород деревьев и кустарников. Что скрывается в глубине лесов, на основании моих собственных знаний сказать невозможно. Без проводника мы могли бы пройти в ста футах от зданий города, не заметив ни одного из них». После почти месячного пребывания экспедиции в городе утреннее небо затянули рыхлые черные тучи. Из них хлынули на джунгли потоки дождя. Стены зданий отсырели. Тучи москитов роились в их потемневших коридорах. Исследователям редко приходилось спать более трех-четырёх часов за ночь. Остальная ее часть проходила без сна из-за страха перед змеями, ящерицами и скорпионами, буквально наводнившими эти руины. К июню Стефенсу и Казервуду пришлось покинуть Паленке. Они двинулись вдоль реки Усумасинты, через Чиapas и кишевшие аллигаторами болотистые низины Табаско, туда, где ее зеленые воды впадают в залив Кампече. Оттуда путешественники на борту парохода отправились на Юкатан, намереваясь осмотреть еще один древний город — Ушмаль, расположенный близ Мериды. И снова открывшееся им зрелище превзошло их ожидания, хотя они уже привыкли к чудесам. На травянистой равнине стояло длинное здание изящных пропорций — Дворец Губернаторов. Его фасад украшала каменная мозаика в виде непрерывного и сложного узора из геометрических фигур, стилизованных масок и человеческих лиц. Позади дворца возвышались другие здания и пирамидальные холмы обломков, но их черты сгладило безжалостное время. У северной границы города находился четырехугольник из низких зданий с плоскими крышами, образовавших широкий двор. Их стены были облицованы резным камнем.

Непосредственно к востоку от так называемого Четырехугольника женского монастыря вздымалась на большую высоту, под углом в 45° к поверхности окружающей равнины, массивная пирамида. Пятьдесят четыре крутых

ступени вели наверх, к великолепному храму, известному под названием Дом Карлика.

В дни своей славы Ушмаль был, несомненно, крупным культурным центром. Изучение его длилось недолго. Делая зарисовки его развалин, Казервуд, давно страдавший от острых приступов малярии, потерял сознание и в бреду был доставлен в ближайшую асьенду.

31 июля 1840 г. корабль с обоими путешественниками на борту вошел в нью-йоркскую гавань. Не теряя времени, они приступили к подготовке для печати результатов своей экспедиции. Обширный отчет Стефенса, озаглавленный «Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чиapas и Юкатан», появился на прилавках книжных магазинов в сентябре 1841 г. Эффект этой книги был просто потрясающим. Историки с растущим страхом читали яркие описания неизвестных руин, дополненные необычайно четкими гравюрами Казервуда. Они стали лихорадочно искать доводы в защиту своих терпящих крах гипотез.

Для распространения беспочвенных теорий, доказывающих существование таинственных городов, спешно создавались целые научные школы.

Ученые заново пересмотрели отчеты ранних путешественников и хроники времен Конкисты в поисках фактов, на которые они, возможно, прежде не обратили внимания. Рисунки Казервуда сравнивались с классическими и восточными древностями в поисках возможного сходства. Теологи ухватились за находки Стефенса, как за «доказательство» их веры в погибшие континенты и исчезнувшие народы.

Споры бушевали, а неутомимый Стефенс вместе со своим другом Казервудом вновь отправился на Юкатан. Шесть недель ушло на не законченное ими прежде обследование Ушмаля. Затем мимо величественного трехэтажного дворца Сайиль и разрушенного города Лабна́ они двинулись на юг, к неведомым руинам Кабаха. В марте 1842 г. они разбили свой лагерь в Чичен-Ице, наиболее величественном древнем ритуальном центре Юкатана. Этому городу суждено было стать последним памятником, который посетили оба исследователя, чей союз привел уже к стольким важным открытиям. После шестимесячного пребывания в экспедиции здоровье Казервуда вновь пошатнулось. Стефенс же, окончательно уверовав в свою правоту, с голо-

вой окунулся в кипящий котел академических дебатов. Почти два года любовался он сказочными чудесами. Перед ним мелькали воспоминания о прежних путешествиях, знакомство с древностями Египта, Персии, Аравии и Греции. Их создатели передавали затем свои достижения западной цивилизации.

Но здесь, в глубине джунглей Центральной Америки, тоже погребены памятники высокой цивилизации, которая возникла и развивалась независимо от культур Старого Света. Неужели это проявление физической и умственной энергии целого народа исчезло?

Открытия Стефенса ясно продемонстрировали всему миру богатство цивилизации майя. Теперь задача ученых состояла в том, чтобы проникнуть в глубь потрясающих достижений майя и объяснить их происхождение.

МИФЫ И ТЕОРИИ. РОЖДЕНИЕ НАУКИ

Открытие Стефенса постепенно сломали сопротивление ученых-догматиков. Отпали все сомнения в том, что развалины, найденные в Центральной Америке, — действительно следы существования высокоразвитых цивилизаций. Но как только возникал вопрос об их происхождении, археологи упорно называли Египет, Ассирию, Индию и Китай в качестве единственных источников влияний. Тем самым исключалась всякая возможность самостоятельного развития народов Америки.

Памятники доколумбовой эпохи в Западном полушарии все еще оставались неисследованными. Немногие археологи отправлялись тогда в далекие путешествия в поисках материальных доказательств своих взглядов. Наиболее ранние отчеты Антонио дель Рио, Кингсборо и Вальдека по сути дела представляют собой описание сохранившихся памятников древности. В сущности и они были лишь отражением распространенного в то время мнения, что все достижения американской цивилизации принесены извне. Опубликованная в 1832 г. монументальная работа Уильяма Прескотта¹, посвященная истории испанского завоевания, еще не получила тогда широкого признания. Манускрипт епископа Ланды «Сообщение о делах на Юкатане» тоже не был найден. Он лежал в архивах испанской Королевской Академии, как и множество других документов колониального периода², затерявшихся в европейских книгохранилищах.

В отношении же существовавших испанских хроник считалось общепризнанным, что конкистадоры все несколько преувеличивали. Древние города, через которые они проходили, индейские армии, с которыми они сражались,

и сокровища, о которых они говорили, едва ли были так велики, как об этом писали очевидцы.

Стефенс знал об истории обследованных им разрушенных городов не более, чем самые известные ученые того времени. Однако он с явным скептицизмом писал о тех широко распространенных гипотезах, с помощью которых эти ученые пытались объяснить наличие местных культур в Западном полушарии: «Множество томов написано о первоначальном заселении Америки. В одних трудах обитатели этого континента рассматриваются как самостоятельная раса. В других — как древнейшая ветвь человечества на земле, ведущая свое происхождение от Ноя. Потомство сыновей Ноя было очень многочисленным, и поэтому честь заселения Америки приписывалась многим народам: иудеям, хананейцам, финикийцам, карфагенянам, грекам и скифам — в древние времена; китайцам, шведам, норвежцам, кельтам и испанцам — в наше время.

Северная и Южная Америка объединялись и разъединялись землетрясениями, из глубин океана возник легендарный остров Атлантида, и, чтобы не отстать, предприимчивый американец поместил сам Ноев ковчег на территории штата Нью-Йорк». А вскоре давно покинутые города Центральной Америки стали главной темой ожесточенных академических споров.

Таинственные остатки древних поселений на территории США, хотя и менее внушительные, чем центрально-американские, тоже порождали всевозможные псевдонаучные теории.

«Дикие и бредовые идеи... — писал Стефенс, — возникали при вырубке лесов, открытии курганов, холмов и укреплений, протянувшихся цепочкой от Великих озер через долины рек Огайо и Миссисипи, благодаря находке мумий в одной из пещер штата Кентукки, открытию на скале в Дайтоне надписи предположительно финикийского происхождения, благодаря раскопкам разрушенных стен и великого города в Арканзасе и Висконсине. Это породило глубокое убеждение в том, что страну населяли некогда могущественные и многочисленные народы, которые впоследствии исчезли, не оставив почти никаких сведений о своей истории».

Но кто же предки этих забытых народов? Откуда они пришли? И как сложилась в конце концов их судьба? Эти важнейшие вопросы вызывали ожесточенные споры. Сто-

ронники Библии пытались отождествлять американских индейцев с апокрифическими «потерянными коленами израилевыми» или с людьми, уцелевшими после потопа. Эволюционную теорию Дарвина некоторые использовали как доказательство того, что в Новом Свете развитие человека шло своим собственным путем и предками его были исчезнувшие ныне разновидности антропоидов³. Сторонники различных фантастических взглядов упорно утверждали, будто местом происхождения американских аборигенов был «погибший континент». Но эти бесконечные споры не давали никаких результатов. Исследования Стефенса и Казервуда явились одним из немногих исключений, которые оказали отрезвляющее действие на участников растущей полемики. Другим исключением были труды аббата Брасера де Бурбура, разыскавшего в различных архивах Европы, Мексики и Центральной Америки множество забытых документов о доколумбовых цивилизациях. Именно он обнаружил в 1863 г. в библиотеке испанской Королевской Академии историю Юкатана, написанную Ландой. Но, вообще говоря, настроение умов в XIX в. отнюдь не способствовало признанию глубоко обоснованных научных теорий. В американской археологии все еще господствовали твердолобые академики и мечтатели, которые работали, не зная ни настоящей методики раскопок, ни методов сравнительного исследования.

Вполне естественно, что загадка неизвестных народов и исчезнувших цивилизаций давала богатую пищу для всякого рода измышлений со стороны церковников, создавала благоприятную почву для их рассуждений о погибших континентах. Главной темой ожесточенных споров стал вопрос — какой из исчезнувших континентов, существование которых упорно отстаивали различные религиозные секты, был родиной цивилизации Нового Света. Особенно часто упоминались три: древнейший из мифических континентов — Атлантида, а также Лемурия и Му. Атлантида, чья слава далеко превзошла славу всех остальных, появилась на свет за четыре столетия до начала христианской эры, рожденная богатым воображением греческого философа Платона. По сообщению Платона, эта часть суши лежала за Гибралтарским проливом «к западу от ...Столбов Геркулеса и являлась когда-то центром великой и чудесной империи...» Столицу его воображаемой Мекси — великолепный город — окружала сеть каналов, сое-

динявших его с океаном. Главным сооружением этого города был роскошный храм, посвященный богу Посейдону — верховному владыке Атлантиды. «Храм этот не был доступен никому. Вокруг него стояла ограда из чистого золота... Снаружи весь храм, за исключением остроконечных башенок, был покрыт серебром, а сами башенки — золотом... Внутренние своды храма были из слоновой кости и отделаны золотом, серебром и орикалкумом (металлом, неизвестным в настоящее время). Все остальные части стен, колонны, а также и пол были облицованы орикалкумом. В храме стояли золотые статуи. Там же находился и бог Посейдон на колеснице, влекомой шестеркой крылатых коней. И был он так высок, что касался головой крыши храма. Вокруг него располагались статуи ста нереид на дельфинах... А снаружи, вокруг храма, были установлены золотые статуи... и другие драгоценные дары от царей и от простых смертных, поступившие из самого города и из других городов, которые они себе подчинили... И были еще дворцы, подобные этому храму и достойные величия царства и славы храма». Вокруг этого сказочного города сама земля была раем. «Там в изобилии имелось дерево для плотничьих работ и достаточно пищи для домашних и диких животных. И было там множество слонов... и пища для разных зверей: и для тех, что жили в озерах, болотах и реках; и для тех, что обитали в горах и на равнинах... И все, что есть на земле: корни или травы, или деревья, или нектары цветов, или плоды, — появлялось здесь и благоухало... И плоды с твердой кожурой, дающие питье, еду и масла, и множество каштанов — все, рожденное на этом священном солнечном острове, было прекрасно и удивительно в своем бесконечном изобилии».

Нам известно, что обитатели Атлантиды наслаждались этим постоянным изобилием, пока в них жил божественный дух, пока они повиновались законам и ревностно поклонялись своим богам. Но, как и все люди, атланты пресытились этими благами. Смертельный недуг подточил их силы. Само великолепие образа жизни постепенно привело их к упадку. И боги обрекли Атлантиду на гибель. По их воле огромный плавучий остров погрузился в морскую пучину. Так, уничтожая навеки созданный им самим остров, Платон считал уничтоженной и память о нем. Он создал Атлантиду для того, чтобы обосновать одну из своих философских концепций. Однако его легенда вызвала та-

кие споры, что скоро все забыли о ее первоначальном назначении.

В XVII в. увлечение теориями об исчезнувших континентах сказалось даже на таком крупном ученом, как сэр Френсис Бэкон. В длиннейшем трактате «Новая Атлантида» он пытался отождествить Америку с давно исчезнувшим континентом, описанным Платоном. Бэкон повествует о вымышленном путешествии на один из островов только что открытых земель. Но вскоре становится ясно, что описание обитателей острова, их законов, обычаев и образа жизни — не что иное, как выражение собственной философской утопии Бэкона.

Тем не менее миф об Атлантиде в таком виде дожил вплоть до 1882 г. В этом году некий Игнатиус Донелли выпустил книгу под названием «Атлантида — допотопный мир». И невинная легенда греческого философа превратилась для многих в настоящую догму. Донелли пытался поставить «несколько новых проблем». Он был убежден, что исчезнувший остров действительно существовал когда-то «в Атлантическом океане, напротив устья Средиземного моря» и что платоновское описание Атлантиды — исторический факт, а не выдумка философа.

Кроме того, он утверждал, что переход от варварства и цивилизации совершился именно на Атлантиде. С течением времени там появился могущественный народ, который и принес цивилизацию на берега Мексиканского залива, в долину реки Миссисипи, на Амазонку, Тихоокеанское побережье Америки, в Средиземноморье, на западное побережье Европы, в Африку, на Балтику, в Северное Причерноморье и на Каспий. Идя в своих выводах гораздо дальше предшественников, Донелли наряду с другими предположениями выдвинул теорию о том, что «боги и богини древних греков, финикийцев, индусов и скандинавов были попросту королями, королевами и героями Атлантиды...»

Он считал Египет «древнейшей колонией, основанной атлантами, и старался доказать, что финикийский алфавит зародился на Атлантиде, а затем распространился в Европе и Центральной Америке; что этот таинственный остров — колыбель арийской или индо-европейской семьи народов, а также семитов и, возможно, туранцев»; что катастрофа, приведшая к гибели острова, и была в действительности библейским потопом.

Храм I. 700 г. н. э. Вид после раскопок. Тикаль

Нефритовая статуэтка жреца из гробницы 116. Тикаль

Фигурный глиняный сосуд.
Каминальхуйю, Гватемала

«Если бы эти положения удалось доказать, — писал он, — то они... подкрепили бы во многих отношениях высказывания о неизвестных нам этапах генезиса. Они объяснили бы то замечательное сходство, которое существует между древними цивилизациями, созданными на двух противоположных берегах Атлантического океана... Помогли бы нам выявить прародителей нашей цивилизации и наших основных идей...» Вслед за работой Донелли вышла в свет книга французского историка Огюста Ле-Плонжона, в основу которой легли впечатления от его путешествия по Центральной Америке и результаты раскопок в Чичен-Ице на Юкатане.

Ее длинное название «Священные таинства у майя и киче, их связь с таинствами Египта, Греции, Халдеи и Индии» свидетельствует о глубоком убеждении Ле-Плонжона, что культура майя так же, как и другие древние цивилизации Европы и Азии, имеет один и тот же источник происхождения — Атлантиду. Излагая подобную точку зрения, Ле-Плонжон говорил от имени всех приверженцев религии.

Еще один мифический райский уголок некогда существовал, по слухам, в Индийском океане. Он известен среди тех, кто верит в его существование, под названием Лемурия, на нем как будто бы жили странные чудовища, от которых произошли первые человеческие расы.

Третий таинственный континент — Му — простирался от Ост-Индии до Гавайских островов. Его населяли одновременно и динозавры и «сверхчеловеки», каким-то образом попавшие затем в Америку⁴.

Некогда модная версия об исчезнувшем континенте стала серьезным препятствием на пути научного решения проблемы происхождения американских индейцев. К началу нашего столетия археологи все еще искали ответ на вопрос о появлении человека в Западном полушарии. Некоторые ученые заходили в своих предположениях так далеко, что искали предков индейцев среди обитателей Европы, проникших в Америку через Исландию и Гренландию. Другие объявляли их прямыми потомками норвежцев и викингов. Но поскольку общая картина развития аборигенных культур все более и более прояснялась, ученые, чья любознательность не была уголена взлетами фантазии, постепенно начали пересматривать основные положения американской археологии. В итоге своих исследова-

ний Джон Ллойд Стефенс пришел к заключению, что развалины, которые он открыл, — это остатки великих туземных цивилизаций, появившихся самостоятельно как выражение народного таланта, а не под влиянием каких-либо известных уже достижений подобного рода. Стефенс категорически отрицал внешние истоки происхождения цивилизации майя. «Я не считаю их циклопами, — писал он, — а их сооружения непохожи на постройки греков или римлян; в Европе нет ничего подобного». В Азии Стефенс также не находит убедительных аналогий. Он подчеркивает, что в Центральной Америке полностью отсутствуют искусственно созданные пещеры и высеченные в скалах храмы, типичные для древнеиндийской архитектуры. Он считает также, что между индийской скульптурой и скульптурой создателей Копана и Паленке существует лишь внешнее сходство. Египет давал гораздо больше возможностей для всякого рода измышлений. Огромное значение придавалось тому факту, что возведение пирамид свойственно и Египту, и Центральной Америке; факту, который для многих ученых служил доказательством культурных связей между этими странами. Возражения Стефенса на этот счет основывались на следующем: «Пирамидальная форма, — писал он, — привлекает к себе внимание строителя любой страны, как простейший и наиболее надежный вид высокой постройки на прочном фундаменте.

Следовательно, ее нельзя рассматривать в качестве доказательства единого источника происхождения всех тех народов, на родине которых найдены сооружения подобного типа, если только это сходство не проявляется в наиболее специфических чертах пирамид». Он обращал внимание на то, что египетские пирамиды однотипны по внешней конструкции. Они предназначались исключительно для погребений. Американские же — разнообразны по форме и декоративной отделке. Они поддерживали на своих плоских вершинах храмы и святилища. Кроме того, колонны — «отличительная черта египетской архитектуры» — не встречаются среди исследованных им развалин. Не было там и дромосов — длинных ходов, ведущих к гробнице, и портиков, или преддверий египетских храмов. Существовали заметные различия и в методах строительства: мелкие камни, примененные при строительстве Копана и близлежащих городов, египтяне, по словам Стефенса, едва ли стали бы использовать для возведения своих

храмов. Стефенс настаивал, что летописи эпохи Конквисты, принадлежавшие перу Эрреры, Берналя Диаса и других авторов, которые непосредственно сталкивались с индейцами Центральной Америки, заслуживают большего доверия.

Он прочел их, уделяя огромное внимание подробностям описания городов, встретившихся на пути армий испанских завоевателей, и, сравнив со своими личными наблюдениями, нашел вполне достоверными.

Наконец, копии иероглифических надписей, опубликованные лордом Кингсборо (в основном из Дрезденского кодекса), были, безусловно, известны Стефенсу. «Мы глубоко уверены, — заявлял он, — что эти иероглифы совершенно аналогичны тем, которые найдены на монументах и табличках в Копане и Паленке». Опираясь на результаты своих исследований, Стефенс тщательно избегал археологических догматов, вокруг которых вращались академические споры того времени. Его ответ на загадку о происхождении американских культур был смелым и пророческим. Стефенс категорически отвергал старую общепринятую теорию о связи американских цивилизаций с цивилизациями Старого Света. «Творчество индейцев, — писал он, — в корне отличается от творчества любого другого известного нам народа. Это — нечто совершенно новое и оригинальное». Затем Стефенс продолжал: «Я считаю, что нет достаточных оснований относить американские развалины к глубокой древности, как обычно делают ученые. Это не следы деятельности какого-то исчезнувшего народа, история которого нам неизвестна. Моя идея в корне противоположна прежним теориям, поскольку я склонен считать, что упомянутые руины оставлены племенами, населявшими страну во время вторжения испанцев. Может быть, их оставили ближайшие предки этих племен. Я хочу подчеркнуть, что наши исследования начаты отнюдь не с целью подтверждения какой-то теории. Мы просто стремились прийти к истокам древней культуры. В течение большей части нашего путешествия мы шли как бы наощупь, в абсолютной тьме, полные сомнений и неуверенности. И только когда мы попали в Ушмаль, у нас окончательно сложилось впечатление о сравнительно небольшом возрасте этих зданий. Одни из них — самые древние, другие, как известно, были обитаемы во время испанского завоевания, тогда как остальные лежали уже в развалинах задолго до этого момента. Между ними существуют разли-

чия, которые пока не поддаются объяснению... Но что касается Ушмаля, то упадок и последующее разрушение города легко объяснимы. С приходом испанцев власть индейцев кончилась. В городе Мехико разрушался до основания каждый дом. По всей стране общественные здания и крепости были уничтожены, общины рассеяны, высокие храмы низвергнуты, а идолы сожжены, дворцы касиков⁵ были сравнены с землей, а сами касики обращены в рабов. Следуя той же жестокой политике, которая с незапамятных времен проводилась в каждой побежденной стране, все следы бывшего величия индейцев и их независимости уничтожались или осквернялись. Возможно, что, приписав этим развалинам сравнительно поздний возраст, мы развеем ореол романтики, окружающий их. Но мы живем в эпоху, духом которой является стремление к уничтожению иллюзий и выявлению истины. Поэтому интерес, утраченный в одном случае, появляется снова. Чем больше мы сможем приблизить к нашей эпохе строителей этих городов, тем больше будет шансов узнать истину. По всей стране разбросаны монастыри, в которых хранится множество манускриптов и документов, написанных первыми монахами, вступившими в страну вместе с завоевателями. Там есть также документы, написанные касиками и индейцами, быстро усвоившими искусство читать и писать по-испански. Эти документы никогда не были исследованы с интересующей нас точки зрения. И я невольно думаю, что некоторые драгоценные рукописи, способные пролить свет на историю многих разрушенных городов, тлеют сейчас в библиотеке соседнего монастыря. Кроме того, я глубоко уверен, что таблички с иероглифами будут все-таки прочитаны. Правда, никто еще не был достаточно любопытен, чтобы сделать это. Иероглифическая письменность Египта тоже веками оставалась загадкой, но я верю, что ключ к дешифровке письменности майя, еще более надежный, чем Розеттский камень, будет когда-нибудь найден. Если в каждом из этих неизвестных городов еще три столетия назад кипела жизнь, то жившее в нем племя не могло исчезнуть бесследно. Его потомки, распавшиеся на мелкие группы и отступившие, как наши североамериканские индейцы, в дикие и недоступные места, куда не проник еще белый человек, быть может, все еще здесь в стране».

Таким образом, еще за 50 лет до того, как археология начала расчищать завалы нелепых теорий, Стефенс сумел

пробиться сквозь густую пелену тайны, окружавшей древних майя, и увидеть далекие горизонты подлинной науки.

В 1881 г. английский ученый Альфред Моудсли⁶ начал исследования, которые ознаменовали собой рождение археологии майя. 13 лет провел он в джунглях Центральной Америки, занимаясь изучением весьма важных проблем. Где проходили точные географические границы цивилизации майя? Какие существуют данные о пограничных контактах между культурой майя и другими доколумбовыми цивилизациями Америки? И нет ли там, как и в других частях древнего мира, указаний на причины зигзагообразного хода истории: внезапный блестящий расцвет, упадок и новое возрождение, ненадолго отделившее период пышного великолепия цивилизации от ее окончательной гибели. Моудсли, энергичный и любознательный исследователь, побывал во многих уголках обширной территории Центральной Америки, описал и нанес на карту ряд неизвестных до него развалин. Он делал гипсовые слепки с каменных скульптур и впервые использовал для документирования своих находок только что появившееся искусство фотографии. Он усердно копировал иероглифические надписи с тем, чтобы сравнить их с сохранившимися рукописями майя. Наконец-то исследователи получили в свое распоряжение какой-то комплекс фактических данных, который мог быть противопоставлен прежним нелепым теориям⁷. Наконец-то появилась прочная база для систематических исследований.

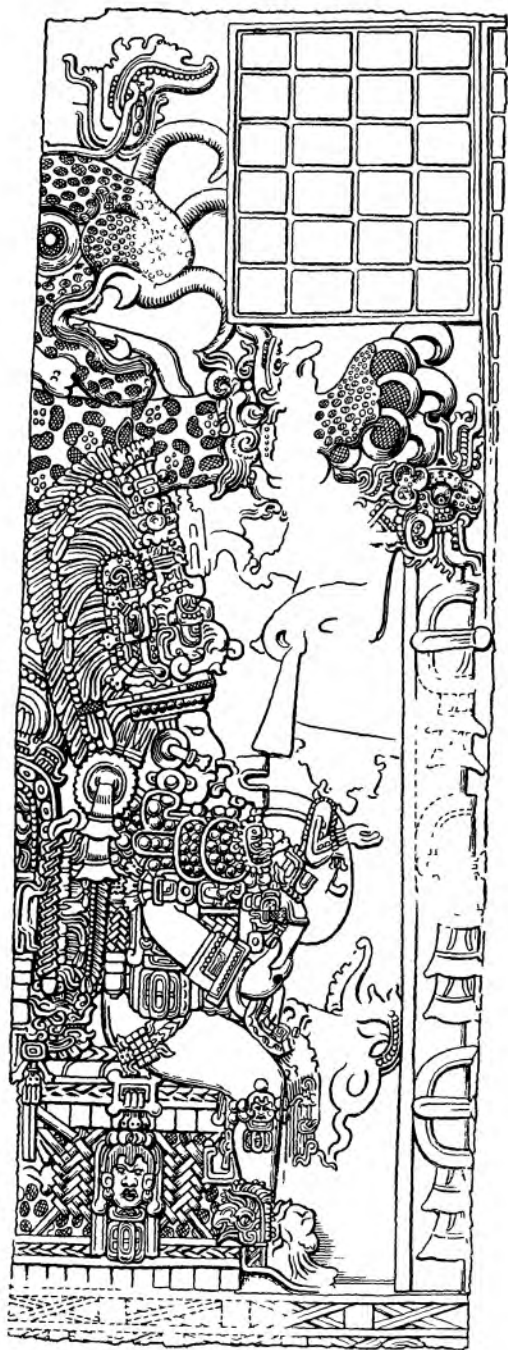
В 1892 г. Гарвардский университет организовал, главным образом под руководством исследователя и фотографа Теоберта Малера⁸, ряд экспедиций в Центральную Америку. Этот ученый открыл для науки совершенно неизвестные ранее области культуры майя, особенно в южной части полуострова Юкатан и в долине реки Усумасинты. Через двадцать лет быстро развивающаяся археология майя поднялась на новую ступень. Институт Карнеги в Вашингтоне выделил постоянный штат специалистов для изучения разнообразных проблем, связанных с Центральной Америкой. Под их умелым руководством работало несколько экспедиций, занимавшихся исследованием особо важных вопросов, необходимых для общего понимания истории майя. Благодаря отдельным изысканиям других научных учреждений, как американских, так и европей-

ских, был сделан важный вклад в решение этой задачи. А затем начались настоящие раскопки. Лопаты взломали печать времени и проникли в немое царство земли и каменных обломков. Некоторые группы исследователей сосредоточили свои усилия на том, чтобы проследить развитие архитектуры и каменной скульптуры. Они тщательно отмечали малейшие изменения в их стилях, фиксировали внешние влияния и устанавливали традиции, связанные с определенными хронологическими периодами истории майя. Другие классифицировали десятки тысяч фрагментов керамики, и безмолвные доселе обломки древней посуды превращались в руках опытных археологов в полноценный, исторический источник. Были установлены связи между определенными типами глиняных сосудов и их географическим местонахождением, а также их точный возраст.

Путем тщательного анализа керамики, найденной среди развалин, постепенно удалось определить древние торговые пути и культурные связи между различными городами и областями. В то же время третьи занимались дешифровкой и сопоставлением календаря майя с нашим календарем. Они стремились найти способ, при помощи которого можно было бы точно определить майяские календарные надписи, исходя из европейского летосчисления. Для майя сам ход времени имел глубокое значение. Он превратился в навязчивую идею, вокруг которой вращалась вся их повседневная жизнь. Фактически они стали рабами своего календаря⁹. Историю, философию или религию майя невозможно понять, не имея ключа к календарю. Даже архитектура была связана с астрономией. В науке о времени майя намного опередили все остальные цивилизации древнего мира. Но как пробиться сквозь многовековое молчание календаря майя и прочесть его загадочные письмена? Решение этой проблемы представлялось крайне необходимым для дальнейших исследований. Хотя епископу Ланде не удалось создать настоящий алфавит, он сделал множество подробнейших записей о структуре календаря майя. Он установил, что некоторые знаки соответствуют определенным периодам времени — дню, месяцу, году или более длительным календарным циклам. Каждая группа таких иероглифических знаков сопровождается числами, которые обозначают количество связанных между собой циклов, истекших с начала указанного времени. Вот и все, что

Ланда смог получить от своих индейских переводчиков; но дальше этого дело не пошло. В 1887 г. немецкий ученый Эрнст Ферстеманн вновь вернулся к наблюдениям Лачды и успешно использовал их в работе над текстом Дрезденского кодекса — одной из трех сохранившихся рукописей майя. Он разработал последовательность связанных между собой календарных циклов, порядок их расшифровки и достиг больших успехов на пути сопоставления их с соответствующими датами григорианского календаря. Почти одновременно к аналогичным выводам, подтверждающим открытие Ферстеманна, пришел американский эпиграфист Гудмен. Правда, в то время проблема была еще далека от своего окончательного решения. Но благодаря этому другие ученые смогли впоследствии полностью расшифровать календарь майя. Сделанное открытие во многом определило изучение культуры майя. Полного согласия о соотношении дат григорианского и майяского календарей между учеными не существовало никогда. Попытки найти приемлемую систему корреляции основывались главным образом на сопоставлении событий из иероглифических текстов майя с событиями, датированными в документах колониального периода по григорианскому календарю. Двигаясь от этих недавних, отправных пунктов в глубь веков, можно определить некоторые даты истории майя в соответствии с европейским летосчислением. Совершенно случайно удалось сделать открытия, которые археологически подтвердили эту параллельную хронологию. Так, например, было известно, что определенные астрономические явления можно наблюдать и фиксировать как в Европе, так и в Центральной Америке. Даты этих событий отмечались соответственно в каждом из календарей. Понимая потенциальную ценность сопоставления дат, записанных в различные календари независимо друг от друга, с определенными событиями, некоторые ученые пытались использовать эти даты для установления точной хронологии. И действительно, информация подобного рода создавала отправной пункт для календарных сопоставлений. Но эпиграфисты, считая данные, использованные в этих вычислениях, сомнительными, обратились к более надежным историческим фактам, почерпнутым из туземных и испанских рукописей. Однако даже в этой области разногласия, возникшие по поводу ряда важных моментов, привели к тому, что вопрос о надежном методе корреляции все еще остается нерешенным. Из

двух систем, которые используются сейчас для определения взаимосвязи майяских и европейских дат, одна была предложена Гербертом Спинденом, а другая — Гудменом, Мартинесом и Томпсоном. Несмотря на то, что вторая система, получившая за последние годы широкое признание, взята в качестве основы хронологии событий, изложенных в этой книге, следует отметить, что новые данные, полученные при помощи радиоуглеродного метода датировки, подтверждают систему корреляции Спиндена¹⁰. Вскоре после начала атомных исследований было обнаружено, что в атмосфере содержатся наряду с другими элементами частицы радиоактивного углерода, названного Карбон₁₄ (C₁₄). Он откладывается во всех живых организмах пропорционально количеству C₁₄ в воздухе. Сразу же после гибели организма это естественное равновесие нарушается, и C₁₄, находящийся в мертвом организме, начинает распадаться с определенной скоростью. Сравнивая количество радиоактивного углерода, которое осталось в погибшем организме, найденном при раскопках, с первоначальной его пропорцией, можно довольно точно определить время, прошедшее со дня его гибели. Резные деревянные притолоки, найденные в городе Тикале, на севере Центральной Гватемалы, были изучены при помощи этого метода, и их возраст полностью совпал с возрастом, установленным по хронологии Спиндена. Таким образом, вполне возможно, что дальнейшие исследования вынудят нас пересмотреть все датировки, на чем упорно настаивает Спинден. Его даты на 260 лет древнее, чем по корреляции Гудмена — Мартинеса — Томпсона. Для изучения культуры майя были использованы самые различные науки. Этнографы отправились к индейцам, обитающим в горах и джунглях Центральной Америки (жалкие остатки племен, уцелевших после испанского завоевания), физический облик, фольклор и язык которых сохранили еще осязаемые связи с прошлым. Геологи начали исследование строения земли, биологи — растительного и животного мира для выяснения влияний окружающей среды на развитие цивилизации майя. Перевод и толкование исторических документов и кодексов составляли самостоятельную и очень важную область, где можно было сопоставить данные этих источников с материальными находками археологов. Сведения о культуре майя проникли в популярную литературу в виде ряда романтических произведений, созданных как искате-

Фрагмент
деревянной резной притолоки
с изображением
правителя. Тикаль.
Храм IV.

лями приключений, так и археологами, очарованными тайнами погибшей цивилизации. В своей книге «Происхождение и история майя» Джейкман¹¹ писал: «Успешная реконструкция истории майя создаст необычайно удобную возможность для доказательства теории параллельного развития человечества. Развитие цивилизации майя, которая, очевидно, не была связана с великими цивилизациями Старого Света, наводит на мысль о том, что если удастся восстановить ее историю, то это поможет найти главные причины появления и гибели народов, поможет определить законы прогресса человечества». Но еще много трудностей преграждало ученым путь к познанию этой культуры. Как нам напоминает доктор Джейкман, до сих пор точно неизвестно, кто были сами майя, когда они пришли в Центральную Америку или как долго длился период их процветания? Особый интерес представляет неразрешимая пока загадка: как могла культура майя развиваться в столь неблагоприятных климатических условиях? Даже в наши дни ливневые дожди, расслабляющая жара и тропические болезни отпугивают от низменных районов Центральной Америки почти всех путешественников, за исключением самых выносливых.

Однако майя на многие столетия обосновались в самом центре этих негостеприимных джунглей. «Каким образом,— спрашивает Джейкман,— смогли майя сохранять высокий уровень своей цивилизации, которая была уже вполне зрелой с момента своего рождения? Где искать зачатки их архитектуры и скульптуры? Где те примитивные представления, которые легли в основу более совершенных изобретений в области астрономии и математики? Где грубые схемы, переросшие затем в их чрезвычайно сложный календарь, способный отсчитывать миллионы лет ушедшего и будущего времени? И где те простейшие знаки, на основе которых жрецы майя создали иероглифическую письменность? Практически не удалось найти никаких фактов, которые указывали бы на постепенное развитие в этих областях, развитие, предшествующее их расцвету. По-видимому, цивилизация майя возникла из какого-то неведомого источника»¹². Археологи, столкнувшись со столь загадочными и неразрешенными на вид проблемами, как эти, искали истоки культуры майя всеми способами, но до сих пор их попытки не увенчались успехом. По этой причине археология майя — лишь одна из многих областей иссле-

дования, рожденных в результате все более широко проводимых раскопок. Два огромных континента, на которых обнаружено множество следов доисторической жизни на всех стадиях ее развития, остаются совершенно неисследованными. Система государственного управления, традиции искусства, религиозные концепции, короче говоря, огромная кладовая человеческих знаний ожидает пытливого взгляда людей, занимающихся изучением прошлого. Взаимосвязи истории уже давно установлены, и здесь мы имеем очень богатую область для сравнительных исследований. Происхождение же индейской культуры и влияние передовых цивилизаций на остальную Америку все еще окутаны глубочайшей археологической тайной. Однако то тут, то там эта завеса приподнимается учеными; причем теперь их спутником стал элемент случайных открытий.

АМЕРИКАНСКИЕ ИНДЕЙЦЫ. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Случайное открытие часто называют служанкой археологии. Ученый крайне редко выезжает в поле с уверенностью в том, что трудоемкий процесс раскопок заранее выбранного объекта приведет к решению намеченной проблемы. Обычно все происходит наоборот — случайное открытие пытливых любителей древности прокладывает путь археологам-профессионалам. Не удивительно поэтому, что именно случайная «находка» пробила первую брешь в стене, окружающей загадку происхождения человека в Западном полушарии.

В течение многих лет внимание исследователей привлекал довольно необычный тип кремневого наконечника дротика, встречавшийся в различных местах на западе США. Это так называемые «желобчатые» наконечники. Они различаются по форме и по величине, но имеют одну общую характерную черту: на них вдоль обеих сторон лезвия сделаны глубокие продольные выемки, идущие от основания почти до кончика острия.

В 1926 г. один такой наконечник, найденный близ городка Фолсом в штате Нью-Мексико, привлек внимание археологов из денверского Музея естественной истории. По слухам, он был найден вместе с костями древних животных. Полагая, что это открытие имеет гораздо большее значение, чем кажется на первый взгляд, группа специалистов из различных научных учреждений отправилась в Фолсом для более тщательного обследования древней стоянки. Они сразу же приступили к раскопкам, стремясь воссоздать ту историческую картину, которая соответствовала условиям жизни на этой засушливой равнине много

столетий назад. Наряду с характерными желобчатыми наконечниками ученые нашли ряд расчлененных скелетов. Эти кости принадлежали разновидности бизона — животному с могучими рогами, — представители которой бродили когда-то огромными стадами так же, как и их более поздние родичи — американские буйволы, водившиеся здесь еще сто лет назад. Множество догадок вызвал тот факт, что упомянутый тип бизона исчез по меньшей мере 10—15 тысяч лет назад! Но ведь тут же находились и орудия, сделанные руками человека! Причем вперемешку с костями давно вымерших животных. Один из наконечников торчал между истлевших ребер своей жертвы — явное подтверждение того, что люди выслеживали и убивали животных на этом самом месте около 10 тысяч лет назад.

Специалисты собрали и тщательно изучили все материалы с Фолсомской стоянки. По сути дела она представляла собой огромное кладбище животных, которое оставили доисторические охотники. То, что лишь за несколько месяцев до этого казалось никому ненужной грудой истлевших костей, вымытых дождями из сухого русла реки, стало настоящим археологическим сокровищем.

Наши знания об истории Нового Света неизмеримо обогатились. Теперь можно было с уверенностью сказать, что люди, возможно прямые предки американских индейцев, жили и охотились на этом континенте по крайней мере в течение 10 тысяч лет. Это открытие имело далеко идущие последствия. Благодаря ему удалось установить, что человек в Западном полушарии появился гораздо раньше, чем предполагали многие серьезные ученые. До фолсомской находки почти ни один антрополог не допускал и мысли о том, что в Америке жили когда-то люди, питавшиеся мясом ныне вымерших животных. Располагая фактами, ученые могли теперь успешно бороться с небылицами относительно происхождения аборигенов Нового Света.

Если индейцы происходят от создателей какой-то суперцивилизации, то как же объяснить тогда наличие в этом полушарии находок, соответствующих по возрасту палеолиту (каменному веку) Европы и Азии?

Подобные факты говорят о постепенном развитии человечества, а не о внезапном и ярком вступлении в стадию цивилизации. Вскоре еще одно поразительное открытие подтвердило, что в эпоху, предшествовавшую появлению

фолсомских охотников, на этой территории действительно обитали племена с примитивной культурой.

Высоко в горах Сандиа, окружающих город Альбукерк (штат Нью-Мексико), в 1937 г. была обнаружена пещера, привлекавшая внимание археологов из университета Нью-Мексико. Помня археологический закон о том, что древнейшие остатки всегда находятся в нижней части культурного слоя, археологи под руководством Фрэнка Хиббена — специалиста по первобытной истории — начали раскопки нижних слоев пещеры. Под верхним напластованием из сравнительно поздних предметов они обнаружили фолсомские наконечники, перемешанные с обожженными костями животных и углями древних бивуачных костров. Копая дальше, они под этим скоплением фолсомского материала встретили стерильный слой желтой охры. Под ним находился еще один слой со следами деятельности человека. Хиббен установил, что по всему нижнему горизонту пещеры разбросаны кости животных, угли, грубые кремневые скребки и ножи. Однако наконечники копий из этого слоя резко отличались от фолсомских. Они почти овальные по форме, грубо обиты и имеют на одной из сторон основания выемку. Геологическая стратиграфия пещеры отчетливо показала, что какой бы народ ни создал наконечники «Сандиа», он жил здесь гораздо раньше, чем ее фолсомские обитатели. Каждому ясно — для накопления таких мощных слоев, разделенных прослойкой стерильной земли, требуется огромный отрезок времени.

Логично предположить, что фолсомские охотники — создатели прекрасных желобчатых наконечников — не могли одновременно изготавливать грубые и плохо обитые наконечники «Сандиа». Во всяком случае это произошло не в одно и то же время. Пещера Сандиа, бесспорно, была местом обитания представителей двух различных культур, разделенных тысячелетиями. Хиббен установил также, что за исключением наконечников находки из обоих слоев очень близки друг другу. И фолсомские охотники, и их предшественники из Сандиа жили в этой пещере длительное время. В свое убежище они притаскивали туши убитых животных, снимали с них шкуры, жарили мясо и разбрасывали кости на полу пещеры. Среди этих отбросов они ели, спали, изготавливали свои немудреные орудия. После того как они покинули свой дом в горах, оставленный ими мусор постепенно покрылся пылью и наносной землей.

А когда несколько столетий спустя в пещере появились новые обитатели, они, вероятно, и не подозревали о том, что здесь кто-то жил до них. Таким образом, сама природа сохранила последовательную летопись событий. Вычислив время, необходимое для накопления каждого слоя, археологи часто могут прочесть и объяснить историю жизни человечества, записанную в чередующихся слоях земли, и довольно точно определить их возраст. На основе такой геологической стратиграфии Хиббен пришел к выводу, что древнейшие обитатели пещеры Сандиа жили в ней 20 тысяч лет назад! В других пещерах вместе с костями ископаемых животных также были найдены следы человеческой деятельности, хотя и не столь древние, как находка из Сандиа. На одной из стоянок в Неваде, известной под названием Джипсем, ученые обнаружили каменные орудия и угли, смешанные с костями лошадей, верблюдов и ленивцев, возраст которых, согласно радиоуглеродным анализам, составлял 8—10 тысяч лет. Аналогичные находки встречаются в штатах Аризона, Ута и далее на восток, вплоть до Алабамы, где глубокий грот Рассел Кейв содержит доказательства длительного пребывания человека, начиная с VII тысячелетия до н. э.

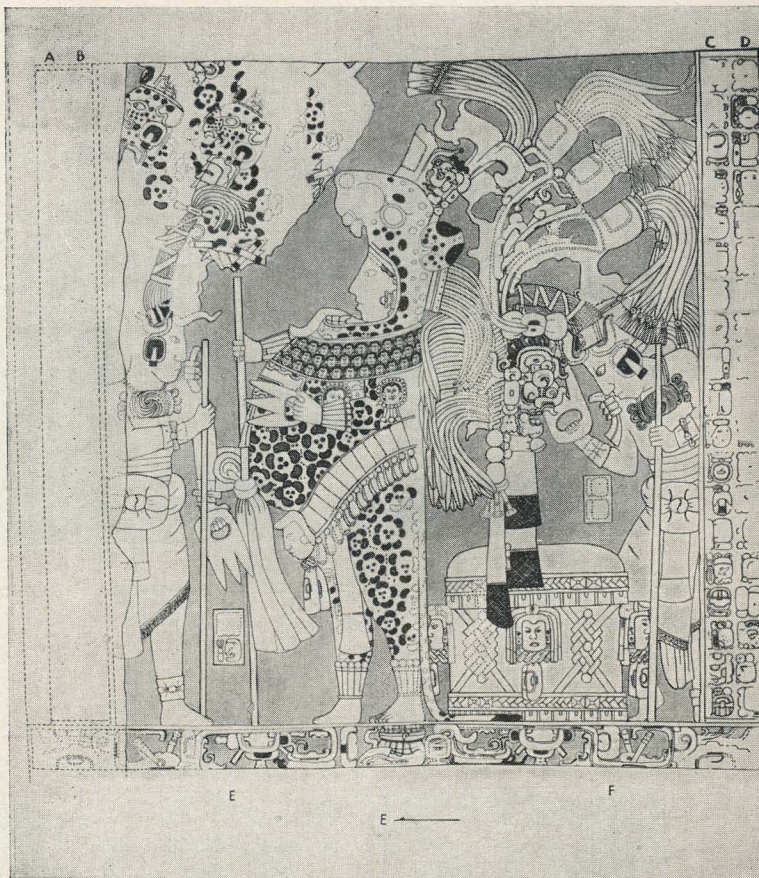
Стоянки, найденные совсем недавно близ Тьюл Спрингс (Невада), Санта Роса Айленд (Калифорния) и Льюисвилль (Техас), дали радиоуглеродные даты, доказывающие, что человек появился в Америке, по-видимому, еще 30 тысяч лет назад, а может быть, и значительно раньше. То, что известно до сих пор о материальной культуре и образе жизни этих первых обитателей Нового Света, похвальный пример археологического анализа.

Невразумительная летопись событий прошлого составлена из очень разрозненных данных, основанных главным образом на исследовании взаимосвязи костей ископаемых животных с орудиями, сделанными человеком. Едва ли приходится удивляться тому, что многое нам еще неизвестно.

Однако благодаря сравнительному анализу находок, имеющихся на сегодняшний день, можно получить вполне обоснованные выводы. Несомненно, что жизнь древних обитателей Западного полушария зависела от охоты. Временами их мясной рацион дополнялся орехами, ягодами и зернами съедобных растений, хотя настоящего земледелия они не знали. Охота и собирательство — довольно

ненадежная основа для существования. Поэтому первобытные люди вынуждены были все время переходить с места на место в поисках крупных стад животных и девственных лесов.

Эти кочевые племена передвигались, по-видимому, довольно быстро и с полным знанием дела. Вдоль оконечности Скалистых Гор найдено множество фолсомских наконечников. Близ Линденмейера, в Колородо, обнаружена большая стоянка, где охотники не только убивали животных, но и жарили их мясо на кострах и обрабатывали шкуры грубыми каменными скребками. В сухих руслах рек и песчаных впадинах в окрестностях Кловис (штат Нью-Мексико) встречаются доказательства того, что здесь жили и охотились в течение длительного времени другие племена, возможно, отличавшиеся от кочевых групп Фолсома. Отчетливые следы таких кочевий и охотничьей удали первых жителей Америки имеются по меньшей мере на десятке других, далеко отстоящих друг от друга стоянок в западной и центральной части США. Судя по всему, эти люди мастерски владели приемами охоты, обусловленными характером их орудий и образом жизни тех животных, на которых они охотились. У них не было лука и стрел — оружия, которое всегда ассоциируется с американскими индейцами. Лук и стрелы появились значительно позднее той эпохи, когда жили охотники за вымершими ныне животными. Исторические индейцы их уже не застали. Вместо лука древние охотники пользовались «копьеметалкой» («атлатл»), которая позволяла бросать копье дальше, чем просто рукой. Как только раненое животное падало, охотники выбегали из своих укрытий и добивали его с близкого расстояния своими копьями. Длинная вереница животных — мамонтов, гигантских левов, миниатюрных лошадей, саблезубых тигров, бизонов и верблюдов — гибла под ударами их метких копий. Предметы со стоянок первобытного человека подтверждают простоту его образа жизни. Там всегда представлены орудия охоты — наконечники копий и грубые каменные ножи. Овальные кремневые пластинки, тщательно подретушированные с одной стороны, служили для выделки шкур, которые шли на одежду. Скопления углей обозначают места бивуачных костров, где люди жарили и ели мясо. Иногда кости животных заострялись или обрабатывались иным путем с тем, чтобы придать им форму шиль-

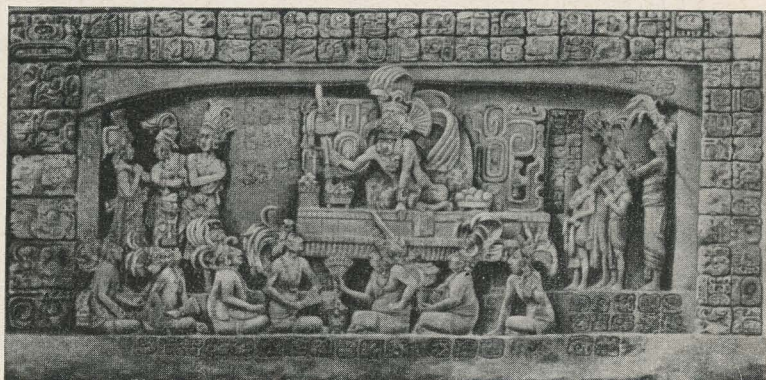
Храм III. Фрагмент деревянной резной притолоки с изображением правителя. Тикаль

Образец иероглифов майя, высеченных на камне. Пьедрас Неграс

Настенный рельеф. Пьедрас Неграс

ев или скобелей. Крупные камни обивали с одного края и использовали как рубила. В других случаях они гладко шлифовались и употреблялись как терочки.

Ученые считают, что первобытные кочевники имели прирученных собак. Сандалии и циновки, обнаруженные в пещерах Уты, Орегона и Невады, доказывают, что эти люди были искусны в ремеслах. Как показали радиоуглеродные анализы, упомянутые находки относятся к глубокой древности. Когда мы подходим к вопросу о физическом облике людей, с материальной культурой которых знакомимся, то антропологи дают нам очень отрывочные и неопределенные сведения.

На американском континенте найдено всего лишь несколько человеческих скелетов (часто вместе с костями ископаемых животных), которые можно отнести к первобытной эпохе. Подобные находки встречаются от Калифорнии до Флориды и в глубине Южной Америки. Но условия, при которых они сделаны, вызывают сомнения в их подлинности. В одних случаях геологические отложения, содержавшие эти останки, смещены или потревожены, что нарушает тем самым поддающуюся датировке стратиграфию. В других — скелеты принадлежат сравнительно поздним погребениям, случайно попавшим в древние слои. Среди этих находок встретилось несколько любопытных феноменов. Ряд погребений, обнаруженных в лёссовых пластах Небраски, содержал черепа, которые антрополог Алеш Грдличка — яростный противник теории о том, что человек давно появился в Новом Свете, — признал очень сходными с черепами неандертальцев Европы.

В то же время строение этих скелетов ничем не отличалось от строения скелетов современных людей.

Часто условия, при которых сделаны находки этих «примитивных» черепов, противоречат их большому возрасту.

Что касается еще двух скелетов, относящихся, по всей вероятности, к 13 тысячелетию до н. э., то они выглядят вполне современно. Эти скелеты, известные под ироническими прозвищами «Мужчина из Миннесоты» и «Мужчина из Мидленда», принадлежали женщинам. Вопрос о «примитивности» древних физических типов по сравнению с современными был основан в значительной степени на старых рассуждениях о времени появления человека в Америке. Теперь он больше не считается решающим фак-

тором при построении подобных теорий. Х.-М. Уормингтон в своей замечательной книге «Древний человек в Северной Америке»¹ подчеркивает: «...твердое убеждение, что скелеты, относящиеся к глубокой древности, должны резко отличаться от скелетов современных людей и быть гораздо „примитивнее“, считается современными антропологами совершенно неоправданным. Существует множество доказательств, что современные типы человека представлены в Старом Свете уже в позднем плейстоцене. Поэтому североамериканские скелеты отнюдь не обязаны иметь архаические черты для того, чтобы их можно было отнести к этому периоду». Большинство специалистов считает, что древнейшие обитатели Западного полушария, которые пришли туда, возможно, еще 30 тысяч лет назад, очень незначительно отличались по внешнему виду от своих потомков — исторических индейцев.

Допуская далее, что охотники Сандиа и Фолсома — первые люди, вступившие на американский континент, мы должны ответить еще на один сложный вопрос: откуда они первоначально пришли?

По существу это самая главная загадка, связанная с проблемой происхождения человека в Новом Свете.

В бесформенном нагромождении событий, с которыми мы имеем дело, абсолютно бесспорен лишь один факт: самые ранние следы человека в Америке появляются в конце геологического периода, известного под названием плейстоцен. В течение этого периода северная половина земной поверхности периодически скрывалась под ледяным покровом.

В противоположность столь мрачному зрелищу на евроазиатском континенте из хаоса космических катастроф медленно возникали менее развитые и приспособленные формы антропоидов, давшие человечеству жизнь. Из туманных глубин плейстоцена человек медленно шел по тропе развития, пока ему не удалось встать на ноги, начать охоту с помощью орудий собственного изготовления, одеться в шкуры животных и высечь огонь из кремня. Его первые шаги отмечены неуверенными попытками применения своих пробуждающихся способностей: грубо обитые камни уступают место искусно выделанным инструментам из кремня и прекрасно отшлифованным топорам. Со временем тайны окружающей природы вдохновляют человека на создание магических рисунков и лепных

глиняных идолов, с помощью которых он пытается победить свой страх перед неведомым. К концу плейстоцена люди уже вполне сложившегося физического типа, изобретательные и любознательные, расселились по всей Европе, Азии и Африке. Почему же в эту эпоху непрерывных переселений человек не мог проникнуть и в Америку? Дорога туда казалась открытой и заманчивой. Но каким же образом попал он на плодородный Западный континент? Примечательно, что следы первобытного человека ведут на Аляску и в Канаду. Остатки древних стоянок обнаружены вдоль реки Колумбия, в штате Орегон. Орудия типов «Фолсом» и «Сандиа» встречаются в Альберте и Саскатчеване. А в различных местах Аляски, включая суровое и скалистое побережье Берингова пролива, найдены фолсомские наконечники. Это особенно знаменательный факт. В данной точке берега Аляски и Сибири разделяет едва лишь 56 миль водного пространства.

Азия и Северная Америка почти в буквальном смысле слова пожимают друг другу руки через это неприветливое море. Судя по физическому типу большинства индейцев — прямым волосам, узким глазам и выдающимся скулам, родину их предков нужно искать в Азии.

Вот, следовательно, где существовала прямая связь между Востоком и Западом; связь, не замеченная создателями ранних теорий о происхождении индейцев. Здесь и проходила та дорога, по которой бродячие племена из Азии могли попасть на американский континент. Геологи подтвердили вероятность этой гипотезы. Они представили веские доказательства в поддержку того, что Берингов пролив был легко проходим в некоторые периоды последней четверти плейстоцена. Огромные массы морской воды застыли на суше горообразными, голубовато-белыми ледниками. Некогда бурные моря успокоились или уменьшились от потери воды. Обмелевшие участки океана, подобные Берингову проливу, замерзли или превратились в сушу, образовав тем самым естественный мост из Азии в Америку. По такому мосту предки американских индейцев из уже освоенного мира могли пройти на плодородные земли, лежавшие за его пределами, и не подозревая о том, что они переселились из одного полушария в другое. Несомненно, они пришли туда как охотники, преследуя по закованным в ледяной панцирь северным землям огром-

ные стада лошадей, верблюдов, бизонов и мамонтов. Эги пришельцы постепенно двигались на юг из долин Юкона и Маккензи через Орегон и Неваду в Южную Калифорнию.

Другой маршрут проходил к востоку от Скалистых гор. В конце концов группы бродячих охотников отважились выйти на атлантическое побережье, проникнув в глубь Южной Америки. В Эквадоре и Бразилии вместе с костями вымерших животных обнаружены человеческие останки. А радиоуглеродные анализы показали, что люди жили в пещерах Южного Чили около 9 тысяч лет назад.

Всего, по-видимому, имело место несколько миграций в южном направлении, охватывавших огромный отрезок времени. В течение того периода, когда Берингов пролив был проходим, осуществлялись, вероятно, непрерывные переселения людей в обоих направлениях: из Азии в Америку и наоборот. Антропологи имеют об этих событиях самое общее представление. Многого остается неясным из-за отсутствия точных фактов. Многие выводы сделаны на основе отрывочных сведений. Однако вполне очевидно, что, когда примерно 15 тысяч лет назад стали отступать ледники, в Новом Свете находилась уже масса людей. По мере того как таяли льды, а земля постепенно согревалась, американский континент заселяли различные племена охотников и собирателей. О тысячелетиях, истекших с момента их появления до образования исторических индейских племен, мы почти ничего не знаем. То, что в действительности происходило на протяжении этой эпохи американской доистории, — сложный обмен идей и изобретений, концентрация культурных влияний — смутно отражено в разрозненных находках, на основе которых должна строиться археологическая реконструкция событий прошлого. Наконец появились первые зародыши будущих племен. На смену охоте и собирательству пришел более оседлый образ жизни, основанный на земледелии. Многочисленные этнические группы объединялись в независимые племена, преодолевая барьеры в виде различий в языке, обычаях и религиозных верованиях. По-видимому, около 5 тысяч лет назад у индейцев впервые появилось земледелие — важный стимул в развитии их культуры. Где-то в горных районах Центральной или Южной Америки местные племена проводили опыты по скрещиванию диких растений и открыли в конце концов важнейший жизненный

продукт — маис, или индейскую кукурузу². Полученные однажды подобные знания быстро распространились в соседние области. В итоге индейцы стали возделывать томаты, фасоль, дыню, тыкву, хлопок, картофель и десятки других полезных растений. Благодаря этому отпала необходимость в охоте и собирательстве. Теперь появилось время и для менее прозаических занятий.

Земледелие в Новом Свете развилось, по-видимому, совершенно независимо от аналогичных достижений в Европе и Азии. Ни одно из важнейших съедобных растений, которые составляли основу питания индейцев, не было известно в Восточном полушарии до открытий Колумба. Точно так же главные продукты индоевропейской экономики — пшеница, ячмень и рис — не были известны в доколумбовой Америке. Но не исключено, что дальнейшие археологические исследования, проведенные в международном масштабе, помогут установить те пути, по которым осуществлялись в доколумбову эпоху контакты обеих частей света. Подобные открытия могли бы объяснить ряд необычайно странных параллелей, не нарушая общего убеждения в том, что крупнейшие достижения доколумбовой цивилизации были самобытными по своему происхождению.

К VII в. н. э. Новый Свет озарял яркий блеск нескольких индейских цивилизаций. В горных районах Анд доинкские племена проложили через островерхие хребты, окружающие их, сеть великолепных дорог и мостов, воздвигли циклопические постройки — храмы и крепости, сложенные из многотонных, тщательно отесанных гранитных глыб, которые удерживались на месте только благодаря законам равновесия. Задолго до этого индейцы добились больших успехов в развитии гончарного искусства и ткачества. Их керамика и ткани стоят в одном ряду с лучшими образцами, созданными представителями древнего мира. На севере, в Мексике, множество разрушенных городов свидетельствует о достижениях неизвестных создателей цивилизации, передавших свои знания в области скульптуры, календаря и архитектуры племенам всего Центрального мексиканского плоскогорья за много столетий до того, как весной 1519 г. Кортес высадился в Веракрус.

Континентальную часть США, к северу от Рио Гранде, и Канаду населяли племена, находившиеся на более низкой ступени развития. Их культура не вдохновлялась

высокими достижениями далекой Мексики. Североамериканские индейцы не знали астрономии, математики, инженерного искусства и иероглифической письменности. На этой территории не было жречества, больших армий или империй. Здесь не было пышных городов с дворцами и храмами, не было вымощенных камнем дорог, по которым шествовали жрецы и двигались царские процессии. Североамериканские индейцы получили более скромное наследство, созданное бронзовыми мускулистыми руками охотников, преследовавших дичь в горах и на бескрайних равнинах прерий, где потусторонний мир духов и демонов сливался с миром действительности. Здесь, в северной половине полушария, природа была сурова и жестока, а предоставляемый за счет земледелия досуг никогда не использовался так полно, как в Центральной Америке. Жизнь протекала в тесной связи с природой.

В Америке имелось около 160 языковых групп, распавшихся на 1200 диалектов, т. е. больше, чем во всем остальном древнем мире. Около четырехсот крупных племенных групп, находившихся на различных ступенях развития, занимали 15 отдельных культурных областей. В Америке едва ли существует хоть одна квадратная миля территории, на которой нельзя найти следов доколумбовой эры.

За много столетий до Конкисты индейцы возделывали не менее двадцати важных съедобных растений, которые удвоили впоследствии земледельческий потенциал мира. Они приручили индейку, ламу³, альпаку⁴, уток и пчел. Жители Анд достигли больших успехов в области медицины и в применении наркотиков.

Производились хирургические опыты, включая такую сложную операцию, как трепанация черепа — удаление обломков костей для того, чтобы уменьшить их давление на мозг. Изделия из золота, серебра, меди и бронзы появились в Центральной Америке и в горных районах Анд лишь в сравнительно поздний исторический период. Но металлы не уничтожили первоначальной зависимости от каменных орудий. Открытие металлов не привело здесь к переходу в железный век, аналогичный тому, который революционизировал Европу за 3 тысячи лет до рождения Христа⁵. Новый Свет навечно остался в каменном веке. Металл, обнаруженный на закате эпохи самых высоких цивилизаций Америки, использовался только для украшений. В осталь-

ном древнем мире металл повсюду применялся для военных целей, и создание империй долго считалось его основной заслугой. Такой же парадокс связан с изобретением колеса. История катилась по Европе и Азии на военных колесницах — египетских, ассирийских, греческих и римских. Катапульти мавров и норманских рыцарей, пушки Карла V, Габсбургов и Наполеона двигались на колесах, превратившихся с момента их изобретения в главный стимул развития индоевропейской истории. Однако у цивилизованных обитателей Нового Света колесо так и не нашло практического применения. Правда, на Мексиканском плато встречаются хрупкие глиняные колесики, прикрепленные к игрушечным моделям повозок. Несомненно, что доколумбова цивилизация Америки достигла своего апогея без важнейших достижений древности, присущих Старому Свету, — без выплавки металлов, без колеса, вьючных животных, плуга и гончарного круга. По этой причине появление индейских культур, достигших успехов во всех других отношениях, становится еще более загадочным. Такова грандиозная панорама культур древней Америки в течение тех подернутых дымкой неизвестности тысячелетий, которые предшествовали ее открытию и завоеванию: длившиеся целые столетия переселения людей и животных ледникового периода из Азии через замерзший Берингов пролив на Аляску и далее на юг — по всему Западному полушарию; расселение первобытных охотников; появление отдельных племен, связанных единой культурой и религией; исчезновение кочевых инстинктов под натиском животворного потока земледелия, которое принесло с собой некоторый досуг и полугородской образ жизни, что способствовало в свою очередь творческим поискам и зарождению цивилизации.

Среди охотников ледникового периода находились и предки майя. Из недр пробуждающейся культуры Нового Света майя сделали внезапный скачок вперед и сыграли здесь ту же роль, что и греки для классического мира, став провозвестниками выдающихся достижений цивилизации и хранителями знаний.

ПОИСКИ ИСТОКОВ

Вся северная Гватемала представляет собой обширную равнину, покрытую лесами. Называется она Эль Петен и лежит примерно в центре той территории, которую занимали майя в период наивысшего расцвета их культуры — в IX в. н. э. Непроходимые леса и вредный климат затрудняли изучение этого края. Лишь в 1926 г. вашингтонский Институт Карнеги начал раскопки древнего города Вашактуна, расположенного в сердце джунглей Петена. Его постройки давно превратились в бесформенные груды щебня, едва различимые под пологом тропического леса, сплошь увитого лианами. Здесь росли красное дерево, саподилья¹ и сейба². К моменту открытия Вашактуна Петен был почти необитаем. В поисках древних поселений археологи вступили на таинственную землю. Во время предварительных исследований в 1916 г. известный ученый Сильванус Морли³ обнаружил среди руин Вашактуна сильно поврежденное каменное изваяние. Позднее удалось установить, что на этой находке (стела 9) едва различимыми знаками высечена календарная дата, соответствующая 9 апреля 328 г. н. э. Это древнейший датированный монумент, найденный до сих пор на территории майя⁴. Следовательно, появились все основания предполагать, что раскопки в Вашактуне помогут решить проблему происхождения цивилизации майя. Проверить это на практике оказалось нелегко. До сих пор археологам никак не удавалось получить материалы, с помощью которых они могли бы точно воссоздать ступени развития культуры майя.

Несколько лет спустя большая группа рабочих приступила к расчистке развалин города в зарослях джунглей. Местом раскопок избрали пирамидообразные руины, названные «Группой Е». Седьмая ее постройка оказалась именно той путеводной нитью, которую искали археологи. Внешне разрушенная пирамида походила на многие другие здания Вашактуна. Когда-то она вздымалась ввысь в виде ряда постепенно уменьшающихся террас и заканчивалась плоской вершиной. Строители майя через строго определенные промежутки времени уничтожали старую постройку на вершине, облицовывали пирамиду новым слоем камня и штука и воздвигали на ней новое здание. Поэтому под внешней облицовкой была вскоре обнаружена вторая пирамида, лучше сохранившаяся, — Е-VII-суб, которая имела 28 футов высоты. К ее плоской вершине со всех четырех сторон вели широкие лестницы. Их украшали вертикальные ряды массивных каменных масок ягуара, которых насчитывалось в общей сложности около восемнадцати. Совершенно очевидно, что скульпторы майя еще не достигли вершин мастерства, когда высекали эти огромные головы и устанавливали на ступенчатых склонах пирамиды. Тем не менее в их работе уже чувствуются те идеи, которые были развиты и дополнены в последующие века.

Первоначально всю поверхность пирамиды Е-VII-суб покрывал слой белоснежной штукатурки. Ее сооружение относится к тому времени, когда у майя еще не существовало обычая увенчивать такие пирамиды пышными каменными храмами. Вместо них на вершине находились небольшие легкие постройки с оштукатуренными стенами и соломенной крышей на каркасе из столбов. В то время, когда сооружалась пирамида Е-VII-суб, у майя еще не было развитой каменной архитектуры. Больше того, ее построили задолго до 328 г. н. э., когда скульпторы майя установили стелу 9, чтобы отметить какое-то таинственное событие. Пирамида Е-VII-суб, по словам Морли, — «древнейшая каменная постройка майя, дошедшая до нас; она относится, вероятно, ко второму веку христианской эры». Последующие раскопки в Вашактуне должны были создать широкую и прочную базу для будущих исследований. Дело в том, что открывалась возможность найти в его развалинах давно потерянный ключ к тем процессам, благодаря которым майя превратились из простых земле-

дельцев в носителей высокоразвитой культуры. По-видимому, еще около 2000 г. до н. э. шедки майя закончили свои беспцельные странствия по тропической Центральной Америке. Они почти наверняка не были первыми обитателями в этом районе. Охотники бродили, вероятно, по его лесам с незапамятных времен. После зарождения земледелия майя перешли к новой системе хозяйства, которая постепенно распространилась по всей стране, обеспечив достижение нового уровня культуры, известного под названием «архаического». Оседлый образ жизни вызвал появление постоянных поселков. Культура каждого племени стала развиваться по-своему. Это тот порог, на котором впервые можно смутно различить контуры будущих высоких достижений. Раскопки на отдельных памятниках давали слишком неполную картину развития культуры и быта майя в течение этого продолжительного периода. Здесь в изобилии встречаются искусно изготовленные каменные орудия: топоры, ножи, скребки и зернотерки. Из растительных волокон и хлопка плели сети, корзины, циновки и делали ткани. Единственными земледельческими орудиями были мотыга с каменным наконечником и палка с закаленным на огне концом. Последняя употреблялась для посадки семян.

Широко использовались бытовые глиняные чаши и кувшины, иногда с расписными или резными геометрическими узорами и рисунками. На поселениях архаического периода часто находят глиняные статуэтки в виде женских фигур с грубо подчеркнутыми формами, — вероятно, символы богини плодородия. Разбросанные по огромным пространствам джунглей и горных плато поселки этих ранних земледельцев были очень слабо связаны между собой. Беспорядочные ряды хижин с тростниковыми крышами и глинобитными полами окаймляли кукурузные поля. Неподалеку возвышались группы религиозных зданий, пустующих до определенного священного дня, когда возле них собирались толпы богомольцев из окрестных деревень. Убожество существования земледельцев майя усугублялось полным подчинением силам природы. Жизнь всецело зависела от смены времен года, от солнца и дождя, от непрерывных посевов и уборок урожая в объеме, достаточном для поддержания зыбкого равновесия недавно созданного оседлого хозяйства. Могучие силы природы обожествлялись. Для умиротворения их капризов существовал це-

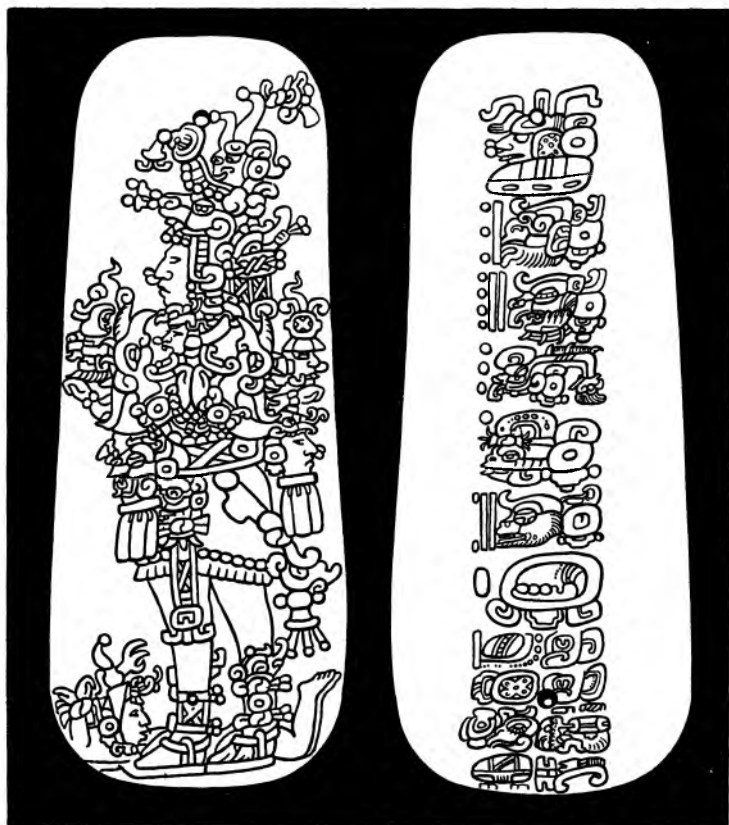
прерывный цикл религиозных обрядов. Проникновение в тайны природы превратилось в ханжескую привилегию все более усиливающегося жречества.

В истории майя небесные явления очень рано стали считаться прямо связанными с объемом урожая, а потому и с самим «хлебом насущным». Майя верили, что звезды, перемещаясь по ночному небу, предсказывают судьбу человека. Жрецы измеряли продолжительность человеческой жизни в зависимости от небесных явлений. Они наблюдали за небесным сводом, беря в качестве ориентиров неподвижные линии наблюдения. В результате им удалось установить взаимосвязь между временами года и постепенным перемещением звезд. Лишь много лет спустя была наконец определена длина тропического и звездного годов, а затем по величине каждого лунного цикла — продолжительность одного месяца. Эти сведения стали краеугольным камнем невероятно точной системы майяского календаря. Одновременно с успехами в астрономии возникла потребность в средствах постоянной записи календарных вычислений. Исходя из этого, жрецы начали создавать иероглифическую письменность и систему чисел. Первые шаги на пути к этим изобретениям нам фактически неизвестны. Предполагается, что зачатки иероглифической письменности и календаря майя были запечатлены не на камне, а на деревянных дощечках, кожаных свитках или каких-либо других, легко разрушающихся материалах. Как бы то ни было, календарь и письменность стали решающими факторами развития культуры, истоками более поздних достижений майя⁵. Обладая такими знаниями, жречество могло полновластно распоряжаться гигантским потоком человеческой энергии. Жрецы сумели направить его в нужное русло, заложив тем самым основу цивилизации, тысячелетия господствовавшей на этой земле. Точно так же творческие поиски в искусстве и архитектуре привели к канонизации религиозных идеалов. Созданные однажды эстетические образы под влиянием жречества, безграничным в подобных вопросах, инженеры и ремесленники воплотили в храмы и монументы. Постепенно архитекторы научились строить толстостенные здания с прочной каменной кладкой, вытеснившие более ранние постройки с тростниковыми крышами. Однако майя так и не сумели раскрыть секрет настоящей арки. Зато они изобрели ступенчатый («ложный») свод, круто поднимающийся вверх к

центральному ключевому камню. Это придавало зданию особую массивность в верхней части из-за объема камня, необходимого для равномерного распределения тяжести кровли. Кроме того, существовал любопытный обычай устанавливать для увековечивания определенных отрезков времени стелы⁶ — пышно украшенные рельефными изображениями каменные плиты, которые Стефенс условно назвал «идолами». К счастью для археологии, майя возводили их с одержимым постоянством в периоды, соответствующие определенным делениям их календаря. Оказалось, что стелы — самый ценный источник при решении той гигантской головоломки, которую представляла собой история майя. Дело в том, что они давали длинные ряды последовательных дат. Именно с их помощью уточнялось время событий, оставшихся бы при иных условиях незамеченными. Скульпторы увековечивали на каменных стелах расчеты астрономов-жрецов. Мастера вдохновлялись религиозными идеалами и целиком отдавали себя работе над произведениями, которые должны были выдержать испытание временем. Вооруженные только каменными инструментами, они создавали из песчаника, доломита и известняка заветные образы богов и высекали надписи, которые сохраняли для потомков точную дату нового приношения божеству, — массивную пирамиду, храм, алтарь из полированного гранита с великолепными резными изображениями и т. д. А может быть, стелы отмечали вечный круговорот времени?

Следовательно, цивилизация майя появилась на свет уже с развитой каменной архитектурой, ступенчатым сводом и с иероглифической письменностью, которая использовалась для записи дат возведения стел. «Золотой век майя» — начало так называемого Древнего царства, или классического периода, — совпадал, по-видимому, с постепенным распространением этих элементов культуры по всей территории майя, что вызвало в свою очередь появление религиозных центров. Как бы сильно ни были связаны с религией эти чисто механические достижения майя, они превратились в конце концов в краеугольный камень их культурного развития.

Архитектура и скульптура способствовали постоянному обогащению идеалов майя. Стелы с иероглифическими надписями регистрировали их привязанность к тайнам времени, причину которой мы скоро узнаем. Но когда же за-

«Лейденская пластинка» (нефрит). 320 г. н. э.

родились эти неповторимые достижения? Когда в туманных глубинах времени впервые возникли зародыши творческого гения майя? Вашактун дал важную путеводную нить. Раскопки показали, что архитектура со сводом, великолепная расписная керамика и древние монументы с иероглифическими надписями появляются в Вашактуне с середины IV в. н. э.

Еще более древняя постройка — пирамида E-VII-суб — доказывает, что Вашактун переживал пору расцвета на заре появления самобытной цивилизации майя. Но самое главное — удалось соотнести различные находки, сделанные в этом городе, с определенными периодами времени.

Это особенно верно в отношении керамики, найденной в Вашактуне, благодаря чему Вашактун был признан одним из первых городов, которые явились свидетелями рождения цивилизации майя. Поэтому логично предположить, что джунгли Петена и стали тем местом, где произошло превращение майя из случайно связанных между собой соплеменников в создателей высокоразвитой культуры.

Но Вашактун наверняка был не единственным важным центром в первые столетия истории майя. В 1864 г. в окрестностях Пуэрто Барриос (Гватемала) нашли нефритовую подвеску 8,5 дюймов длины и 3 дюймов ширины. На ее отполированной поверхности вырезана замысловатая человеческая фигура. На обороте сделана иероглифическая календарная надпись, соответствующая 320 г. н. э. Следовательно, она на семь лет старше стелы 9 из Вашактуна. Морли первым отметил явное сходство между стилем резных изображений на этой пластинке, получившей название «лейденской», и надписями, обнаруженными в Тикале — огромном разрушенном городе в нескольких милях южнее Вашактуна. Подобные данные, подчеркивает он, говорят о том, что возникновение Тикаля относится к еще более раннему времени, чем возникновение Вашактуна. Последние раскопки экспедиции Пенсильванского университета подтверждают такую версию. В Тикале археологи нашли следы человеческой деятельности, уходящие в глубь веков, в доклассическую эпоху. Еще более древний предмет, известный под названием «статуэтка из Тустлы», обнаружен в штате Веракрус (Мексика). Это небольшая каменная фигурка, изображающая существо с утиным клювом. На ней письменами майя высечена дата, которая соответствует 162 г. н. э. Однако неизвестно, имела ли «статуэтка из Тустлы» майяское происхождение или это произведение народа, жившего на окраине империи майя. Здесь мы имеем интереснейшую область для догадок, предположений и дальнейших исследований. Веракрус и Табаско, районы, непосредственно граничившие с бывшим царством майя, дали ряд других доказательств тому, что их обитатели — народ ольмеков — обладали письменностью и календарем с очень раннего времени. Основываясь на этом факте, некоторые ученые считают, что первые ростки культуры майя возникли именно в этой области (Веракрус — Табаско) и распространились оттуда в Пе-

тен. Яростным защитником подобной гипотезы был Мигель Коваррубиас⁷ — крупный специалист в области искусства доколумбовой эпохи.

Углубленное изучение данной проблемы за последние годы не устранило всех сомнений.

Благодаря открытиям в Вашактуне археологи смогли проследить основные этапы развития культуры майя. Эпиграфисты добились больших успехов в определении дат многочисленных монументов с иероглифическими надписями. Для того чтобы установить те неизвестные пути, по которым цивилизация майя распространилась на другие области, ученые приступили к исследованиям архитектуры, скульптуры и керамики. Посредством тщательного анализа остатков материальной культуры, обнаруженных во время раскопок, можно выяснить многие загадки истории майя. Здесь особенно важен следующий факт. С самого начала общество майя приняло форму суровой теократии, управляемой необычайно могущественным жречеством⁸. Доказательств этому очень много. Все здания майя имели ритуальный характер. Храмы и «дворцы» предназначались исключительно для религиозных целей — отправления обрядов и хранения священных идолов.

Вычурные скульптуры, украшавшие эти здания, изображали различных богов майя или имели символический характер.

Все дешифрованные до сих пор иероглифические надписи относятся к области религии — предсказаниям, ритуалам, богам и астрономии.

На всей территории, занятой майя в эпоху их наивысшего расцвета (100 тыс. квадратных миль горных хребтов и джунглей), основные элементы скульптуры, керамики и архитектуры демонстрируют поразительное сходство⁹. Это сходство особенно заметно в области иероглифической письменности и календаря. Независимо от того, найдены ли письма в долине реки Мотагуа (Гондурас) или далеко на западе, в центральном Чиапасе, они похожи, как братья-близнецы, не изменившиеся ни на гран в течение шести столетий. Если вспомнить о той завесе неизвестности, которая скрывала погибшие города майя до исследований Стефенса, уже один этот факт не может не вызвать восхищения его пророческими словами: «Есть основания полагать, что всю эту страну населял когда-то один народ, говоривший на одном языке или имевший, по крайней

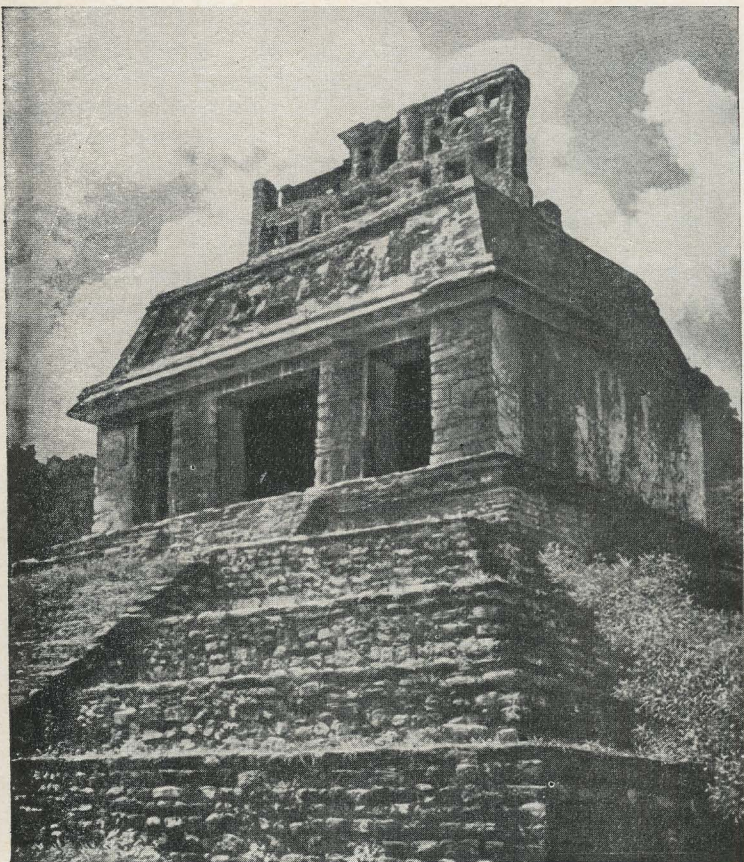
мере, единую письменность...» Сам того не зная, Стефенс коснулся краеугольного камня цивилизации майя. Но ее первоначальная сила сменилась по иронии судьбы постепенным упадком. Беспредельная власть жрецов направила творческую энергию майя в каналы религиозного догматизма. Все достижения майя несут на себе отпечаток религиозной борьбы. Они возникли из общего могучего источника вдохновения — религии¹⁰. Чтобы закрепить свое господство над массами забитых и неграмотных земледельцев, жрецы установили для них суровые догматы, которым подчинялась повседневная жизнь майя на протяжении всей их истории: нескончаемое строительство храмов, поклонение богам, особенно связанным с плодородием и дождем, разнообразные ритуальные обряды и жертвоприношения. Стефенс — первый, кто понял, что города майя по сути дела представляли собой гигантские святилища¹¹. Здесь поклонялись таинственным силам природы. Города майя резко выделялись на фоне отвоеванных у джунглей площадок: сверкающие белоснежные пирамиды, храмы с величественными гребнями крыш, дворцы и здания на платформах. Все они были щедро украшены религиозными символами и статуями тех богов, которым посвящались. Многие здания имели ярко раскрашенные фасады, остальные были цвета естественных материалов, использованных для их строительства. Главные постройки стояли на искусственно сооруженных холмах — «акрополях», господствуя над остальным городом. У некоторых зданий внутри имелась лишь одна комната со сводчатым потолком. Другие состояли из ряда небольших толстостенных комнат. Во внутренних помещениях царили сырость и темнота, поскольку там отсутствовали окна и иные способы вентиляции. Свет и воздух проникали туда только через дверные проемы. Но в городах майя встречаются не только храмы. Почти в каждом из них есть напоминающие современные стадионы площадки для игры в мяч, с амфитеатрами — длинными рядами каменных скамеек — и специальными «ложами» для жрецов и членов правящей династии¹². Здесь же толпились зрители, с большим интересом следившие за ритуальной игрой. Суть ее состояла в том, что каучуковый мяч (натуральный каучук известен в Центральной Америке с глубокой древности) забрасывался в каменное кольцо. В целом она несколько напоминала современную игру в баскетбол. Счет удавалось открыть в очень редких слу-

Нижняя часть стелы 12.
Пьедрас Неграс

Глиняная статуэтка
из Западного Гондураса

Храм Солнца. Паленке

чаях, и ставки поэтому были невероятно высокими. Победитель получал иногда в награду одежду и драгоценности всех зрителей. В некоторых городах встречаются остатки построек, служивших, вероятно, общественными банями. Очень часто находят и руины астрономических обсерваторий. Наиболее важные здания имели эффективную дренажную систему — каменные желоба, отводившие избыток воды в ближайшие ручьи или искусственные резервуары. Несмотря на отсутствие повозок и тягловых домашних животных, майя соединяли отдельные районы своих городов тщательно продуманной сетью дорог и дамб, которые сооружались из прекрасно отесанных каменных плит, положенных на подсыпку из гравия. Часто такие дороги прокладывались между городами, находящимися на большом расстоянии друг от друга. Например, дорога между городами Йашуна (Юкатан) и Коба (Кинтана Роо) имела протяженность 62 мили.

Строительство каждого религиозного центра требовало многих лет тяжелого изнурительного труда. Прежде всего расчищался большой участок в джунглях, упорство которых можно сравнить лишь с упорством людей, населявших их. Затем, по мере того как шла колоссальная работа по выравниванию местности и строительству искусственных холмов, людям приходилось постоянно сдерживать натиск буйной тропической растительности. Из каменоломен в город доставлялись на деревянных катках многотонные каменные глыбы. Там они обрабатывались — шлифовались и украшались резьбой. Рабочих набирали среди простого люда, а трудились они только за духовное вознаграждение. И все же размах строительных работ продолжал расти! Этот поразительный подъем культуры один из наиболее загадочных фактов в истории майя.

Как могла примитивная система земледелия майя поддерживать столь огромную и энергичную империю? Ирригация и севооборот не были здесь известны вообще. Земледельческие орудия были самыми примитивными. Расчистка джунглей и постоянная борьба с их натиском во время полевых работ требовали громадных усилий. Слой плодородной почвы был очень тонок и насыщен камнями, так что использовать плуг было здесь практически невозможно. Пять дождевых месяцев (с мая по октябрь) сменялись длительным периодом засухи. В подобных условиях и та система экстенсивного земледелия, которая суще-

ствовала у майя, представляет собой необычайно высокое достижение.

В Старом Свете даже бросовые земли превращались с помощью орошения и тягловых животных в плодородные оазисы. Майя же оставалось лишь выполнять свои примитивные сельскохозяйственные работы и полагаться на милость богов. На будущих полях, так называемых «мильпах», вырубалась и сжигалась вся растительность. Затем с помощью палок с закаленными на огне концами производился сев. Спустя несколько лет, когда плодородие почвы истощалось, старый участок забрасывался и где-нибудь в другом месте начиналась подготовка новой мильпы. С помощью подсечно-огневого земледелия, которое до сих пор распространено на большей части территории Центральной Америки, майя вели ожесточенную войну с джунглями и добывали себе «хлеб насущный». Большое влияние на развитие майя оказывали различные природные факторы.

Пять веков расцвета, с 300 по 800 г. н. э., бесспорно представляли собой эпоху всеобщего мира, когда не велось крупных войн ни внутри страны, ни с соседними племенами¹³.

Некоторые ученые связывают этот факт с географической изоляцией майя. Южные границы владений майя были замкнуты горными цепями Гватемалы и Гондураса. Три четверти Юкатанского полуострова окружено водой. Сухопутные подступы к нему со стороны Мексики преграждались почти непроходимыми тропическими джунглями и болотами Чиапаса и Табаско. Это позволило майя развивать свою самобытную культуру почти без всяких влияний извне.

Конечно, внутри общества майя существовали политические трения, которые вызывали местные конфликты и делали необходимым содержание небольших армий. Однако война никогда не играла в истории майя такой важной роли, как, например, у египтян и греков. Следующий, поздний, этап классического периода отмечен постепенным распространением вширь сложившихся традиций культуры, лихорадочным строительством, общим ростом населения и интеллектуальными достижениями. Города вели между собой оживленный обмен новыми идеями в области космологии и религии.

Жречество, власть которого была теперь безграничной,

стремилось проникнуть во все сферы жизни общества. Жрецы изучали символику и сверхъестественные проявления воли богов, а также способы их умиротворения. Цивилизация майя — наглядный пример могущества религии. Реальная власть в обществе майя находилась в руках жрецов. Они безраздельно господствовали в городах. Простой народ продолжал ютиться подобно своим предкам в деревянных хижинах с тростниковыми крышами, разбросанных вокруг полей. Только жрецы и представители знати могли входить внутрь храмов и святилищ, созданных трудом забитых масс. Жизнь простого человека была заполнена заботами о своем поле, изнурительным трудом и религиозными обрядами. Жречество требовало для развития своих далеких от повседневной жизни наук — астрономии, философии и математики — бесконечных даней и жертв. Но народ не имел ни малейшего представления об этих загадочных областях знания. Образование стало привилегией избранных. Вначале народные массы мирились с властью жрецов, так как те в течение известного времени воздерживались от проявлений деспотизма и политической тирании. На заре «золотого века», творцами и хранителями которого они были, им и без того хватало доказательств своего могущества.

И вот «золотой век» настал!

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД. ШЕСТЬ ВЕКОВ ПРОГРЕССА

Классическая эпоха — время наивысшего культурного расцвета майя. Изобретательность и талант этого народа наиболее ярко проявились в области математики и астрономии.

Поскольку упомянутые сферы знания были особенно важны для жрецов, так как имели, по их мнению, тесную связь с сверхъестественными силами, они всемерно способствовали их развитию. Все началось с астрономии. Овладение принципами данной науки — яркое доказательство интеллектуальных способностей майя. Они неутомимо изучали разнообразные аспекты времени, чтобы понять их сущность и уменьшить их таинственное влияние на судьбы людей и империй. На основе этих трудов выросла календарная система, охватывавшая миллионы лет. Она породила в свою очередь необычайно сложную философию. Майя никогда не считали время чисто абстрактным понятием, благодаря которому устанавливалась определенная последовательность событий. Оно казалось им скорее таинственной, потусторонней и всемогущей силой созидания и разрушения. Майя верили, что сменяющие друг друга последовательные циклы — дни, месяцы, годы — несут с собой милость или гнев богов. Каждый бог являлся покровителем (патроном) определенного священного числа и получал соответствующие обозначения в иероглифах. Отрезки времени считались «ношей», которую несут на своих спинах небесные стражи.

Если бремя какого-нибудь определенного цикла «бралось» злым божеством, это могло иметь дурные последствия. И так продолжалось до тех пор, пока «ноша времени»

не передавалась более благосклонному богу. Будет ли определенный месяц или год благоприятным или плохим, всецело зависело от характера божества-носителя. Эта странная вера частично объясняет огромное влияние жрецов в обществе. Майя, вероятно, считали, что без жрецов-посредников нельзя предугадать злобные намерения богов. Только жрецы-астрономы могли спасти людей от катастроф, вызываемых неверным толкованием божественной воли. Только жрецы, выяснив различные свойства богов и разобравшись в их запутанных странствиях по дорогам времени и пространства, могли решить, какими отрезками времени владеют добрые боги, а какими — злые. Таким образом, майя изучали время в поисках счастливых или несчастливых циклов, надеясь на то, что, узнав будущее, они сумеют направить свою судьбу по более благоприятному пути.

Календарь майя — самый точный из всех календарей древнего мира. Он был необычайно сложным по структуре и толкованию и состоял из нескольких самостоятельно вращающихся «колес», которые отсчитывали взаимосвязанные циклы времени. У майя существовало две системы измерения года: «цолькин», или священный год из 260 дней; и гражданский год — «хааб», состоявший из восемнадцати месяцев по двадцати дней в каждом; к ним добавлялся дополнительный месяц из пяти дней, что в общем составляло 365-дневный год. «Хааб» использовался при обычном календарном исчислении, тогда как более короткий «цолькин» был связан с религиозными обрядами. Каждый день и месяц получали собственное имя и определенный иероглиф. Для каждого иероглифа существовала так называемая «нормальная форма» написания (обычно такой абстрактный, отвлеченный знак использовался в мирских, гражданских надписях) и «заглавная (персонафицированная) форма» — стилизованные знаки, изображающие фигуры людей, животных и мифологических существ. Заглавные знаки применялись обычно для официальных или ритуальных надписей. Основной единицей календаря майя был день, или «кин». Двадцать «кинов» составляли один «виналь» — месяц. Начиная с «виналя» календарь делился на следующие циклы: 18 виналей = 1 туну (год с добавлением пяти дополнительных дней); 20 тунов = 1 катуу (7200 дней); 20 катуунов = 1 бактуу (144 000 дней); 20 бактуунов = 1 пиктуу (2 880 000

дней); 20 пиктунов = 1 калабтуну (57 600 000 дней); 20 калабтунов = 1 кинчильтуну (1 152 000 000 дней); 20 кинчильтунов = 1 алаутуну (23 040 000 000 дней).

Каждый цикл имел свое обозначение в иероглифах. Цифры, сопровождавшие эти иероглифы, указывали, что данный цикл нужно умножить на соответствующее число. Так что типичная календарная надпись в истолковании ученых выглядит примерно так — «9.11.5.0.0», т. е. 9 истекших бактунов, 11 катунов, 5 тунов, ни одного виналя и кина. Подставив числовое значение этих циклов времени, мы получим дату, соответствующую 627 г. н. э. Эти надписи «длинного счета», или «начальной серии», содержали также знаки, обозначающие тот день ритуального года, на котором заканчивалась каждая календарная дата.

Кроме того, имелись еще знаки так называемой «дополнительной серии», отмечавшие деления лунного календаря по отношению к «длинному счету».

Наконец, накануне прихода испанцев была изобретена упрощенная система летосчисления, известная под названием «короткого счета». В этом случае все цифры, кроме заранее определенного катуна, отсутствуют.

Одна из самых важных проблем, стоящих перед эпиграфистами, состоит в том, чтобы найти ту отправную точку, от которой майя ведут свое летосчисление. Необходимо установить соотношение майяского календаря с нашим, григорианским. Как известно, григорианский календарь ведется от рождения Христа. Но как связать это событие с хронологией майя? Оба календаря напоминали две половинки гигантской логарифмической линейки. Требовалось унифицировать их деления и получить соответствующие уравнения. При изучении календарных надписей удалось установить, что каждый цикл «начальной серии» отсчитывается от загадочной даты «4 Ахау 8 Кумху», обозначающей, по-видимому, отправную точку хронологии майя. Эта дата носит название «нулевой» и относится примерно к 4 тысячелетию до н. э. По мнению Спиндена, она соответствует 14 октября 3373 г. до н. э. В то же время по системе корреляции Гудмена — Мартинеса — Томпсона эта дата относится к 3113 г. до н. э. Как ни странно, она на три тысячелетия старше по возрасту, чем наиболее ранние, известные нам даты майя на «лейденской пластинке» и стеле 9 из Вашактуна. Поэтому археологи пришли к выводу, что «4 Ахау 8 Кумху» обозна-

чает скорее легендарное событие, нежели реальный исторический факт.

По мнению Морли, майя связывали эту дату с днем сотворения мира или рождения своих богов. Именно от этой исходной точки начали отсчет времени жрецы-астрономы.

Распутывая многочисленные загадки майяского календаря, ученые обратили внимание на поразительные технические достижения жрецов-астрономов. Именно их успехи сделали возможным создание календаря. Много веков они внимательно учитывали и записывали данные о движении небесных тел — о «нескончаемых странствиях сонма богов». Наблюдение за звездами велось с башен и высоких платформ по заранее нанесенным визирным линиям. Результаты старательно отмечались на картах. На их основе были составлены точные таблицы для предсказания солнечных и лунных затмений. Особое внимание уделялось перемещению планеты Венера. При этом возник необычайно таинственный культ Венеры. Астрономы майя хорошо знали, что внешне незначительные ошибки при составлении календаря могут вырасти до непоправимых размеров. Точность их астрономических наблюдений такова, что степень ошибки доведена до минимума. Для того чтобы устранить отклонения космического характера и отклонения за счет високосного года, жрецы майя вносили в календарь поправки. Необходимость взаимной увязки различных систем календаря, а также 365-дневного гражданского года с 260-дневным ритуальным создавала дополнительные трудности.

Майя были бы абсолютно беспомощными в безбрежном море подобных проблем без надежной математической системы. Запись арифметических вычислений производилась, по-видимому, двумя способами: витиеватыми знаками заглавной формы и более распространенной системой черточек и точек.

Точка равнялась одной единице исчисления, а черточка — пяти. Цифры от одного до девятнадцати изображались путем различных комбинаций этих двух элементов:

1	.	6	.
2	..	7	..
3	...	8	...
4	....	9	....
5	—	10	= и т. д.

Более крупные числа обозначались позиционным способом, при котором значение цифры менялось в зависимости от ее положения по отношению к другим. В этом случае цифры, указывающие количество счетных единиц, писались столбцом, причем единица первого порядка была равна 1, единица второго порядка — 20, единица третьего порядка — 360, единица четвертого порядка — 7 200, единица пятого порядка — 144 000 и т. д., т. е. каждое деление столбца вырастало по сравнению с предыдущим в 20 раз. Это и неудивительно — ведь у майя существовала двадцатиричная система чисел. Принцип нуля — одно из самых выдающихся достижений майя в математике. К этому абстрактному понятию, характерному для всех систем счета, кроме наиболее простых, никак и не удавалось прийти ученым самых передовых цивилизаций Старого Света, за исключением Индии. Впоследствии принцип нуля попал в Аравию, откуда его заимствовали мавры, которые в свою очередь познакомили с ним средневековую Европу. Но майя стали использовать нуль даже раньше, чем индийские математики. Он изображался в их иероглифических текстах в виде раковины, разжатой руки или же различных их деталей. По-видимому, основной движущей силой цивилизации майя была религия. Как доказали археологи, развитие религиозных воззрений шло рука об руку с развитием календаря, математики и письменности. Архитектура и каменная скульптура майя стали практически средствами воплощения и сохранения священных образов и изречений.

Этот религиозный фанатизм появился у майя еще на заре их истории. Сильванус Морли пишет, что к IV в. н. э. (в самом начале классического периода) религия майя «...превратилась уже в высокоразвитый культ, в котором элементы примитивного обожествления природы сочетались с более сложной философией, возникшей на основе обожествления небесных тел и поклонения времени. Эта религия была по своему характеру крайне эзотерической (мистической.— В. Г.). Ее насаждало и использовало в своих интересах хорошо организованное жречество, состоявшее из астрономов, прорицателей и служителей культа. Затем по мере развития общества ряды жрецов пополнялись за счет искусных администраторов и государственных деятелей». Из документов колониальной эпохи и на основе тщательного анализа иероглифических тек-

стов ученые получили много сведений о богах, мифологии и религиозных обрядах майя.

Майяская космология приписывает сотворение мира богу Хунаб Ку. «Обязанности» этого бога были настолько важны, а его владения настолько священны, что он почти не вмешивался в повседневную жизнь народа.

Кроме Хунаб Ку, в пантеоне майя существовало множество других, менее значительных богов, функции и характер которых были весьма разнообразны. Всем им приписывались черты, присущие людям, — и хорошие, и дурные. Все они имели человеческий облик, благодаря которому их можно легко узнать в иероглифических надписях. Однако и в этом случае археологи должны в основном полагаться на рукопись епископа Ланды и на несколько уцелевших индейских манускриптов. Желая искоренить влияние туземных богов на свою паству, Ланда затратил на их изучение особенно много времени. Возглавляет пантеон майя бог Ицамна, который, как полагают, был сыном могущественного Хунаб Ку. Он изображается в виде старика с беззубым ртом, впалыми щеками и большим носом. Ицамна уступал по могуществу только своему отцу. Его считали «создателем книг и письменности» и называли различными именами — Повелитель дня, Повелитель ночи и Повелитель небес. Обычно его сопровождает супруга — богиня луны Ишчель. Другим важным божеством считался Чак — повелитель четырех сторон света, у которого земледельцы просили дождя во время сева, поскольку плодородие земли тоже находилось в его власти. По степени влияния среди земледельцев с ним соперничал юный бог кукурузы. У него тонкое лицо, головной убор из початков кукурузы или же в виде пышной короны с изображением змеи. Он неизменный покровитель земледелия. Не менее важными божествами были мрачный Ах Пуч — Повелитель смерти, скелетоподобный облик которого символизировал страшную тайну смерти, и его помощник — Черный повелитель, гнев которого вызывал войны и различные злодеяния.

Огромную роль в жизни майя играли и другие боги — повелители ветра и небесных тел, а также богини плодородия и самоубийства.

В силу того, что майя считали, будто вселенная состоит из тринадцати «верхних» миров и девяти «нижних», каждому из них был назначен свой бог-покровитель. Суще-

ствовали еще различные боги и богини, связанные с календарем (покровители дней, месяцев и лет), и целый сонм менее важных духов. В характере и поведении богов майя ярко проявляется дуализм, который Морли рассматривает, как «вечную борьбу сил добра и зла за судьбу человека. Добрые боги вызывали громы, молнии и дождь, оплодотворяли кукурузу и обеспечивали хороший урожай. Злые боги, характерными атрибутами которых были разрушение и смерть, несли с собой засуху, ураганы и войны. Эта борьба двух противоположных начал изображена в кодексах майя, где бог дождя Чак ухаживает за молодым деревцом, а за его спиной Ах Пуч — бог смерти — ломает другое дерево. Подобное равновесие сил добра и зла в борьбе за душу человека — противоречие, встречающееся в различных религиях, многие из которых значительно старше христианства». Майя подобно другим народам древности верили, что после смерти душа человека пребывает либо в состоянии безмятежного блаженства, либо в вечных муках (в зависимости от характера деяний человека и степени его приверженности религиозным идеалам). Вечное блаженство ожидает того, кто его заслужил. Грешники же отправятся в Митналь — преисподнюю майя, — населенное демонами царство вечного холода и голода. Самоубийство, особенно через повешение, считалось у майя высшим актом самопожертвования. Оно обеспечивало все блага бессмертия.

Археологические раскопки позволяют изучить материальную культуру исчезнувшего народа. Но они почти ничего не дают для познания его духовных достижений — философии, астрономии, математики и т. д. Сведения этого рода можно получить только при анализе иероглифических надписей и культурных традиций современных потомков древних майя. Однако подобные находки необычайно редки. К тому же современная культура индейцев испытала на себе многовековое влияние христианства.

Философия греков и римлян — целостное мировоззрение наиболее ярких умов того времени — дошла до нас почти полностью, оказав глубокое воздействие на развитие западной цивилизации. Точно так же обстоит дело и со многими направлениями восточной философии. В то же время майя, которые ни в чем не уступают, а во многих отношениях и превосходят эти народы по высоте своих достижений, дают историкам ничтожно мало сведений о

своей духовной культуре. Ученые могут истолковать то, что запечатлено на камне. Но как быть с видами искусства, которые воплощались на легко разрушающихся материалах и которые отражали подчас более высокую степень развития? Что хотели выразить майя посредством музыки и танцев? Какие идеалы были отражены в их литературе и фольклоре в те далекие времена, когда чужие влияния не начали еще разрушать древние традиции? Сохранившиеся до наших дней эпические произведения майя, такие, как «Пополь Вух» и «Анналы Какчикелей», служат ярким доказательством их литературных способностей. В одной лишь этой области культурное наследие майя бесценно. Долгое время единственным достоинством древних памятников майя считалось их внешнее сходство с греческими.

Если бы удалось воссоздать в полной мере глубину духовных достижений майя, подобные сравнения получили бы гораздо более прочное обоснование. К сожалению, жрецы использовали иероглифическую письменность только для записи явлений, связанных с астрономией¹. Помимо этого, из уцелевших иероглифических текстов можно извлечь очень немногое. А современные индейцы — потомки древних майя — практически не в состоянии дать никаких сведений о своих далеких предках. Вместе с последним жрецом исчезли многие стороны культуры майя, и, возможно, их никогда не удастся восстановить вновь. Конечно, большая часть народа не имела никакого представления о широких философских аспектах своей веры или об интеллектуальных занятиях жречества. Участие масс в духовной жизни общества ограничивалось коллективными обрядами по умиротворению богов, которые влияли на плодородие, урожайность и дождь. Все предписания ритуального календаря строго соблюдались. Многочисленные священные дни: окончание катуна, Новый год, начало каждого месяца, освящение монументов и зданий, начало сева и уборки урожая — требовали особых обрядов, празднеств, жертвоприношений, молитв и танцев. По таким дням у храмов собирались толпы верующих. Там под руководством жрецов они принимали участие в различных религиозных ритуалах: очищении, сожжении копаловой смолы, кровопускании, танцах, песнопении и заключительных пиршествах. Но когда требования жрецов возросли, когда один за другим стали возникать многолюдные горо-

да, снабжение которых легло дополнительным бременем на плечи земледельцев, майя усомнились, достаточно ли земных даров и старинных ритуалов для того, чтобы снять милость богов? Может, сама человеческая жизнь будет более подходящим даром? Соседние племена Мексиканского плоскогорья в поисках милости богов давно уже прибегли к человеческим жертвоприношениям — массовое убийство военнопленных отвечало именно этой цели. По своей ли воле или под влиянием этих мексиканских племен майя стали считать человеческую жизнь наивысшим даром богам. Морли дает яркое описание таких жертвоприношений: «Намеченную жертву раздевали донага, раскрашивали в голубой жертвенный цвет и, надев на голову специальный остроконечный убор, вели к месту жертвоприношения — в храмовый двор или на вершину пирамиды, где стоял храм. Там прежде всего изгоняли злых духов. Затем мазали священной голубой краской алтарь — выпуклый камень, на который грудью вверх клали жертву. Четыре „чака“ (жреца.— *В. Г.*) тоже покрывали свое тело голубой краской, а потом хватали жертву за руки и за ноги и клали на алтарь. Вперед с жертвенным каменным ножом в руках выступал „наком“ (жрец.— *В. Г.*). Он вонзал нож между ребер жертвы, прямо под левым соском груди. Засунув пальцы в рану, он вырывал еще трепещущее сердце и вручал его „чилану» (жрец-прорицатель.— *В. Г.*). Кровью сердца смазывали идола, в честь которого совершалось жертвоприношение. Если жертву убивали на вершине пирамиды, то „чаки“ бросали труп вниз, во двор храма, где жрецы более низкого ранга снимали с него всю кожу, за исключением кожи рук и ног. Затем „чилан“, сняв свои священные одежды, облачался в кожу жертвы и исполнял вместе со зрителями торжественный танец. Если принесенный в жертву был храбрым и доблестным воином, то его тело иногда делили между собой и съедали важные сановники и другие зрители. Руки и ступни ног доставались при этом „чилану“. Если же принесенный в жертву человек был военнопленным, то воин, взявший его в плен, носил в знак своей доблести некоторые кости убитого. Женщины и дети приносились в жертву так же часто, как и мужчины». Епископ Ланда приводит на страницах своей книги «Сообщение о делах на Юкатане» мрачное описание еще одного вида человеческих жертвоприношений у майя: « если его (человека.— *В. Г.*) нужно было

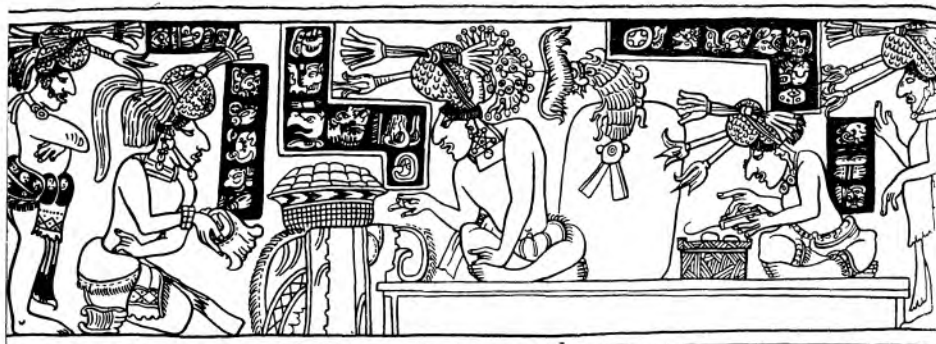
принести в жертву, убив из лука, они раздевали его донага, мазали тело голубой краской и одевали ему на голову остроконечный колпак. Приблизившись к жертве, все они, вооруженные луками и стрелами, исполняли вокруг столба торжественный танец и, танцуя, они поднимали жертву на столб. Поднимался жрец в ритуальных одеждах и ранил жертву в нижнюю часть живота, будь то мужчина или женщина, извлекал кровь, спускался и мазал ею лицо идола, сделав знак танцующим. Когда они, танцуя, быстро проходили перед жертвой, они по очереди пускали стрелы в ее сердце, которое было заранее отмечено белым знаком. И, таким образом, они превращали всю грудь жертвы в мишень, выгладевшую, как щетина из стрел».

В обществе майя никогда не было прочного единства. Между правящей верхушкой и простым людом существовали непреодолимые барьеры, созданные кастовой ограниченностью и образованием. Каждая группа населения жила в полной изоляции от других. Земледельцев ждала рабская жизнь, изнурительная работа на полях и бесконечные поборы жрецов. В то же время правящие классы наслаждались всеми благами, создаваемыми трудом низов. Благодаря особой системе наследования жрецы и сановники передавали свои должности по наследству ближайшим родственникам.

Епископ Ланда дает в своей книге следующее описание индейских жрецов Юкатана: «Они обучали сыновей других жрецов и младших сыновей знатных лиц, которых им отдавали еще детьми, если замечали у них склонность к этой профессии. А его (великого жреца) должность получали по наследству сыновья или ближайшие родственники».

Великий жрец имел очень разнообразные обязанности. Обратимся опять к Ланде: «Он (великий жрец) был очень уважаем знатью... кроме приношений, ему давали подарки сановники, а все жрецы платили ему подать. У него был ключ к их знаниям и именно этими делами он больше всего занимался; он давал советы знатым лицам и отвечал на их вопросы... Он назначал жрецов в селения, когда в этом была нужда, испытывая их в науках и церемониях, и поручал им дела по должности, обязывая их быть хорошим примером для народа, снабжал их книгами и отправлял. И эти жрецы занимались службой в храмах и обучением своим наукам, а также

Деталь росписи на глиняном сосуде. Небах, Гватемала

сочинением религиозных книг. Они давали своим ученикам знания о следующих вещах: летосчислении, празднествах и церемониях, управлении таинствами, о несчастных днях и циклах, способах их предсказания, пророчествах, памятных событиях, лекарствах от различных болезней, памятниках старины, о том, как читать и писать их иероглифы и рисунки, которыми они объясняли значение своих письмен».

У великих жрецов существовали особые помощники — «чиланы», или пророки. В их обязанность входило прямое общение с богами, истолкование знамений и таинственных примет. Другие группы жрецов — «накомы» и «чаки» — принимали участие в ритуальных обрядах и жертвоприношениях. Гипотеза о том, что жрецы занимали в обществе майя господствующее положение, подтверждается и археологическими находками. На скульптурных стелах и рельефах жрецы часто изображаются сидящими на тронах, в богатых одеждах, с драгоценными украшениями, в окружении обильных даров. Морли утверждает, что их «познания в астрономии, способность предсказывать затмения, их проникновение во все сферы жизни давали им такую власть над одурманенным религиозными предрассудками народом, которая не шла ни в какое сравнение с влиянием любого другого класса». Ступенькой ниже жречества находилась родовая знать, в руках которой сосредоточились все нити светской власти.

Во главе каждого города (религиозного центра и примыкающей к нему земледельческой округи) стоял вер-

ховный правитель — «халач виник», что означает на языке майя «настоящий человек». Ему помогала в государственных делах группа сановников — «батабов», обязанности которых примерно соответствовали обязанностям местной администрации. Иначе говоря, они являлись «мэрами» селений и небольших городов. «Батабы» обладали исполнительной и судебной властью. Кроме того, в их распоряжении находился небольшой отряд воинов. Ниже «батаба» стояли советники и мелкие должностные лица селений. Их обязанности заключались в беспрекословном исполнении приказов высших сановников. Вся эта огромная сеть городов-государств вряд ли объединялась когда-либо в рамках единого царства. Каждый крупный город сохранял, по-видимому, свою самостоятельность и управлялся собственной знатью и жрецами. Мнения ученых по данному вопросу разделились. Одни считают, что ярко выраженное сходство архитектуры, искусства, календаря и письменности на всей территории майя, а также эра политического спокойствия, создавшая условия для их расцвета, — результат сильной централизованной власти (представителями ее были и гражданские лица, и жрецы)². Противники этой точки зрения ссылаются на то, что однородный характер культуры майя связан с общими религиозными идеалами, а не с политическим единством. При этом также приводятся важные доказательства. Тем не менее многое в обеих гипотезах остается еще неясным. Археологические же находки едва ли расскажут о жизни простого человека из низов. Его роль в обществе или условия его жизни совершенно не отражены в изобразительном искусстве и в иероглифических надписях. Жилища простого люда — хрупкие хижинки с оштукатуренными стенами и крышами из тростника — редко сохраняются до наших дней не в пример монументальным каменным зданиям храмов и дворцов. Правда, опытный археолог легко распознает остатки древних земледельческих поселений, которые, как правило, находятся в непосредственной близости от полей, по кучам мусора и едва заметным очертаниям прежних домов.

Точно в таких же домах живут и современные потомки майя — прямоугольный каркас из жердей, обмазанных глиной или слоем штукатурки. Иногда стены жилища делали из камня, а крышу — из плотно уложенных сно-

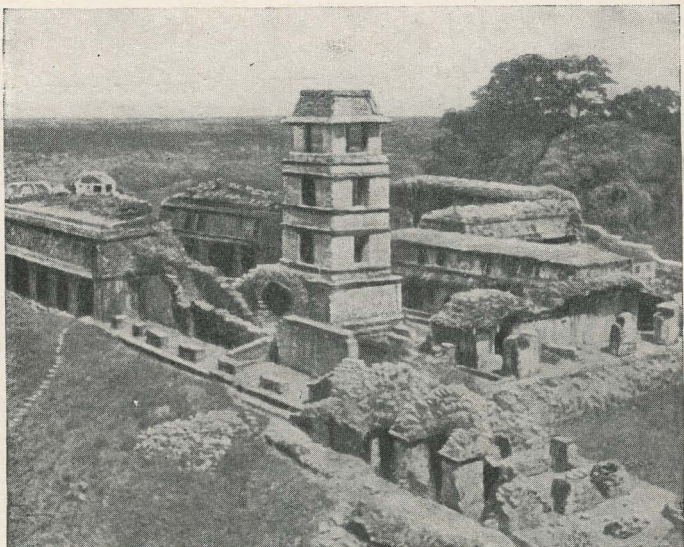
пов тростника Раскопки этих поселений воссоздают картину простого быта земледельцев Там встречается множество обломков глиняной посуды (в большинстве своем это сосуды для варки и хранения пищи), зернотерки, каменные топоры, кремневые ножи, скребки, шилья и глиняные статуэтки богов Сразу же бросается в глаза отсутствие предметов, указывающих на имущественное расслоение среди земледельцев. Все говорит здесь о господстве общинной собственности

Сравнительно небольшое ядро жрецов-мыслителей, усилиями которых поддерживался блеск цивилизации майя, умышленно обрекало своих подданных на нищету и несправедливость Ведь от труда и покорности народа зависел досуг жрецов, необходимый им для научных и эстетических занятий А на долю земледельца, задавленного тяжестью религиозных догматов и гнетом жрецов, оставались лишь бесконечные поборы и тяжелый труд на строительстве ритуальных центров

Ланда рассказывает, что дома знати строились окрестными земледельцами за их собственный счет Они же вели полевые работы на землях сановников и вождей и давали им в виде подарков рыбу и дичь Достаточно сказать, что на содержание жреческой верхушки уходило две трети урожая каждого земледельца³. Кроме того, с крестьян

Деталь росписи на сосуде из Чамá Гватемала

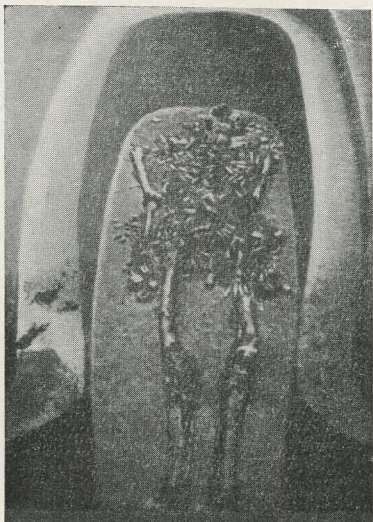

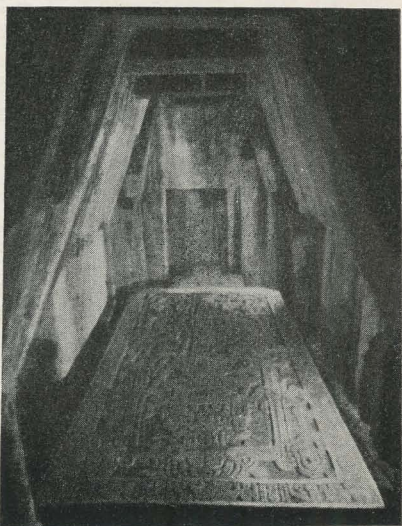
Большой дворец. Паленке

Пирамида E-VII-Суб в Вашактуне (реконструкция
Т. Проскуряковой)

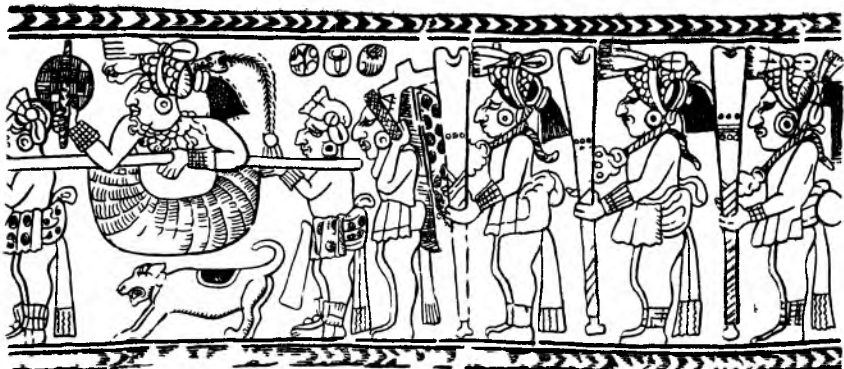

Саркофаг с останками вождя
из Храма Надписей. Паленке

Внутренняя часть гробницы
из Храма Надписей. Видна
скульптурная каменная пли-
та — крышка саркофага.
Паленке

Роспись на сосуде из Ратилиншуля. Гватемала

взимали налоги солью, копаловой смолой, украшениями, одеждой, дичью, фруктами и медом. Земля находилась в собственности общины. Ни один человек не мог единолично распоряжаться ею. Епископ Ланда собрал в своей истории Юкатана множество бесценных сведений о майя. Именно из его манускрипта можно почерпнуть основные факты о классе земледельцев. Хотя наблюдения Ланды относятся уже к периоду, непосредственно следующему за Конкистой, жизнь народа в это время вряд ли могла сильно измениться по сравнению с древностью. Некоторые факты, содержащиеся в книге Ланды, подтверждаются археологическими находками, а многие обряды, упоминаемые им, все еще существуют у индейцев Юкатана. Традиционная одежда майя, производство тканей и керамики, методы земледелия и весь уклад жизни остались почти такими же, как несколько столетий назад.

Рассказ Ланды дополняют историки XVI—XVII вв. Сопоставляя их наблюдения со сведениями более ранних источников, археологам удалось частично воссоздать древние обычаи и традиции майя. Рождение ребенка считалось у майя одним из самых радостных событий, проявлением благосклонности богов, особенно богини Ишчель. Жрецы давали младенцу детское имя. Они же составляли для каждого ребенка особый гороскоп. Позднее к детскому имени добавляли родовые имена обоих родителей и прозвище, которым ребенка называли близкие. День рожде-

ния отмечался по «долькину» — ритуальному календарю. По этому же календарю предсказывалось, какое божество будет покровительствовать или вредить ребенку на протяжении всей его жизни. Майя были по природе добрыми и сдержанными людьми. Ланда часто отмечает их великодушные и готовность подчинить свои личные интересы интересам общества. Колоссальный размах строительных работ — яркое доказательство их преданности общественным идеалам. Детей воспитывали в духе строгого послушания старшим и жрецам. Косоглазие считалось у майя одним из главных признаков красоты. Для этого к волосам ребенка, между глаз, прикреплялся каучуковый шарик или небольшая бусина. Головку младенца плотно прибинтовывали спереди к деревянной дощечке, с тем чтобы сделать череп более плоским и удлинить линию лба. Это также считалось у майя признаком особой красоты. И мужчины, и женщины подпиливали свои зубы, придавая им остроконечную форму. Лицо и тело украшались порезами и татуировкой. Сановники и жрецы часто инкрустировали свои зубы бирюзой, нефритом или раковинами. Мужчины носили простые набедренные повязки из хлопчатобумажной ткани и сандалии из сыромятной кожи. Женщины надевали широкие мантии и покрывали головы платками. Скромная одежда земледельцев не идет ни в какое сравнение с пышными одеяниями знати и жрецов, которые ходили в роскошных костюмах и вычурных головных уборах из перьев или шкур ягуаров.

Кроме того, на них были драгоценные украшения из нефрита, бирюзы, золота и раковин. Морли пишет, что когда мальчик достигал пятилетнего возраста, в его волосы вплетали маленькую белую бусинку. Девочкам давали шнурок и красную раковину, которые они носили на талии. Шнурок и раковина символизировали девственность и не снимались под угрозой бесчестья до тех пор, пока не совершался обряд совершеннолетия. Используя сведения, собранные епископом Ландой, Морли в своей книге «Древние майя» подробно описывает этот интересный обряд:

«День для совершения обряда половой зрелости выбирался необычайно тщательно. Эта церемония могла проводиться только в „счастливым“ день. Покровителем детей, участвовавших в церемонии, избирали главу селения. В его обязанности входили: помощь жрецу во время

обряда и забота о предстоящем пиршестве. Кроме того, в помощь жрецу из почтенных старцев селения выбирали четырех „чаков“. В назначенный день все участники торжества собирались во дворе дома покровителя. Двор чисто подметали и усыпали свежими листьями. Один из старейшин назначался крестным отцом для мальчиков, а одна старуха — крестной матерью для девочек. Жрец совершал обряд очищения жилища и изгонял злого духа. После этого двор подметали еще раз, разбрасывали вокруг свежие листья и расстилали на земле циновки. Жрец менял свое облачение на красивую одежду, надевал головной убор, похожий на митру, и брал кропило для разбрызгивания святой воды. Кропило представляло собой короткую красиво отделанную палку с прикрепленными к ней хвостами гремучих змей. Затем к подросткам подходили „чаки“ и покрывали их головы кусками белой ткани, которую специально приносили для этого матери. Детей более старшего возраста спрашивали, не совершали ли они какого-нибудь греха или дурного поступка. Сознавшихся в этом отделяли от остальных. Жрец приказывал всем сесть и сохранять полную тишину. Благословив детей, он тоже садился. Покровитель обряда ударял костью, врученной ему жрецом, каждого подростка девять раз по лбу, смачивая ему при этом святой водой лицо и промежутки между пальцами рук и ног. После этого ритуала жрец снимал с головы детей куски ткани. И дети дарили „чакам“ перья птиц и бобы какао. Затем жрец вырезал белые бусины из волос мальчиков. Присутствующие доставали курительные трубки и давали каждому подростку затянуться один раз. Еду раздавали детям, а вино приносилось в жертву богам. Это вино должен был выпить одним глотком специально назначенный жрец. Девочек после этого отпускали, и каждая мать снимала со своей дочери красную раковину, которую та носила как символ чистоты.

Считалось, что теперь они достигли брачного возраста. Затем отпускали и мальчиков. Когда подростки уходили, их родители раздавали зрителям и участникам церемонии куски хлопчатобумажной ткани, которые они брали с собой в качестве подарков. Обряд заканчивался пиршеством и всеобщим пьянством...»

Вступление в брак разрешалось сразу же после совершения обряда половой зрелости, хотя обычно браки за-

ключались лишь с 20 лет. Все переговоры по этому поводу вели родители. Отцы выбирали для своих сыновей будущих жен. Очень важно было найти девушку скромную, равного происхождения и умелую хозяйку, т. е. обладающую всеми качествами идеальной жены. Каждый соблюдал определенные запреты на браки между лицами, связанными кровным родством. Брачные вопросы требовали длительных и сложных переговоров с обеих сторон. Часто, для того чтобы отстаивать интересы жениха в важном вопросе об объеме приданого, нанимали искусного свата. После вступления в брак муж жил в течение нескольких лет с родителями жены: помогал своему тестю и показывал таким образом свои способности. Потом он мог построить отдельный дом и жить со своей женой отдельно. Брак можно было расторгнуть в любое время сразу же после заявления об этом со стороны мужа или жены.

Планировка типичного города майя, известная нам по описаниям Ланды, доказывает, что местонахождение жилища всецело зависело от социального положения его обитателей: «В центре города находились храмы с красивыми площадями. Вокруг них стояли дома сановников, жрецов и наиболее богатых и почитаемых лиц. А на окраинах города ютились хижины людей из низших классов. Колодцы, которых было немного, тоже находились около домов знати».

В то время как женщины занимались домашними делами: готовили пищу, ткали и ухаживали за детьми, — мужчины работали на полях. Каждое утро, еще до восхода солнца, они отправлялись на свои «мильпы». В эти прохладные утренние часы, до того, как яркое тропическое солнце достигнет зенита, легче работалось. Начиная с полудня, его палящие лучи становились благотворными лишь для солнцелюбивой кукурузы. Тогда земледельцы обычно располагались на отдых под сенью ближайшего леса. Они растворяли в полой тыкве с водой ком кукурузного теста, который назывался у них «посоле», и пили этот освежающий напиток. Вырубка и выжигание «мильп» и постоянная борьба с натиском джунглей требовали колоссальных усилий. У майя отсутствовали какие-либо орудия, кроме каменных топоров и заостренных палок. Кроме кормилицы-кукурузы, майя выращивали красные и черные бобы, тыкву, дыню, томаты и

сладкий картофель. Ежедневно до начала полевых работ мужчины молились богам земли и сжигали душистый копал перед идолами, стоявшими поблизости и охранявшими аккуратные ряды посевов. У земледельцев редко оставалось свободное время. После уборки урожая все мужчины должны были в принудительном порядке трудиться по заданию жрецов. В течение тех шести столетий, когда империя майя находилась на стадии наивысшего расцвета, на плечах народа лежало еще одно бремя — нескончаемые работы по добыче камня, строительству новых храмов и прокладыванию через джунгли дорог и виадуков. А жрецы требовали все новых и новых сооружений. Каждый календарный цикл увековечивался в камне. Каждое божество многократно повторялось в скульптуре. Каждый новый религиозный культ получал свое святилище, где обслуживающие его жрецы могли бы совершать ритуальные обряды и заниматься своими науками. В основе всего этого лежала глубокая набожность народа, которому отказывали даже в поверхностном знакомстве со специальными знаниями его духовных наставников.

Когда кто-нибудь заболел, вызывали колдуна или знахаря. Они могли дать определенную дозу лекарства из тайно изготовленной смеси трав, и это часто приводило к исцелению. Кроме того, они произносили заклинания, чтобы изгнать злых духов, считавшихся причиной болезни. Если болезнь оказывалась неизлечимой, знахарь должен был предсказать, сколько осталось жить больному и каковы его перспективы на загробную жизнь. Мертвых сжигали или хоронили под полами домов, которые остальные члены семьи после этого обычно покидали. Тело покойного закутывали в кусок ткани и наполняли его рот размолотой кукурузой и несколькими отшлифованными камешками. В могилу клали глиняных идолов и дары — кукурузу и личные вещи покойного, которыми он часто пользовался при жизни. В день похорон майя смотрели на смерть с малодушным страхом. Ланда рассказывает: «Нужно было видеть их тоску и плач по своим умершим, и общее горе, которое это им причиняло. Они оплакивали их днем в молчании, а ночью с громкими и горестными воплями, так что слушать их было очень грустно. Они ходили в глубокой печали много дней. Они соблюдали воздержание и посты по умершему, особенно муж или

жена, и говорили, что его унес дьявол, поскольку они думали, что все беды, и особенно смерть, происходят от него».

Страшные и глубокие тайны окружали майяского земледельца, внушая ему суеверный ужас перед неизвестностью. Движение небесных светил, восход солнца, раскаты грома, ветер, рождение ребенка и сама смерть — все это считалось проявлением силы богов и сменялось одно другим, подобно отражению в огромном зеркале, доказывающая бренность человеческого существования. Охваченный страхом земледelec забывал о своих полях и пытался сквозь заросли джунглей увидеть сверкающие шпили священных храмов. Именно там искал он поддержку у людей, знания которых позволяли им глубже проникнуть в сферу неведомого. Для получения такой поддержки любая цена не казалась слишком дорогой.

Земледelec охотно принимал участие в строительстве священных городов. Много дней посвящал он ритуальным обрядам и молитвам. Для него было утешением вспомнить по ночам о тех дарах, которые он оставил у порога храмов. Вся его жизнь проходила в бегстве от постоянного страха перед будущим. Этот страх преследовал человека с момента его появления на свет. И чтобы освободиться от него, существовало лишь одно универсальное средство — религия. Для майя религия и стала тем фундаментом, на котором возникла их яркая цивилизация.

«ЦАРСКАЯ» ГРОБНИЦА В ПАЛЕНКЕ

На территории современного мексиканского штата Чиapas, там, где проходила прежде западная граница Древнего царства майя, лежат руины Паленке. Основанием Паленке, как и строительством близлежащих городов Яшчилана и Пьедрас Неграса в долине реки Усумасинты, завершился этап распространения классической культуры в западной части империи майя. Внушительные здания этого города отражают вполне сложившиеся идеалы майяской архитектуры и скульптуры. В древности Паленке являлся, по-видимому, крупным религиозным центром. Истинные его границы все еще скрыты густыми зарослями джунглей. Но бесформенные холмы щебня — остатки некогда великолепных построек — простираются на 3,5 мили к западу и на 2 мили к востоку от главного ансамбля ритуальных зданий. Несколько лет назад Паленке объявили национальным памятником. Были также приняты меры, чтобы облегчить туристам доступ к руинам города. Сейчас туда можно попасть по железной дороге либо из Кампече — западном берегу Юкатана, либо из Альенде — в Веракрус. В ближайшей деревушке Санто Доминго дель Паленке был построен небольшой аэродром. По имени этой деревушки город и получил свое название — Паленке. Узкая дорога, ведущая от нее к руинам, вьется вдоль старой индейской пешеходной тропы. Три мили пути через заросли тропического леса и широкие «мильпы» — и перед вами внезапно возникает древний город. Впереди, на вершине «акрополя» с крутыми склонами, стоит Большой дворец. Склоны эти местами обвалились, обнажая отверстия нескольких под-

земных ходов. У юго-западного угла «акрополя», на ступенчатой пирамиде, возвышается здание с высоким сводчатым перекрытием — Храм Надписей. К нему ведет широкая каменная лестница.

Узкий ручей Отолум делит город почти пополам. В древности специальный акведук подводил его воды к самому дворцу. Мелкий ручей был заключен в большую каменную трубу. К востоку от Отолума, на травянистых холмах у подножья гряды Тумбала, запирающей южные и западные подступы к городу, находится несколько небольших великолепно сконструированных храмов. Еще больше зданий видно на краю широкой равнины, которая тянется на север, вплоть до залива Кампече, лежащего в 80 милях от Паленке. Видимые границы города окружены со всех сторон десятками холмов щебня, подтверждающими, как и всюду на территории майя, необъятность проблем, которые необходимо решить археологам. Все, что мы знаем в настоящее время о роли Паленке в истории майя, — результат труда множества исследователей, каждый из которых внес свою лепту в изучение города. Блом во время раскопок Большого дворца в 1923 г. впервые применил современную археологическую методику. Перед этим американский археолог Уильям Холмс провел тщательное обследование всей территории Паленке. Много времени посвятил изучению города Теоберт Малер, побывавший там во время своих изысканий в долине реки Усумасинты. За последние 25 лет руины Паленке исследовались такими известными специалистами по археологии майя, как Альфред Тоззер¹, Герберт Спинден и Сильванус Морли.

Большую роль в реконструкции истории города на основе археологических находок сыграла работа Эрика Томпсона, посвященная анализу иероглифических надписей Паленке.

В 1934 г. мексиканский археолог Мигель Фернандес по поручению Национального института антропологии и истории приступил к раскопкам наиболее важных сооружений Паленке. После безвременной кончины Фернандеса в 1945 г. его работу продолжил талантливый ученый Альберто Рус. Он обладал двумя важными для археолога качествами — горячим энтузиазмом и решимостью в осуществлении намеченных планов. Его способности вполне соответствовали той задаче, которая выпала на его долю. Он сосредоточил основные усилия на реконструкции

наиболее важных архитектурных памятников города — восьми пирамидальных храмов и дворцового комплекса.

Из-за дождей, ливших здесь в течение большей части года, полевые работы в городе могли вестись всего четыре месяца. Это означало, что для проведения в жизнь проекта Руса необходимы многолетние работы. Сначала Рус с помощью индейцев, нанятых в ближайшем селении, построил прочное здание, которое служило одновременно и лабораторией и жильем. Затем началась вырубка джунглей, поглотивших древние руины. Без этого нельзя было приступить к настоящим раскопкам. Особенно заинтересовал Руса Храм Надписей — изумительное сооружение на вершине 70-футовой пирамиды. Внутри ее Стефенс нашел когда-то табличку, покрытую искусно вырезанными иероглифами. Прежде всего Рус обратил внимание на устройство пола во внутреннем помещении храма. Пол состоял из тщательно пригнанных каменных плит (факт довольно необычный, поскольку майя, как правило, покрывали полы в своих зданиях толстым слоем штукатурки). В центре комнаты лежал огромный камень с тремя парами отверстий по краям. Отверстия были заткнуты каменными пробками для того, чтобы скрыть их присутствие от посторонних глаз. Археологи долго спорили о назначении этих отверстий, но так и не пришли к какому-либо определенному выводу. Возможно, думал Рус, странные отверстия имели для майя определенный ритуальный смысл — например, служили символическими входами в подземный мир. Не исключено, что они имели какое-то отношение к астрономии. А может, служили ключом к неизвестному архитектурному сооружению внутри самого храма? Но Рус не хотел заниматься пустыми догадками. Он еще раз осмотрел комнату и обнаружил одну деталь, упущенную его предшественниками, — стены комнаты продолжались ниже уровня пола. Значит, внизу, под полом верхнего помещения, находится еще одно? И Рус решил поднять просверленный камень, смутно предчувствуя, что дыры предназначены именно для этой цели. Рабочие разбили зубилами известковый раствор в промежутках между каменными плитами и вскрыли пол храма. Под ним находился узкий ход, плотно забитый щебнем. Сначала трудно было понять, ведет ли он в нижнюю комнату, или это просто небольшой подземный склеп. Но когда ход расчистили от обломков, показалась лестница, сделанная из каменных плит, облицованных штукатур-

кой. Она вела через сводчатый туннель вниз, в самое сердце пирамиды. Несмотря на все трудности, Рус твердо решил исследовать подземный ход до конца. Ведь любые затраты сторицей окупятся будущими находками. Прекрасная подземная лестница — явление, никогда не встречавшееся прежде в постройках майя, — вселяла самые радужные надежды. Но работа по расчистке хода шла безумно медленно.

Тяжелые камни, завалившие лестницу, приходилось выламывать и с помощью веревок и блоков поднимать наверх. Внутри туннеля господствовали жара и постоянная сырость. Копоть от керосиновых ламп и тучи известковой пыли не позволяли долго находиться в нем. К концу первого сезона работ удалось расчистить 23 лестничные ступени, и контуры уходящего вниз свода определились достаточно четко. Однако даже теперь оставалось неясным, куда вел этот ход. Но вскоре произошло событие, которое вновь возродило угасшие надежды Руса. У одной из стен хода рабочие нашли странную трубу — квадратный колодец, облицованный небольшими каменными плитами, скрепленными известковым раствором. Для чего она здесь? Видимо, это странное сооружение создавалось для какой-то определенной цели, и тайна его скрывалась еще ниже, в глубине пирамиды.

Чем дальше, тем все крепче и тяжелее становились камни, преграждавшие дорогу. Их прочно сцементировали известковые соли, которые отлагались здесь в течение предыдущих столетий. Рус не сомневался, что все препятствия на пути к подножью лестницы созданы ее строителями умышленно.

Когда ход сослужил свою службу, каковой бы она ни была, его закрыли от непрошенных гостей, завалив на всем протяжении камнями и щебнем. Затем на полу храма, над устьем хода, положили каменную плиту. А отверстия, предназначенные для перемещения плиты с помощью веревок, заткнули каменными втулками.

Когда Паленке пришел в запустение, сведения о подземной гробнице исчезли вместе с его обитателями.

К концу третьего сезона работ лестницу расчистили уже на глубину около 70 футов. Но ее основное назначение по-прежнему оставалось неизвестным. На стенах туннеля отсутствовали какие-либо надписи. А в целых горах щебня, поднятых на поверхность, не оказалось ни одного об-

ломка скульптуры. Только ступени загадочной лестницы да любопытная квадратная труба уходили сквозь бесконечную стену каменных обломков все дальше вниз, в глубину пирамиды. Никогда еще не был Рус так далек от завершения своих исследований, как в этот момент. Но ведь он ничего не упустил. Оставался лишь один выход — продолжать раскопки.

В течение следующего сезона, осенью 1952 г., исследователи пробились в коридор, перегородженный поперек толстой стеной из плотно уложенного камня. За ней они встретили еще одну каменную стену. Прямо перед второй стеной стоял квадратный каменный ящик. Его содержимое стало первой наградой за изнурительный труд по расчистке хода. Внутри ящика находились нефритовые украшения — отполированные до блеска бусы, серьги и пуговицы. Ниже лежали две изящные расписные таблички из глины и сверкающая жемчужина диаметром полдюйма (1,6 см). Эти предметы несомненно представляли собой ритуальные дары, иначе зачем их было оставлять в пустом коридоре? Но на пути людей, столпившихся под скупо освещенными сводами туннеля, все еще стояла вторая массивная стена. В своем отчете о раскопках Рус пишет: «Эта стена имела более 12 футов толщины. Чтобы пробиться сквозь нее, потребовалась целая неделя напряженного труда всех участников экспедиции. Известковый раствор оказался настолько прочным, что камни часто приходилось разбивать, прежде чем их удавалось отделить друг от друга. Мокрая известь ожгла и разъедала руки. Пробившись сквозь стену, мы сразу же наткнулись на грубый каменный ящик». Внутри лежало шесть человеческих скелетов, покрытых сверху слоем сцементированных камней.

В этой общей усыпальнице исследователи не нашли никаких украшений или даров. Скелеты принадлежали юношам.

Картина, открывшаяся Русу и его товарищам, свидетельствовала о преднамеренно совершенном акте. «Несомненно, — писал он, — это было человеческое жертвоприношение. Души шести юношей были призваны охранять и прислуживать тому, для кого была сооружена вся эта массивная пирамида и кого мы теперь надеялись вскоре найти». С этого момента всеобщее возбуждение достигло предела. Каждый день работы сулил новые открытия. Теперь Рус понял, что прекрасная лестница, дары в виде нефрита,

жемчуга и человеческих жизней да и сама огромная пирамида имели для майя, а следовательно, и для археологов, особое значение. Но вскоре ступени сводчатого коридора привели в тупик. При более тщательном обследовании в северной стене удалось обнаружить треугольное отверстие, закрытое огромным камнем. Чтобы расширить отверстие, рабочие разбили и вынули щебень вокруг камня. За стеной находился еще один склеп, погруженный в темноту. И тогда произошла сцена, удивительно напоминающая вступление Говарда Картера в гробницу Тутанхамона. Люди столпились в тускло освещенном коридоре. Напряжение росло. Его могут понять только археологи, совершающие путешествия в забытые цивилизации для того, чтобы внезапно встретить сокровища, свыше тысячи лет скрытые от человеческого взора. Погруженную во мрак гробницу осветил луч прожектора, и Рус заглянул в нее через узкое отверстие в стене. Спустя мгновение он уже знал, что четыре года упорного труда щедро вознаграждены. Рус смог обрести дар речи лишь по прошествии нескольких минут: «Из густого мрака неожиданно возникла сказочная картина фантастического неземного мира. Казалось, что это большой волшебный грот, высеченный во льду. Стены его сверкали и переливались, словно снежные кристаллы в лучах солнца. Как бахрома огромного занавеса, висели изящные фестоны сталактитов. А сталагмиты на полу выглядели, словно капли воска на гигантской оплывшей свече. Гробница напоминала заброшенный храм. По ее стенам шествовали скульптурные фигуры из алебаstra. Потом мой взор упал на пол. Его почти полностью закрывала огромная прекрасно сохранившаяся каменная плита с рельефными изображениями. Глядя на все это с благоговейным изумлением, я пытался описать красоту волшебного зрелища моим коллегам. Но они не верили до тех пор, пока, оттолкнув меня в сторону, не увидели эту великолепную картину своими собственными глазами. Мы были первыми, кто увидел гробницу тысячу лет спустя!» Прямо перед Русом лежала гигантская каменная плита, закрывавшая почти половину пола гробницы. Вся площадь плиты (свыше 12 футов в длину и 7 футов в ширину) покрывала рельефная резьба, отчетливо выделявшаяся на ее полированной поверхности. В центре была изображена фигура полулежащего человека в замысловатом головном уборе и с множеством драгоценных украшений. Середину

плиты занимал большой крест. На концах его горизонтальной перекладины находились двухголовые змеи, а сам крест украшала фигура птицы кетсаль с роскошным оперением. Края каменной плиты окаймляла лента иероглифов, обозначающих солнце, луну, Венеру и Полярную звезду. Позднее Русу удалось расшифровать две календарные надписи. Они соответствовали 603 и 633 гг. н. э. По своему внешнему виду эта каменная плита очень напоминала находку Стефенса и Казервуда в близлежащем Храме Креста и монумент, обнаруженный позднее в Храме Лиственного Креста. Рус считает, что крестообразные эмблемы — любимый мотив скульпторов Паленке — представляли собой, вероятно, символы растущей кукурузы. Это растение майя считали источником самой жизни. А его эмблемы пользовались глубоким уважением. «Можно предположить, — пишет Рус в журнале „Археология“, — что вся композиция отражает основные концепции религии майя: мысль о необходимости поклонения кукурузе, растению, которое нужно для своего развития в помощи человека, и в свою очередь служило основой человеческой жизни; мысль о брэнном уделе человека, смерть которого дает начало новой жизни, и о глубокой зависимости земледельца от дождя». Касаясь глубокого внутреннего значения этого мотива, Рус приходит к выводу, что он вполне мог символизировать «тягу человека к бессмертию. Трудно решить, изображает ли эта фигура обобщенный образ человека или это индивидуальное лицо, в честь которого был сооружен весь памятник. Судьба уже вынесла человеку свой приговор. Его должна поглотить земля, на которой он сейчас полулежит. Но, надеясь на бессмертие, он пристально смотрит на крест — символ кукурузы и, следовательно, самой жизни». Каменная плита лежала внутри большой комнаты, около 30 футов в длину и 13 футов в ширину. Ее крутой сводчатый потолок достигал 22 футов высоты и опирался на пять массивных каменных глыб. От известковых отложений на стенах и потолке образовались сталактиты. Они накапливались много столетий, превратившись наконец в фантастические сверкающие шпильки. Украшавшие стены гробницы девять рельефных человеческих фигур, сделанных из алебаstra, изображали богов подземного царства. Свыше десяти веков охраняли гробницу эти фантастические боги, глядевшие сквозь завесу из белых сталактитов. Были ли они очевидцами ритуалов, совершаемых мрачны-

ми жрецами, ритуалов, слишком священных, чтобы показывать их тропе? Или они были хранителями какой-то неведомой тайны гробницы? Индейцы, помогавшие Русу в исследовании храма, ничего не знали о строителях Паленке. События, происходившие там, не отразились даже в легендах. Великолепный город пришел в запустение задолго до того, как на американском континенте высадился первый европеец.

Несколько дней спустя рабочие вскрыли массивную треугольную дверь склепа. «Я вошел в таинственную комнату,— говорит Рус,— со странным чувством, естественным для того, кто впервые переступает порог тысячелетий. Я попытался увидеть все это глазами жрецов Паленке, когда они покидали склеп. Мне хотелось снять печать времени и услышать под этими тяжелыми сводами последний звук человеческого голоса. Я стремился понять то таинственное послание, которое оставили нам люди далекой эпохи. Сквозь непроницаемую завесу времени я пытался разглядеть неуловимую связь между их и нашими жизнями». Тщательный осмотр скульптурной плиты, покрывавшей пол склепа, показал, что она лежала на огромном каменном блоке. Блок в свою очередь опирался на шесть каменных прямоугольников. Это сложное устройство создали, очевидно, искусные мастера, хорошо понимавшие значение своего труда. У Руса возникло подозрение, не в этом ли гигантском опорном блоке содержится разгадка тайны гробницы? Для проверки этих предположений требовалось прежде всего узнать, сплошной это блок или полый. Выстукивать каменную громаду не имело смысла. С помощью отверстия, просверленного в боку монолита, удалось определить, что внутри огромного камня — пустота. Сначала следовало поднять резную каменную плиту, лежавшую поверх блока. Однако Рус располагал крайне небогатым арсеналом технических средств. Поэтому он решил поставить под каждый угол пятитонной скульптурной плиты домкраты, но, кроме того, подвести под нее в виде дополнительных опор бревна. Наконец тяжелая массивная плита дрогнула и медленно поползла вверх. При этом крайне важно было не разбить и не поцарапать этот шедевр майяского искусства, когда его будут отрывать от фундамента. Все, кто находился в тускло освещенной гробнице, пребывали в состоянии невыносимого напряжения. Рус пишет: «Когда каменная плита медленно подня-

лась, мы с удивлением обнаружили под ней еще одну плиту меньшего размера. Она представляла собой точную копию верхней. Плита имела около 7 футов в длину и 30 дюймов в ширину. Она отличалась своеобразной изогнутой формой, а один из концов ее был сделан в виде рыбьего хвоста. На концах плиты удалось обнаружить по два круглых отверстия, точно таких же, как те, что мы нашли наверху, в плите на полу храма. Но теперь мы уже знали, что эти отверстия служили для поднятия плит. Мы работали, затаив дыхание от волнения. Каждый раз, когда огромная резная крышка поднималась на дюйм выше, мы подкладывали под нее доску на тот случай, чтобы, если соскочит домкрат, массивная плита не упала. Когда мы приподняли ее примерно на 15 дюймов, я уже не мог совладать со своим любопытством». Рус протиснулся под каменную плиту и вытащил из внутренней крышки каменные затычки. Сквозь крохотные отверстия он едва смог различить то, что находилось внутри.

«Прежде всего я увидел мозаику зеленого, красного и белого цветов. Затем я стал различать ее детали — зеленые нефритовые украшения, окрашенные в красный цвет кости и зубы и обломки маски. Я смотрел на погребальную маску человека, ради которого люди выполнили всю эту колоссальную работу — склеп, скульптуры, лестница и огромная пирамида с увенчивающим ее храмом. Передо мной стоял первый саркофаг, найденный когда-либо в пирамидах майя.

После этого беглого знакомства работа не заняла у нас много времени. С помощью веревок, продетых сквозь отверстия, мы подняли странную каменную крышку. Под ней, на дне глубокой каменной чаши, окрашенной изнутри в красный цвет, лежали останки вождя. Хотя кости почти истлели и стали настолько хрупкими, что мы не смогли сделать точных наблюдений по определению физического типа погребенного, он производил впечатление крепкого, довольно рослого (174 см) мужчины лет сорока-пятидесяти. Его зубы, окрашенные в красный цвет, хорошо сохранились. Они не были инкрустированы или подпилены, что довольно необычно для взрослого мужчины майя, занимающего высокое положение.

Этот знатный человек, по-видимому жрец, не имел золотых украшений. Но рядом находилось множество предметов из нефрита — бус, колец, браслетов, серег и изящно

вырезанных статуэток. Формы последних отличались большим разнообразием — цветы, маленькие тыквы, летучие мыши, змеиные головы и человеческие фигуры с характерными чертами некоторых богов майя. На каждой руке погребенного лежало нефритовое украшение. Один кусочек нефрита находился во рту. Шею и плечи покрывало огромное ожерелье из нефрита. На черепе сохранились остатки погребальной маски, тоже сделанной из мельчайших кусочков нефрита. Глаза маски были из раковин, а зрачки — из кусочков обсидиана. Кроме того, мы нашли предмет, показавшийся нам вначале огромной жемчужиной в 1,5 дюйма длиной. Оказалось, что она состоит из нескольких искусно подобранных и склеенных кусочков перламутра».

Итак, найденная Русом гробница служила усыпальницей верховного жреца. Некоторые звенья в цепи неразрешимых загадок, с которыми столкнулся исследователь в ходе раскопок, стали для него более понятными. Сооружение этой гробницы, как и в Египте эпохи фараонов, требовало огромного напряжения сил общества. На ее строительство ушло много лет. Спустить вниз по лестнице огромный саркофаг и его резную крышку было невозможно. Следовательно, могилу подготовили заранее, а пирамиду, несущую на себе Храм Надписей, соорудили уже над ней. Народ неутомимо осуществлял поставленную перед ним задачу. Ежедневно в каменоломнях добывалось большое количество известняка. Его доставляли к месту строительства на деревянных катках в виде огромных блоков. Там их рассекали на меньшие куски и отправляли по склонам пирамиды к медленно растущим стенам. Скульпторы изготовили из алебаstra рельефы, украсившие затем фасад храма, и каменные рельефы для решетчатого гребня на его крыше. Когда Рус пытался воссоздать события прошлого, его больше всего мучил вопрос, следил ли при жизни верховный жрец, ради которого затрачивался весь этот колоссальный труд, за строительством своей гробницы? Или это дань уважения, отданная ему уже после его смерти? Возможно, ключ к решению загадки даст подземная лестница, ведущая в склеп. Это говорит о том, что гробница оставалась открытой до похорон жреца. Наконец давно назначенный день похорон наступил. Смерть столь важной персоны требовалось отметить каким-нибудь особым обрядом. К сожалению, нам остается лишь гадать о характере этой торжественной церемонии. Можно представить себе толпы

Посмертная маска из нефрита (гробница вождя). Паленке

Индеец-лакандон из района озера Лаканха. Чиapas

Алебастровая скульптура из гробницы вождя в Храме Надписей. Паленке

земледельцев, которые собрались у подножья храма, чтобы принести свои дары ушедшему в загробный мир жрецу. Видимо, они уже за несколько дней до этого знали о приближении его смерти. Несчастье могли предсказать колдуны. Бросив на землю кучки зерен или бобов, они увидели в их расположении дурной знак. А может быть, жрецы, ухаживавшие за больным, заранее объявили о приближении его кончины. Горе народа от этого не уменьшилось.

В предсказанный день процессия жрецов понесла тело умершего, обернутое в шкуру ягуара и увешанное нефритовыми украшениями, вниз по лестнице, в погребальную камеру. Разрисованные священными узорами лица жрецов казались непроницаемыми, головы их увенчивали искусно сделанные шлемы с нефритовыми украшениями и перьями птицы кецаль, которые отбрасывали уродливые тени на освещенные факелами стены. За похоронной процессией следовали сановники, сопровождавшие шестерых юношей, чьи души предназначались для охраны входа в гробницу. Слышался глухой топот ног, обутых в сандалии, звучали монотонные песнопения. Жрецы начали еле слышно бормотать молитвы. Дорога к обители смерти казалась длинной и страшной. Время от времени жрецы восклицали: «Да смилуются боги загробного мира и да сделают они путь умершего не похожим на наш!» Когда процессия вошла в погребальную камеру, тело опустили в саркофаг, разложив вокруг различные дары, в том числе две изумительные человеческие головы из алебаstra, отбитые от больших статуй. На лицо святого надели нефритовую мозаичную маску. Саркофаг закрыли тщательно пригнанной внутренней крышкой, а сверху еще массивной скульптурной плитой. На скульптурную плиту чуть выше кукурузного креста положили нефритовую мозаику и ожерелье из полированных сланцевых подвесок. Затем вокруг саркофага насыпали груды щебня и каменных глыб, а вход в гробницу задвинули треугольной каменной дверью.

В коридоре, прямо у погребального склепа, состоялось принесение в жертву шестерых юношей, убитых ударами в спину или удушенных. Их безжизненные тела были уложены в каменный гроб и покрыты слоем известкового раствора. Именно в таком виде их и обнаружил Рус.

В классический период майя прибегали к человеческим жертвоприношениям в самых крайних случаях. Этот обряд получил у них распространение лишь после 900 г. н. э.

Его принесли с собой мексиканские завоеватели. Именно тогда массовое убийство людей стали считать совершенно необходимой платой за благосклонность богов. Но в классический период принесение в жертву шести человек даже для того, чтобы обеспечить вечное блаженство могущественному жрецу, — факт необычный. Это своего рода дань глубокого уважения умершему. Память о верховном жреце не померкла с годами. И майя всячески старались установить связь с его душой, все еще парящей над землей. Любопытную каменную трубу, которую нашел Рус в лестничной стене, они соорудили именно для этой цели. Начинаясь в виде резной змеиной головы у одной из сторон саркофага, эта труба шла через смежный коридор, вдоль всей лестницы, к полу храма. Через нее к мертвецу обращались с магическими заклинаниями жрецы. Здесь же совершались, по-видимому, какие-то таинственные обряды, подтверждавшие ответы, которые получали жрецы от умершего. Рус назвал это оригинальное сооружение «каналом для души». Этот «канал» как бы непосредственно соединял царство живых и мертвых. Сейчас трудно сказать, когда завалили обломками и замуровали лестницу, ведущую в гробницу. Вначале казалось, что это сделали сразу, чтобы уберечь гробницу от грабителей. Но Рус, ссылаясь на недавние раскопки, утверждает, что примерно в конце IX в. н. э. Паленке подвергся сильному культурным влияниям извне. Поэтому можно предположить, что могилу жреца — важнейшую святыню города — замуровали именно в это время из предосторожности, опасаясь растущего влияния чужих религий среди населения. Подобного рода детали никогда не удастся установить точно. Они всецело относятся к области догадок. Археологи воссоздают их только на основе разумных предположений. Архитектурный комплекс Храма Надписей с его подземной лестницей, погребальным склепом и «каналом для души» представляет собой наиболее яркий образец высокого искусства архитекторов майя. Этот храм не имеет себе равных по красоте среди других памятников доколумбовых цивилизаций Америки. Его конструкция совершенно уникальна. А сам факт его существования заставляет изменить традиционное убеждение, будто пирамиды в Центральной Америке строились лишь в качестве постаментов для храмов. Весьма вероятно, что сооружения, подобные Храму Надписей все еще ожидают своих исследователей. Открытие Руса

служит ярким доказательством большого влияния жречества у майя и сложной структуры общества, которым управляли жрецы.

Если ради одного жреца был потрачен такой огромный труд инженеров, ремесленников, каменщиков и земледельцев, работавших непрерывно в течение ряда лет на строительстве гробницы,— то это уже само по себе показывает степень подчинения народа религиозным догматам. Но в истории майя эта гробница лишь одно незначительное звено в цепи лихорадочного строительства, в результате которого возникли десятки ритуальных центров.

История Паленке, как и история майя в целом, во многом остается неизвестной. Большинство городов майя (как и чудесный город на склонах холмов Тумбала) археологически почти не изучено. Но еще больше древних руин, которых вообще не касалась рука археолога, лежит на дне безбрежного моря джунглей, где процветала когда-то империя майя. Тем не менее часто даже одно открытие, подобное тому, какое сделал Рус, за сравнительно короткое время дает археологам необычайно много сведений о различных аспектах изучаемых ими цивилизаций. Это в значительной мере зависит от счастливого случая. Исследователь может наткнуться и на остатки какой-нибудь одинокой крепости или на развалины крупного политического, культурного или религиозного центра. Русу как раз и повезло, когда он приступил к исследованию Храма Надписей.

**БОНАМПАК —
ЗЕРКАЛО ЗОЛОТОГО ВЕКА**

Если бы Джон Ллойд Стефенс заглянул в глухие дебри джунглей Чиапаса немного восточнее Паленке, он мог бы обнаружить, что потомки древних майя ведут там почти такой же образ жизни, как и до прихода испанцев. Но Стефенс, стремясь как можно быстрее приступить к изучению руин Паленке, пренебрег неясными слухами об этом загадочном племени. Возможно, это и к лучшему. В глухих селениях этих индейцев, известных под названием лакандонов, усердный исследователь старины не встретил бы радушного приема. Задолго до появления Стефенса лакандоны, спасаясь от карательных экспедиций испанцев, укрылись в глубине лесных дебрей Чиапаса и Гватемалы. Полная изоляция от внешнего мира служила им надежным барьером против любых нежелательных влияний. Только она могла спасти лакандонов от полного вымирания. И эта изоляция ревниво охранялась. Даже 50 лет спустя после путешествия Стефенса в Паленке сам факт существования этого племени оставался непроверенным слухом. Гораздо внимательнее отнесся к изучению проблемы лакандонов Альфред Моудсли. Во время своих экспедиций (в конце XIX в.) он понял, что существование прямых потомков древних майя, сохранивших до сих пор свой первоначальный образ жизни, предоставляет ему уникальную возможность сделать сравнительный анализ. Работы Моудсли открыли необычайно заманчивую область исследований. Были ли таинственные лакандоны прямыми потомками тех, кто населял некогда великолепную империю майя,—

народом, опустившимся до примитивного образа жизни вследствие катастрофических событий, уничтоживших поразительные достижения их праотцов? Изменилась ли их культура в связи с испанской колонизацией в первые века после Конкисты? Если бы эти гипотезы подтвердились, то изучение лакандонов могло дать ценнейшее доказательство связи между настоящим и прошлым. Тогда при изучении истории майя ученые смогли бы опереться на новый источник фактов — этнографию. Моудсли намеревался изучить эти вопросы самым тщательным образом, но все его попытки потерпели неудачу. Не доверяя чужеземцам, лакандоны отказывались давать сведения о своем образе жизни и верованиях. Они по-прежнему таились в джунглях, и встретить их можно было лишь случайно. Однако Моудсли даже на основании беглых наблюдений убедился, что между лакандонами и строителями древних городов этого района действительно много общего. Лица индейцев, встреченных им во время его экспедиций, имели явное сходство с лицами людей, изображенных на скульптурных монументах соседних археологических памятников. И повсюду, особенно в Яшчилане, он находил среди руин ритуальные предметы, оставленные там совсем недавно индейцами-паломниками, — небольших глиняных идолов и грубые сосуды, в которых сжигалась копаловая смола.

«Почти во всех домах, — пишет Моудсли, — мы встречали глиняные горшки, наполненные каким-то смолистым веществом. Одни из них оказывались более новыми, чем другие, а многие сосуды, судя по их положению, были поставлены там уже после частичного разрушения домов. Я не сомневаюсь в том, что эти горшки изготовлены и принесены сюда индейцами-лакандонами»

На рубеже двух последних столетий собиратели смолы «чикле» («чиклерос») и лесорубы проникли в самое сердце джунглей Чиапаса, начав экономическую эксплуатацию его природных богатств. Они нашли здесь неисчерпаемые запасы смолы и махагониевого дерева¹. Иногда эти пришельцы брали себе в жены лакандонских женщин. Но гораздо чаще они оставляли после себя внебрачных детей. Болезни и частые переселения в поисках работы и лучших условий жизни резко сократили за последние годы численность лакандонов.

Постепенное вымирание — неизбежный результат их бедственного положения. В настоящее время осталось

в живых примерно 160 лакандонов. А условия их жизни таковы, что едва ли есть надежда на постоянный прирост этого исчезающего племени.

Борьба за существование, борьба против возрастающей угрозы болезней и внешних влияний низвела лакандонов до самого примитивного уровня культуры. Окружающие их природные условия — самые неблагоприятные во всей Центральной Америке. Бесконечные пространства влажных тропических джунглей буквально кишат малярийными комарами. Редкие деревушки лакандонов расположены в самых труднодоступных лесных уголках. Жилища-навесы, покрытые пальмовыми листьями, позволяют свободно циркулировать внутри слабому лесному ветерку. Какая-нибудь семья может жить совершенно изолированно, за много миль от ближайших соседей. Но гораздо чаще несколько объединившихся семей строят группу домов, расположенных вокруг открытой площадки — «карибальс». Как и в древности, основу питания лакандонов составляет кукуруза. Ее сажают на расчищенных от зарослей участках с помощью примитивных заостренных палок. Кроме майса, лакандоны употребляют в пищу томаты, бобы, тыкву, кассаву², бананы и папайю³. Через несколько лет их поля истощаются, и они вынуждены искать другие участки земли, где все повторяется сначала. Этот ненадежный способ земледелия и явился той основой, на которую опиралась в эпоху своего расцвета цивилизация майя. Вплоть до последнего времени лакандоны удовлетворяли все свои нужды с помощью тех продуктов, которые им давала природа. Ткани изготавливались из древесной коры или из местного хлопка на примитивном ткацком станке. Гамаки, в которых спали лакандоны, были сплетены из растительных волокон, а корзины и лотки — из прутьев, связанных волокнами юкки⁴. Для переноски воды и хранения пищи использовались полые тыквы и разнообразные глиняные сосуды. В настоящее время многие из этих изделий вытеснены промышленными товарами, которые индейцы приобретают путем торговли.

И мужчины, и женщины носят простые хлопчатобумажные балахоны без пояса, свободно ниспадающие вниз. Иногда некоторые лакандонские женщины заплетают свои волосы в тугие косы, украшая их разноцветными перьями.

Но обычно нерасчесанные и спутанные волосы женщин свободно распушены по плечам, как и у мужчин, которые

имеют ужасно свирепую внешность. По некоторым сообщениям, незначительное число лакандонов, живущих вблизи населенных районов, стрижет волосы в знак отказа от традиций своего племени. Но до сих пор такие случаи встречались очень редко.

После первых наблюдений Моудсли лакандонами никто не занимался вплоть до 1902 г. Именно в этом году известный антрополог Альфред Тоззер приступил к детальному изучению индейцев Чиапаса, заложив тем самым основу для всех последующих исследований. Два года прожил он среди лакандонов, собрав множество этнографических данных об их быте и традициях. Тоззер разделял интерес Моудсли к этому племени, также допуская существование связи между ним и древними майя. Он терпеливо по крупице накапливал сведения, которые могли пролить свет на связи лакандонов с культурным наследием майя. Такие сведения доставались нелегко. В примитивном образе жизни лакандонов не осталось явных следов их богатого культурного наследия. Они полностью утратили письменность, знания по астрономии, математике, архитектуре и скульптуре, которые подняли их далеких предков на недостижимую высоту. Стерлись в их памяти имена богов-покровителей из пантеона майя, мифы и легенды об их странствиях по земле. Лакандоны очень смутно сознавали свое родство со строителями рассеянных по их владениям разрушенных городов. У них остались лишь неясные воспоминания о великолепии этих городов и тайное благоговение перед «древними». И все же лакандоны были гораздо ближе майя, чем они это признавали. Тоззер считает, что, помимо их явного физического сходства со скульптурными изображениями майя, язык их почти не отличается от того, на котором говорили майя много веков назад. В религии лакандонов тоже можно найти связи с прошлым. Сильванус Морли сделал одно интересное наблюдение — религиозные обряды лакандонов необычайно близки обрядам древних майя, существовавшим до тех пор, пока каста жрецов не создала более сложную религию. У лакандонов отсутствовали иерархия жрецов, пышные ритуалы и каменные храмы. Обязанности жрецов исполняли главы семей, следившие за совершением обрядов в примитивных святилищах, посвященных простейшим формам культа природы. Согласно их верованиям все элементы окружающей природы имели

душу. Тучи, воздух, скалы, животные, реки и звезды — все считалось живым подобно человеку. Состязания в беге определяли того, кто сильнее ветра. Чтобы победить «духа» горы, на нее взбирались. Когда убивали животное, у него горячо просили прощения. А создавая грубые изваяния из камня и глины, придавали сверхъестественным существам осязаемую форму. Точно таким же было, по видимому, содержание архаической религии майя. Внутри открытых построек с крышами из пальмовых листьев, перед грубыми алтарями с рядами глиняных идолов и странных, так называемых «божьих» горшков совершались незамысловатые ритуалы. Эти керамические чаши, украшенные изображениями духов, — основной атрибут при совершении обрядов у лакандонов. Внутри сосудов сжигаются шарики смолистого копала, и пока они тлеют, жрецы бормочут свои молитвы. Копал постоянно фигурирует в ритуалах майя. Кроме того, мы располагаем археологическими доказательствами, позволяющими связывать эту черту религии лакандонов с аналогичными древними обрядами. Чтобы усилить действенность религиозных обрядов, лакандоны пили хмельной напиток «бальтче», изготавливавшийся из коры дерева бальтче⁵, кукурузы и дикого меда. Они считали, что тот, кто его пьет, вступает в более тесную связь с богом. Подобный же обряд был широко распространен среди древних майя, а состав напитка за прошедшие столетия несколько не изменился. В строго определенные дни паломники отправляются в некогда цветущий город Яшчилан. Там, среди руин, все еще бродят, по их повериям, могущественные боги майя. И в заброшенных храмах майя совершаются в строгой тайне языческие обряды. Лакандоны приносят в святилища города в качестве дара богам глиняные горшки и читают среди клубов копалового дыма свои молитвы. На древние алтари, куда попадали когда-то сокровища со всех концов огромной империи майя, кладут теперь лишь скудные дары в виде кукурузы и копала. На одно мгновение облаченные в белые одеяния лакандоны забывают о своей лесной жизни. Они благоговейно стоят среди руин — памятников своей разграбленной старины, входят под своды храмов, где не слышно больше звука человеческих голосов, молятся перед обезображенными статуями безымянных богов и смотрят на скульптуры жрецов и вождей, лица которых — точные копии их собственных лиц.

Подобным образом они хотят вернуть обратно хотя бы часть того священного наследия, которое растеряли за время своей жизни в джунглях. Но сам образ их жизни способствовал тому, что они все дальше и дальше уходили от духовной зрелости, которую тщетно пытались сохранить. Действительность превратила древние традиции в смутные воспоминания, а затем они вообще были преданы забвению. Из рук лакандонов, вынужденных бороться за повседневное существование, ускользнули почти все достижения майя, накопленные в течение многих тысячелетий. Отброшенные далеко за пределы сказочного мира верховных жрецов, священных городов и древнего искусства, они очутились на суровых берегах архаической эпохи. Там они и остались как свидетельство превратностей истории.

Весной 1946 г. в глухие районы северного Чиаса проник американский путешественник и фотограф Джэйлс Хили. Ему поручили снять документальный фильм по истории майя от доколумбовых времен до наших дней. Но эта экспедиция в Чиас была посвящена в основном съемке фильма о таинственных лакандонах. Работая с индейцами, жившими в лесистых низовьях реки Лаканха, Хили заметил, что временами часть мужчин исчезает из деревушки и появляется лишь через несколько дней. По их словам, они совершали паломничество к святилищам, которые запретны для посторонних. Любопытство Хили достигло предела. Он знал, что вся эта область изобилует археологическими памятниками. И смутная надежда посетить какой-нибудь древний город, который до сих пор служит предметом поклонения для потомков его строителей, превратилась у него в настоящую манию. В конце концов Хили удалось приблизительно узнать местонахождение одного тайного святилища. Хили привели в самую глубину джунглей. Лучи солнца местами едва пробивались сквозь плотную крышу растительности. Можно было пройти всего в нескольких метрах от целого города, даже не подозревая о его существовании. Наконец они вышли на более открытое место, окруженное глыбами белого камня под покровом зелени. На вершине террасовидного «акрополя» они увидели руины массивных зданий. Низкие, прямоугольные постройки поразительно строгих пропорций едва различались сквозь густые заросли леса. Одни из них оказались частично погребенными под об-

ломками, другие стояли почти нетронутыми, подобно белым призракам, поднявшимся над морем зеленых джунглей. У подножия «акрополя», на большой углубленной в землю площади, лежала массивная скульптурная стела. Древний мастер изобразил на ней жреца в пышном одеянии и с церемониальным жезлом в руке. Вокруг фигуры жреца располагались иероглифические надписи. По обеим сторонам лестницы, ведущей на вершину «акрополя», стояли еще две вычурные резные стелы, наполовину ушедшие в землю. Другие монументы — каменные скульптуры ягуаров и свернувшихся в кольцо змей — попросту валялись в джунглях. Хили стоял у самого порога сенсационного научного открытия. Наиболее крупное здание находилось у северного склона «акрополя». Несмотря на проросшие сквозь его крышу деревья, оно сохранилось довольно хорошо. В лабиринт внутренних залов вели снаружи три двери. Фасад здания над каждым из входов прежде украшали скульптуры. На внешней стене, между вторым и третьим дверными проемами, сохранился один единственный едва различимый фрагмент алебастрового рельефа. Хили вошел внутрь и попал в узкую комнату с крутыми сводами. Когда его глаза привыкли к ее тусклому освещению, он вдруг увидел множество лиц, пристально смотревших на него со стен и потолка. Через минуту изображения приобрели ясность очертаний и красок, слегка потускневших от времени. Его окружали процессии роскошно одетых жрецов и вождей, сопровождаемых воинами и слугами. Войдя в другую комнату, он обнаружил сцену столкновения двух враждебных армий — темнокожие воины смешались в пылу ожесточенного боя в одну кучу. Фигуры танцоров в странных, экзотических костюмах украшали стены третьей комнаты. Хили повезло. Он открыл замечательные фрески, густо покрывавшие стены трех внутренних помещений храма. Решение пришло мгновенно — надо вернуться сюда в полном снаряжении и сфотографировать эти великолепные росписи. Кроме того, нужно привести с собой специалистов, способных оценить археологическое значение находки. Хили не подозревал, что всего за четыре месяца до этого руины посетили два американских путешественника — Джон Бурн и Карл Фрей. Бурн снял даже подробные планы сохранившихся зданий. Но стена джунглей была настолько плотна, что полностью скрыла от них здание с роспи-

сями. На следующий год, зимой 1947 г., Хили во главе экспедиции, снаряженной «Юнайтед фрут компани», Институтом Карнеги и мексиканским правительством, вернулся к месту своей находки. Его сопровождали два опытных художника — специалисты по реставрации настенных росписей Антонио Техеда и Агустин Вилиягра Калети. Именно они стали осуществлять смелый проект детального и точного копирования фресок. Древний город, найденный Хили, получил название Бонампак, что означает на языке майя «красписные стены»⁶. Чтобы попасть в него, нужно было от аэродромов, расположенных по берегам реки Усумасинты в глухих селениях Эль Седро, Филадельфия или Теносике, совершить по опасным тропам путешествие на мулах в течение нескольких дней. Несмотря на то, что путь до города чрезвычайно труден, там побывало множество экспедиций. Их участники пытались проникнуть в самую глубь истории Бонампака и дать оценку его изумительным художественным произведениям. Искусство и археология всегда тесно связаны друг с другом. Но почти ни одно открытие не вызвало у историков искусства и археологов такого огромного обоюдного интереса, как в случае с Бонампакком.

Как ни странно, Бонампак представлял собой довольно незначительный город, один из многочисленных маленьких центров, которые существовали в долине Усумасинты между 400 и 900 гг. н. э. Их культура и политика зависели от соседних городов — Паленке, Яшчилана и Пьедрас Неграса. Художники Бонампака, вероятно, создавали свои произведения на базе технических приемов и традиций, господствовавших в этих крупных городах, особенно таких, как Яшчилан. Татьяна Проскуракова⁷ — выдающийся специалист по скульптуре майя — пишет, что Бонампак «был просто небольшим городком, находившимся в густо населенной области. Это был, по-видимому, своего рода „филиал“ более крупного центра — Яшчилана. Отпечаток яшчиланского стиля на изделиях художественного ремесла Бонампака виден совершенно отчетливо. А мастера, создавшие в течение многих поколений особый „бонампакский“ стиль, обучались, вероятно, в школах Яшчилана». Почему именно Бонампак украшен самыми выдающимися художественными произведениями того времени, мы скорее всего так никогда и не узнаем. К их числу относятся не только замечательные фрески города. Камен-

ные скульптуры Бонампака стоят в одном ряду с наиболее яркими образцами этого искусства, обнаруженными до сих пор на территории майя. Проскуракова считает, что огромная стела, найденная на главной площади города, — «один из крупнейших и прекраснейших монументов, которые когда-либо соорудили майя». Другие образцы каменной скульптуры Бонампака, хотя их и немного, не менее великолепны по замыслу и выполнению. А когда были наконец закончены фрески, уже и без того глубокое мастерство изобразительного искусства поднялось на недостижимую высоту.

Образцы доколумбовой живописи, сохранившиеся до наших дней, разбросаны по всей Мексике и Центральной Америке. Замысловатые росписи обнаружены на стенах гробниц в Монте Альбанае⁸ (штат Оахака) и в Теотихуакане⁹ (долина Мехико), а также на территории майя — в Вашактуне, Паленке, Чакмультуне и Тулуме. Великолепные фрески открыты в Храме Воинов и Храме Ягуаров в городе Чичен-Ице на Юкатане. Однако специалисты по искусству доколумбовой эпохи установили, что все эти находки радикально отличаются по своему характеру от фресок Бонампака. По словам Проскураковой, настенные росписи создавались обычно для того, чтобы выразить крайне абстрактный символизм, связанный с религией и мифологией.

В доколумбовом искусстве реализм, если не считать нескольких образчиков живописи майя (особенно замечательных фресок с изображением битвы из Чичен-Ицы), был фактически неизвестен. Проскуракова пишет: «Некоторые более примитивные культуры изображают жизнь реалистически и притом весьма успешно, изготавливая глиняные статуэтки. Но развитые стили религиозного искусства, перепруженные ритуальными символами, мало связаны с событиями повседневной жизни. Настенные росписи Теотихуакана, бесспорно, могли бы дать нам интересные сведения о внешних аспектах мексиканской религии, если бы мы умели читать их символы. Однако эти росписи, изображающие богов, мифологических чудовищ и людей в фантастическом окружении, почти не отражают реальную жизнь. Мы можем рассматривать их, как декоративный орнамент, и гадать об их истинном назначении. Помимо того, что они служили красочными орнаментами, главное их назначение — символизм». Камень менее по-

датлив как средство выражения, и это наложило на развитие скульптуры известные ограничения. Влияние формализма чувствуется здесь гораздо сильнее. Таким образом, великие традиции искусства, созданные доколумбовыми цивилизациями, предоставляют в распоряжение современных ученых лишь знаки и идеи, связанные с религией. В древней Америке искусство никогда не использовалось для передачи картин повседневной жизни — праздников, уличных сценок, охоты, индивидуальных портретов или переживаний обыкновенного человека. В силу этого фрески Бонампака позволяют совершенно по-новому взглянуть на достижения искусства майя: они давали в форме и цвете точный перевод конкретных событий. Здесь мы впервые сталкиваемся с художниками майя, которые добились больших успехов в реалистической манере живописи.

Различные стороны жизни майя: пышные процессии, ритуальные обряды, войны, избиение пленных, — представлены здесь живо и ярко, без всяких мистических символов или пышных декоративных узоров. По словам Сильвануса Морли, «некоторые фигуры на фресках Бонампака созданы с той степенью реализма, которой западноевропейское искусство достигло лишь несколько столетий спустя». Однако Татьяна Проскурякова предостерегает от слишком поспешных сравнений живописи майя с искусством Ренессанса. Художники майя, отмечает она, не были знакомы с перспективой, с тонкостями цветовой гаммы и иллюзией объемности, характерными для западного искусства начиная со средневековья. В искусстве майя встречаются лишь изображения людей и изображения символического характера. Фигуры людей всегда показаны строго в профиль. «Искусство майя, — пишет Проскурякова, — благодаря упору на ритмическую, выразительную линию и своим непосредственным, естественным взглядам на жизнь, приближается скорее к живописи Востока. Но если сравнить его с китайской живописью, то оно серьезно уступает ей из-за своего увлечения силуэтным рисунком и отрицания всех естественных форм, за исключением человеческой фигуры... Поэтому мы не найдем в живописи майя того удивительного мастерства, с которым китайцы превращают горы в гармонию ритма и передают малейшие движения складок одежды. Вполне возможно, однако, что эти упущения, столь характерные

для стиля майя, следует рассматривать не как недостатки, а как сдержанность средств выражения. Выразительность, которую они придавали простому силуэту, просто восхитительна...»

При реставрации и копировании фресок художники Техеда и Калети столкнулись с массой серьезных технических трудностей. Некоторые участки стен оказались полностью уничтоженными, а сохранившиеся росписи покрылись слоем извести — отложениями просочившейся внутрь воды. Очистить стены, не повредив при этом фресок, было невозможно. Начались поиски вещества, способного сделать известковые отложения прозрачными и выявить тем самым всю яркость лежащих под ними красок. После длительных опытов удалось установить, что желаемый эффект дает только керосин. Копируя фрески, художники попытались проследить последовательность их создания. Выяснилось, что сначала на белой поверхности штукатурки обозначались тонкой красной линией фигуры. Затем пустые пространства внутри рисунка заполнялись цветными красками, а фигурам придавались объемность и рельефность с помощью жирного черного контура. И Техеда, и Калети считали, что первоначальные силуэты наносились еще на мокрую штукатурку в соответствии с подлинно фресковой техникой. По мнению Калети, для заполнения краской пустых пространств рисунка применялись кисти из шерсти животных или перья, а для создания более точных деталей — кисти из шерсти кролика. Художники майя пользовались разнообразными минеральными красками. Голубая состояла из толченого байделита, красную и розовую делали из окиси железа, желтая изготовлялась из охры, темно-коричневая — из битума или асфальта, а черная — из угля. При смешивании в различных пропорциях голубой и желтой красок получалось множество оттенков зеленых тонов. Работая при свете факелов, на лестницах и лесах, художники Бонампака покрыли стены трех внутренних комнат храма изображениями роскошно одетых жрецов и сановников, музыкантов, воинов, пленников и танцоров в костюмах и масках, шествующих по нескольким, связанным между собой панно. Сами того не зная, они оставили археологам целое богатство — огромное количество неизвестных ранее сведений, таившихся в мельчайших деталях их произведений. Иероглифические надписи сообщают, что эти фрески

созданы примерно в конце VIII в. н. э. Интерпретация росписей Бонампак начиная с момента их открытия составляет уникальную область исследований. Здесь мы впервые встречаем бесценное отображение жизни и эпохи майя.

Археологи получили представление о музыкальных инструментах, костюмах и одежде, способах ведения войны, роли человеческих жертвоприношений и ритуалах древних майя. Объяснить общую последовательность событий, изображенных на фресках, оказалось необычайно трудно. Наконец, за эту нелегкую задачу взялся Эрик Томпсон¹⁰. Подобные реконструкции частично всегда основаны на предположениях, поскольку о значении многих деталей можно лишь гадать. Кроме того, целые куски росписей полностью уничтожены. Но даже при таких условиях они дали наглядное подтверждение существования многих черт культуры майя, ускользнувших ранее от археологов.

На стенах первой комнаты мы видим изображение величественной процессии царской фамилии, включая «халач винака»¹¹ в ритуальном наряде. Вокруг него танцоры, сопровождаемые слугами, надевают костюмы с украшениями из перьев птиц и кецаль. На нижнем панно — группа танцоров в масках и музыканты, несущие трещотки, барабаны, трубы и свистульки. На росписях южной, восточной и западной стен центральной комнаты показана сцена набега на вражеское селение. Орды воинов, тела которых ярко раскрашены, с безумной яростью бросаются на своих врагов. На северной стене изображены трофеи, захваченные в этом бою, а перед непобедимыми вождями майя стоят на коленях, ожидая решения своей участи, пленники. Они обречены на рабство или ритуальную казнь. На стенах последней комнаты показан заключительный акт этой драмы. Торжественный обряд достигает кульминации в тот момент, когда богам отдается самый драгоценный дар на земле — человеческая жизнь. Общий экстаз участников церемонии подчеркивается яркостью красок и динамичностью движений танцоров. Среди них находится мертвый пленник, которого слуги держат за руки и за ноги. Жрец хлещет его обмякшее тело каким-то предметом, напоминающим жезл.

Французский антрополог и дипломат Жак Сустель¹² недавно писал: «Бонампак — своеобразная энциклопедия

в картинках, рассказывающая о жизни города майя в VIII в. н. э. Этот город как бы вновь оживает со своими обрядами и процессиями, чопорными, важными сановниками в пышных головных уборах из перьев и воинами, одетыми в шкуры ягуаров. Яркие празднества и сражения соседствуют с мирными привычными картинами повседневной жизни. Перед нами вся структура общества майя — женщины, дети, слуги, музыканты, военачальники, умирающие пленники и танцоры в масках. И все это затерялось сегодня в глубинах дремучих джунглей американского континента. Лишь наивные люди могут применить термин „примитивизм“ к искусству, которое прошло многовековой путь развития, прежде чем достигло своего апогея».

Художники Бонампака лихорадочно трудились над тем, чтобы отобразить все богатство своей эпохи. Внутри же империи майя события принимали зловещий характер. Проскуракова пишет о смутном предчувствии, которое охватило художников Бонампака: «Насколько нам известно, это последняя блестящая глава в истории цивилизации майя. Мы видим ее в Бонампаке в полном расцвете, во всем ее варварском великолепии и религиозной изоциренности. Спокойному, сдержанному стилю майя чужды эмоциональность и драматизм фресок Бонампака. Быть может, в этом душевном смятении мастеров майя и таятся смутные предчувствия надвигающегося кризиса? К сожалению, эти росписи пока что явление единичное...»

Наступил 800 г. н. э. В десятках городов, разбросанных по горам Гватемалы и джунглям Петена и Усумасинты, жизнь текла по-прежнему. Но майя находились уже на краю пропасти. Их великолепные города-государства доживали последние дни.

ЗАГАДКА ИСЧЕЗНУВШЕЙ ИМПЕРИИ

Несмотря на то, что многое в культуре майя остается нам неизвестным, археологи добились уже больших успехов в изучении основных ступеней ее развития. Им удалось установить эволюцию различных форм культуры майя, начиная с глубокой древности. Специфические стили искусства и архитектуры были «привязаны» к определенным географическим пунктам и хронологическим периодам. Ученые восстановили многие черты повседневной жизни майя и характер той эпохи в целом. Но самое главное — удалось расшифровать и сравнить между собой календарные иероглифические надписи по меньшей мере из 60 различных городов.

Однако скоро ученые убедились, что добытые с таким трудом сведения о происхождении погибших цивилизаций отнюдь не уменьшают число нерешенных проблем. Цивилизация майя была наиболее трудной загадкой из тех, с которыми археологи сталкивались до сих пор.

К концу VIII в. н. э. майя достигли наивысшей ступени интеллектуального и эстетического развития. На территории их империи процветало около 20 крупных религиозных центров и десятки небольших городов. Майя продолжали лихорадочно совершенствовать свои достижения в области религии и искусства. К тому времени жречество превратилось уже в могущественную силу и обладало почти абсолютной властью в стране.

Каждый раз, когда сооружалось новое здание или монумент, в иероглифических текстах, высеченных на них, неизменно указывалась точная дата этого события. Так было всегда. Поэтому в цепочке прочитанных календар-

ных надписей, начиная с древнейшей стелы из Вашактуна до VIII в. н. э., т. е. до апогея в развитии культуры майя, нет отсутствующих звеньев И на этом она обрывается. В течение IX в. на всей обширной территории майя сооружение датированных стел прекратилось. Это произошло внезапно и без всяких видимых причин. Во всяком случае их не удалось обнаружить при археологических раскопках. Огромная цветущая империя вдруг погибла, словно в результате акта сознательного самоуничтожения. Прекратились научные изыскания. Исчезла сложная религия — основа роста культуры майя. Даже счет времени, от которого зависели поступки и события, утратил свое значение. Как это ни странно, майя покинули свои священные города, бросив их на произвол судьбы. Храмы опустели. На священных алтарях не воскуривался больше душистый копал. На широких площадях умолкло эхо человеческих голосов. Города остались нетронутыми — без следов разрушений или перестроек, как будто их обитатели собирались вскоре вернуться. Но они не вернулись. Города окутало безмолвие, которое никогда и никем больше не нарушалось. Дворы заросли травой. Лианы и корни деревьев проникли в дверные проемы, разрушая каменные стены пирамид и храмов. За одно лишь столетие заброшенные города майя оказались вновь поглощенными джунглями. То, что могучая империя, находившаяся в зените своей славы, была полностью покинута жителями, — беспрецедентный случай в истории¹. Как сказал однажды Стефенс, «она (империя.— В. Г.) превратилась в плакальщицу, скорбящую о переменах в мире».

Ученые ломали себе голову, пытаясь удовлетворительно объяснить причины столь грандиозной катастрофы: огромная географическая область, населенная наиболее энергичным и высокоразвитым народом Центральной Америки, пришла в запустение, а ее города за одно столетие превратились в развалины. Корни этих событий следовало искать в конкретных исторических фактах. Но для того чтобы проследить эти факты, нужно было в свою очередь найти путеводную нить, какой бы ненадежной, на первый взгляд, она ни казалась.

В эпоху наивысшего расцвета майя — с V в. н. э. — и позднее в районах, расположенных южнее и севернее их изолированного царства, тоже развивались высокие цивилизации.

В штатах Чиapas и Табаско проходила граница земель майя и различных племен континентальной Мексики. Между майя и их соседями постепенно установились торговые связи. Раскопки показали, что предметы центрально-мексиканского происхождения появляются у майя, особенно в южной части горных районов, еще в глубокой древности. Может быть, процветающая империя майя возбудила чувство жадности и у победоносных армий воинственных племен Мексики? Сумели ли они захватить и разграбить великолепные майяские города? Такая возможность вполне допустима. Но археологические находки не подтверждают этого². Руины городов майя не несут следов военных разрушений. Там нет разбитых таранами стен, разбросанного по улицам и дворам оружия, изуродованных останков воинов, сцепившихся в смертельной схватке, т. е. следов иноземного нашествия, которое могло заставить испуганных жителей бежать из городов в страхе за свою жизнь. В грудах земли, перекопанной археологами, не нашлось никаких следов подобных событий. Для того чтобы разгадать эту беспрецедентную загадку, исследователи американской доистории выдвинули множество разнообразных теорий. Высказывались предположения, что область майя затопили непрерывные тропические ливни, вызванные изменениями климатических условий, или что землетрясения разрушили до основания некоторые их города, заставив население других покинуть свои дома из боязни, что эта катастрофа может повториться.

Еще одной причиной внезапного бегства майя считают эпидемии желтой лихорадки и малярии. Но ни одно из объяснений, основанных на гипотетических рассуждениях, не подтверждается археологическими находками. Судьбу майя по-прежнему окутывает тайна. И ученые вынуждены искать другой ответ на поставленный вопрос. Сильванус Морли — один из главных специалистов по культуре майя в первой половине XX в. — потратил на изучение этой важной проблемы много сил и времени. Поскольку упадок Древнего царства не удалось объяснить ни внешними нападениями, ни природными катастрофами, Морли стал искать причину в рамках самой культуры майя — разложение общества, гражданская война или экономическое банкротство. Но почему же произошел внезапный внутренний кризис, который имел столь далеко идущие по-

следствия? Для Морли и ряда его коллег ответ был связан с теорией «истощения земли». Они считали, что необычайно примитивная система земледелия майя не могла обеспечить пищей растущее население. В своей книге «Древние майя» Морли пишет: «Непрерывное уничтожение леса для использования расчищенной площади под посевы кукурузы постепенно превратило девственные джунгли в искусственные саванны, поросшие высокой травой. Когда этот процесс закончился и вековой тропический лес был почти целиком сведен и заменен искусственно созданными лугами, земледелие, в том виде, как оно практиковалось у древних майя, пришло в упадок, поскольку у них не имелось никаких земледельческих орудий — мотыг, кирок, борон, заступов, лопат и плугов. Замена девственного леса саваннами, созданными руками человека, осуществлялась очень медленно, вызывая в конце концов упадок тех городов, в которых она достигла критического состояния. Это происходило не одновременно и в разных местах по-разному в зависимости от различных причин, таких, как численность населения, длительность пользования землей и общее плодородие прилегающих областей. В этом крахе, бесспорно, сыграли свою роль и другие неблагоприятные факторы, следующие обычно по пятам за голодом, — народные восстания, кризис власти и религиозные ереси. Однако весьма вероятно, что именно это экономическое банкротство и явилось главной причиной гибели Древнего царства майя».

Если гипотеза Морли соответствует истине, то цивилизация майя, для которой характерна поразительная изобретательность в других областях культуры, потерпела крах и распалась из-за отсутствия некоторых земледельческих орудий, изобретенных на самых примитивных ступенях развития земледелия у иных народов древнего мира. По иронии судьбы причиной гибели империи майя стали не чума, не катастрофические землетрясения или нападение извне, а бескрайние травянистые равнины. Эта теория вполне правдоподобна — примитивные заостренные палки майяских земледельцев не могли оказать сопротивления натиску саванн, поглотивших их поля, а бесконечные поиски новых участков уводили их все дальше и дальше от городов. Вслед за ними и остальное население вынуждено было покинуть города и переселяться в отдаленные районы. Но действительно ли майя исто-

щили свои обширные резервы невозделанных земель? Многие ученые, ссылаясь на новые материалы, не соглашались с этим выводом. Так, например, известный американский археолог А. В. Киддер³ установил, что в долине реки Мотагуа (Гондурас), некогда плотно населенной майя, почва ежегодно обновлялась во время паводков. Следовательно, эти земли можно было возделывать постоянно. Что касается других районов майя, где нет столь очевидного процесса восстановления плодородия почвы, например в Петене, то Эрик Томпсон заметил, что пустующие земли немедленно зарастали там лесом, а не травами. Едва ли истощение земли на всей огромной и разнообразной по природным условиям территории майя могло вызвать внезапную гибель всех их городов. И притом за одно лишь столетие! Киддер подчеркивает, что в начале классического периода Петен был населен так же плотно, как и в IX в. н. э., и тем не менее его обитатели процветали без каких-либо признаков хозяйственного упадка примерно шесть столетий. Судя по ряду признаков, запустение городов произошло почти мгновенно. Вряд ли его могло вызвать постепенное истощение полей. Причина этой катастрофы — иная. Исчезновение стел с календарными надписями говорит о том, что процесс бегства из городов начался еще в 800 г. н. э. Вскоре после этого джунгли поглотили Копан, и Стефенсу пришлось отвоевывать у них прежнее великолепие города. Постепенно упадок распространился на центральную равнинную область, а в начале X в. охватил и густо населенные города северного Юкатана. Вслед за этим пришли в упадок и основные достижения культуры майя.

В настоящее время археологи приступили к изучению необычайно важных проблем. Они фактически предприняли грандиозное хирургическое вскрытие целой цивилизации, чтобы найти причину ее гибели. Как неизбежно бывает в таких случаях, открытие неизвестных ранее фактов дает новые возможности для научных гипотез. На берегу реки Усумасинты, под покровом зеленых джунглей, лежит древний город Пьедрас Неграс. В его руинах найдено множество скульптурных монументов, которые считаются прекрасными образцами искусства майя. К их числу относится и великолепная резная платформа — «трон» для жрецов высокого ранга. Судя по всему, «трон» был умышленно разбит. Но когда это произошло — установить не удалось.

В другой части Пьедрас Неграса обнаружили еще один шедевр майяского искусства — настенный рельеф с изображением верховного жреца, возглавляющего заседание совета жрецов. И снова его разрушение нельзя логично объяснить естественными причинами — головы каждой из пятнадцати фигур отбиты, и на их месте остались лишь острые изломы камня. При раскопках Тикаля экспедиция музея Пенсильванского университета обнаружила несколько стел с признаками умышленных повреждений лица у главной фигуры, повреждений, которые очень напоминали порчу монументов в Пьедрас Неграсе.

Стела 26 из Тикаля — превосходный образец скульптуры майя — оказалась разбитой и брошенной вверх ногами в кучу каменных обломков. Судя по ряду косвенных признаков, разрушение стел в Тикале произошло до того, как город покинули жители. Значение подобных фактов трудно переоценить. Ведь умышленно уничтожались предметы, тесно связанные с многовековыми религиозными обрядами; предметы, которые бережно хранились ранее как реликвии веры. Не говорит ли это о народных восстаниях против жрецов, по приказу которых сооружались все эти монументы? А если вспомнить, что города майя были в основном религиозными центрами, где находились храмы и жилища жрецов, то упомянутые факты вполне можно рассматривать как доказательства восстаний земледельцев против власти духовенства. Этим же объясняется запустение святилищ и резкое падение их популярности в народе. Число сторонников этой гипотезы непрерывно растет. Археологи считают ее ключом к тем драматическим событиям, которые возвестили о закате Древнего царства майя. Альден Мэсон ⁴ говорит в бюллетене музея Пенсильванского университета, что наиболее вероятное объяснение этой загадки нужно искать «там же, где и причину падения поздних городов майя на Юкатане и большинства великих цивилизаций древности в Старом Свете — в войнах и внутренних раздорах. Народ, не выдержав гнета жрецов с их бесконечными требованиями строительства новых храмов и соблюдения ритуалов, восстал. Во всяком случае археологические находки из Пьедрас Неграса доказывают, что предметы религиозного культа были там умышленно повреждены, монументы обезображены, а сам ритуальный центр — покинут» ⁵. По мере проверки этой гипотезы выяснилось, что не только майя, но и другие культуры Мексики

стали, по-видимому, жертвой аналогичных внутренних волнений. Сапотеки из Оахаки и обитатели Теотихуакана из долины Мехико переживали упадок примерно в то же время, что и майя. И каждый раз причиной такого упадка была внутренняя слабость этих обществ, вызванная деспотизмом правящей верхушки жрецов.

Это направление исследований заслуживает самого пристального внимания. В своем недавнем обзоре книги Морли «Древние майя» Джордж Брейнерд⁶ писал: «Упадок культуры майя, как и одновременное падение всех других классических цивилизаций Нового Света, вызван одними и теми же историческими причинами. Мы знаем, что народы, разбросанные на огромных пространствах Америки, создали в доиспанскую эпоху сходные системы управления во главе с жрецами. Поэтому нет ничего невероятного в том, что им одновременно надоел подобный образ жизни. Низшие классы восстали, и слух об этом быстро распространился в другие области. Такой резкий переворот вполне мог быть совершен и благодаря появлению новой философии. Какова бы ни была причина падения жрецов майя, этот крах оказался поразительно полным».

Эрик Томпсон — один из первых ученых, оценивших значение этих гипотез, — в своей книге «Возникновение и гибель цивилизации майя» тщательно исследует важную проблему о том, как и почему рухнула власть жрецов.

По его мнению, таинственная религия жрецов постепенно утратила свою привлекательность в глазах угнетенных масс. Да и какую ценность имели тогда для человека из низов такие абстрактные науки, как математика и астрономия, потерявшие уже всякую связь с простыми богами земли и неба? Эти священные знания ревниво охранялись от народа и являлись слишком сложными для его понимания. Слишком долго находились массы в состоянии рабства, слишком непосильным казалось бремя труда, требовавшегося для сооружения храмов и обработки полей, труда, необходимого для содержания касты жрецов. И уж слишком явными были уловки, с помощью которых жрецы плели кабалистическую паутину своего духовного господства — систему наказаний и поощрений, призванную внушить народу строгое послушание и священный трепет.

Но так было не всегда. Жречество возникло на основе развитой религии в процессе отчаянных поисков причин таинственных явлений. А на этой основе в свою очередь возникли догматы религии. Жрецы вели наблюдения за небесами, измеряли продолжительность времен года и устанавливали ритуальные обряды, которые совершались публично и уменьшали тем самым всеобщий страх перед тайнами природы. Жрецы сумели продемонстрировать свою способность обеспечивать продолжение круговорота жизни. Перед лицом подобной силы массы земледельцев падали ниц до тех пор, пока во мраке деспотизма и упадка не появился какой-то проблеск и не родился боевой призыв к восстанию. И вскоре народ, поддержанный, вероятно, воинами, тоже утратившими веру в могущество правителей, сверг власть жрецов⁷. Изгнали их или уничтожили всех до единого, мы так никогда и не узнаем. Но города — сохранившиеся символы их царствования — с этого момента оказались покинутыми и превратились в руины. На всем протяжении истории народ, восставший против гнета господ, — довольно распространенное явление. Если принять во внимание неповторимое своеобразие социальной и религиозной структуры майя, то упомянутый выше факт вполне можно считать причиной падения майяских городов-государств. До последнего времени ни один из исследователей майя не настаивал на безоговорочном признании какой-нибудь одной причины гибели цивилизации классического периода. Существующие данные слишком фрагментарны для этого. Пока огромные районы Чиапаса и Юкатана, где в основном происходили рассматриваемые события, не подверглись еще интенсивным археологическим раскопкам, нельзя делать сколько-нибудь категорических выводов. Вполне возможно, что в основе этой загадки лежит целый комплекс причин.

По мнению Морли, крах земледелия в одной или двух крупных областях легко мог вызвать рост недоверия к жречеству и в других местах. Это глухое недовольство нашло затем выход в восстаниях, мятежах и волнениях.

Если дело обстояло именно так, то гипотеза об «истощении земли» и более поздние предположения о причинах гражданских войн должны совпадать друг с другом, как совпадают причина и следствие. Но пока это только предположение. Последняя календарная надпись, найденная

до сих пор в городах классического периода, относится к первой четверти X в. К тому времени обширная империя майя была уже полностью поглощена джунглями.

«Век эстетики» для майя кончился навсегда. Они никогда больше не достигнут тех интеллектуальных высот, на которых находились почти тысячу лет. Но история майя на этом не кончается. В ней наступает лишь важный поворотный пункт, начало новой эры — перемещение центра культурного развития с юга на север. Шесть столетий, которые отделяют момент падения Древнего царства от Конкисты, насыщены непрерывными восстаниями недовольных необоснованными жестокостями и политическими интригами.

**ЧИЧЕН-ИЦА —
ОБИТЕЛЬ БОГОВ ВОЙНЫ**

Что же все-таки произошло с древнейшим центром культуры майя? Продолжал ли он угасать среди других гибнущих городов? Или же наследники блестящей цивилизации стали жертвами упадка и погрузились в интеллектуальную спячку, что со временем низвело их до состояния, близкого к дикости? Так оно и случилось в Гватемале, Гондурасе и в густых лесах внутренней части Чиапаса. Однако на севере полуострова Юкатан картина оказалась несколько иной. Своеобразие развалин, найденных там, позволяет предполагать, что остатки цивилизации майя сохранялись на Юкатане еще какое-то время в сумерках своего былого величия. Повсюду на территории современных мексиканских штатов Кампече, Кинтана Роо и Юкатан разбросаны живописные руины. Они упоминаются в хрониках конкистадоров. Под сенью этих руин солдаты Франсиско де Монтехо сражались с ордами индейцев. То, что разрушенные города принадлежали майя, ни у кого не вызывало сомнения. Однако ученые не знали, к какому именно периоду центрально-американской истории их можно отнести. До недавнего времени археологи считали, что расцвет городов Юкатана начинается сразу же после упадка Древнего царства майя. Предполагалось, что эти центры были заселены еще в V в. н. э. переселенцами с юга, которые продвигались в северном направлении двумя различными путями. На восточном побережье полуострова имело место «малое переселение». В нем принимали участие бывшие жители Петена, которым удалось проникнуть в северо-восточную часть Юкатана. «Великое переселение» охватило племена долины реки Усумасинты и южных горных районов. Эти

племена пересекли весь полуостров вдоль его западного побережья и достигли области Пуук (равнинная местность с низкими холмами, поросшими кустарником). Они основали там множество небольших селений. После окончательной гибели Древнего царства его уцелевшие обитатели (вынужденные странствия привели их в конце концов на север Юкатана) передали этим отдаленным провинциям высокие достижения своей блестящей культуры. По мнению ученых, именно здесь, на Юкатане, произошло между X и XIII столетиями возрождение цивилизации майя. Этот «ренессанс» достиг своего апогея с расцветом пышных ритуальных центров, построенных по образцу грандиозных городов, покинутых в свое время на юге. Они родились почти одновременно. И крупнейшими среди них были Ушмаль, Кабах, Сайиль, Лабна, Исамаль и Чичен-Ица. Их, как и все остальные города Юкатана, создали искусные руки пришельцев с юга. При новом режиме жизнь вернулась постепенно в старое русло. Жречество вновь установило свое духовное влияние. Знать захватила в свои руки светскую власть. А народ опять принялся за работу по возведению зданий и за расчистку земли под посевы. Так возникло Новое царство майя, просуществовавшее почти до испанского завоевания.

Долгое время эта гипотеза казалась весьма правдоподобной. Север Юкатана был тогда почти не исследован археологически. Керамическая стратиграфия, которую часто используют для определения культурных связей, не была еще достаточно разработана. Обнаруженные здесь монументы с календарными датами не давали полной картины хронологической последовательности событий. Однако различия между городами севера и городами Древнего царства выступали вполне отчетливо. Поэтому большинство ученых решило, что города Юкатана основаны после того, как цивилизация майя полностью отошла от своих древних традиций. Казалось, что эту гипотезу подтверждает и еще один факт. В индейских хрониках, созданных уже после Конкисты, постоянно упоминаются названия различных городов Юкатана. В каждой из них эти названия связаны с важными историческими событиями. Например, в книгах Чилам Балам часто встречаются ссылки на Чичен-Ицу, Ушмаль и еще один крупный центр — Майяпан. Документы, составленные туземными летописцами или испанскими хронистами, освещают роль этих городов нака-

нуне испанского завоевания. Хотя к моменту прихода испанцев эти города были уже покинуты, память о событиях, происходивших в них, все еще сохранялась в преданиях местных индейских племен. Что касается более древних городов классического периода, которые к тому времени лежали уже в руинах, то они вообще не упоминаются в исторических документах. На первый взгляд, предположение о том, что Чичен-Ица, Ушмаль и другие города северного Юкатана символизируют возрождение культуры майя, казалось вполне оправданным. Эта новая культура была создана искусными руками переселенцев из Древнего царства, что подтверждалось как будто и археологическими, и письменными источниками. В силу этого данная гипотеза получила широкое признание, а термин «Новое царство» прочно утвердился в научной литературе как синоним эпохи возрождения майя, начавшейся после переселения из южных районов.

Но предшествующий опыт неоднократно показывал уязвимость голого теоретизирования при реконструкции древних культур. И памятники Древнего царства не представляют собой исключения из этого правила. Исследования последних лет заставили почти полностью пересмотреть историю Юкатана. По мере углубления наших знаний о календарных надписях из северной области выяснилось, что многие их даты относятся к V—X вв. н. э. На притоке из города Опкинток (запад полуострова) обнаружена иероглифическая надпись с датой — 475 г. н. э. В Куба — большом разрушенном городе в Кинтана-Роо — найдено пять стел с датами от 623 по 652 г. н. э. В одном из храмов Чичен-Ицы есть надпись, соответствующая 879 г. н. э. Примечательно, что эти календарные даты относятся ко второй половине классического периода. Следовательно, города Юкатана, значительно удаленные от предполагаемых центров классической культуры, основаны задолго до гибели Древнего царства и переселения его обитателей на север. Можно ли считать, что эти северные центры были во время расцвета Древнего царства лишь далекими провинциями? Или и те, и другие развивались одновременно? Столь противоречивые сведения заставили ученых подвергнуть старую гипотезу тщательному критическому разбору.

В археологии особенно важную роль играет керамика. Часто отдельные культуры и хронологическая последова-

тельность внутри этих культур характеризуются особыми типами керамики. С помощью орнамента, состава глины и техники изготовления обломки древней глиняной посуды удается иногда привязать к определенным местностям и периодам. Последующие раскопки на севере Юкатана позволили обнаружить один любопытный факт — найденная керамика имела поразительное сходство с глиняной посудой классической культуры майя, с керамикой этапов «Цаколь» и «Тепеу». Для первого из этих этапов, более раннего, характерны сосуды цилиндрической формы на трех ножках, украшенные главным образом геометрическим орнаментом или простыми фигурами, нарисованными красками различных цветов.

Второй этап — «Тепеу» — время наивысшего расцвета керамического искусства майя. Сосуды — цилиндры, овальные кувшины и тонкие чаши — украшены изысканными полихромными росписями, включая изображения человеческих фигур и иероглифических знаков. Археологи извлекли из глубины культурного слоя и из-под полов зданий различных городов северного Юкатана множество великолепных образцов керамики, которые тесно связаны с характерными керамическими стилями классического периода. Изучение архитектуры северной части полуострова в известной мере подтверждает периодизацию, основанную на изучении керамики. Первоначально значительные различия архитектурных стилей этой области и района Петена — Усумасинты были использованы как дополнительное доказательство того, что города Древнего царства гораздо старше юкатанских по возрасту и по праву занимают выдающееся место в культуре классического периода.

Северные города не в пример более ранним памятникам имеют довольно хаотичную планировку. Ступенчатые пирамиды встречаются здесь гораздо реже, а сравнительно простое внешнее оформление зданий заменяется пышным орнаментированием фасадов, которые покрываются невероятно сложными геометрическими фигурами из резных каменных плиток.

Этот своеобразный вид орнамента особенно распространен в области Пуук, в северо-западной части Юкатана. Наиболее выдающийся археологический памятник области Ушмаль — яркий пример такой вычурной архитектурной орнаментики. Создатели этого пышного стиля,

напоминающего рококо, добились изумительного изящества пропорций. Основное здание Ушмалья, так называемый Дворец Губернаторов, представляет собой удлиненный храм, возвышающийся на плоской вершине «акрополя» со ступенчатыми склонами. Стефенс несколько не преувеличивал, говоря: «В его планировке нет ни грана примитивизма. Напротив, весь ансамбль отличается гармоничностью и величию архитектуры. Если бы в наши дни он стоял на вершине своей грандиозной искусственной террасы в Гайд-парке или в саду Тюильри, то он был бы воплощением нового своеобразного искусства, достойного занять место в одном ряду с памятниками египетского, греческого и римского искусства». По мере углубления наших знаний об архитектуре Юкатана появлялось все больше данных, говорящих о том, что северные города не уступают по возрасту памятникам Петена и долины Усумасинты. Было замечено, например, что многие города, расположенные непосредственно к северу от Петена, очень рано создали свои особые архитектурные стили. В областях Рио Бек и Ченес, находившихся примерно в центре Юкатана, в течение 500—900 гг. н. э. возникают новые архитектурные школы. Характерная черта стилей, процветавших в областях Рио Бек и Ченес, состоит в том, что здания здесь украшались массивными масками из штукатурки, декоративными башенками, включенными в фасад, а дверные проемы имели вид разинутой змеиной пасти. Этих черт не встретишь в Тикале, Копане или Паленке, т. е. в самом сердце Древнего царства майя. Но города Рио Бек и Ченес существовали, несомненно, в ту же эпоху, что и названные центры. Почему же тогда нельзя допустить, что памятники северного Юкатана — это еще один особый стиль архитектуры, существовавший параллельно с классическими стилями в других местах?

Все данные — календарные надписи, керамические периодизации и тщательный анализ архитектурных стилей — заставили отказаться от прежней теории о так называемом Новом царстве.

Старое мнение, что крупные центры на севере полуострова были в 400—900 гг. н. э. лишь второстепенными провинциями, оказалось ошибочным. Такие города, как Ушмаль, Лабна, Коба и Чичен-Ица, переживали свой расцвет примерно в то же время, что и Копан, Тикаль, Яшчилан и Паленке. Их искусство, архитектура и другие

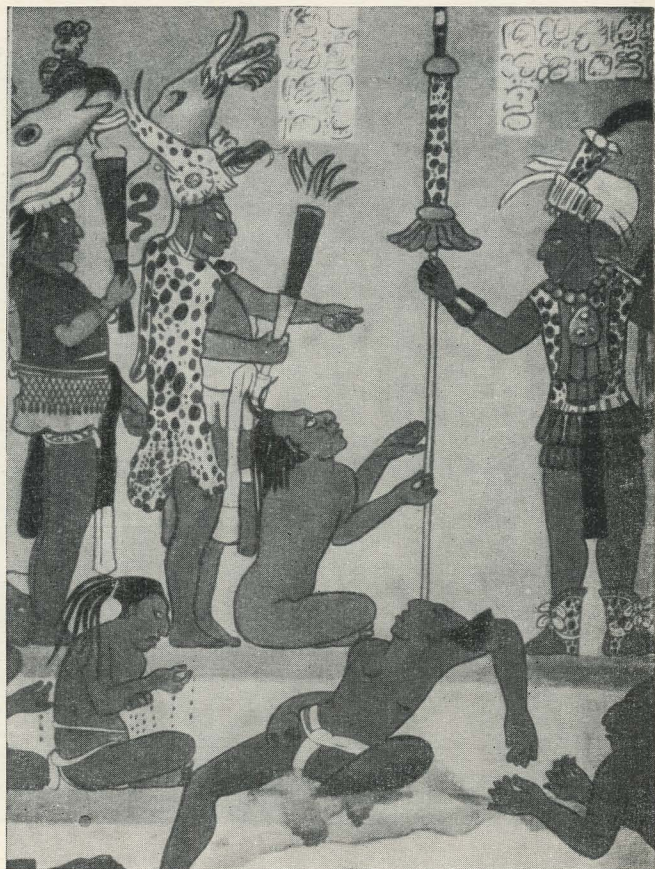
виды культуры основывались на общих принципах, но развивались в разных направлениях. Таким образом, эти величественные юкатанские города нельзя считать жемчужинами «ренессанса», созданными руками колонистов из Древнего царства. В действительности дело обстоит иначе. Когда над южными областями разразилась катастрофа, когда их пышные ритуальные центры были поглощены джунглями, северные города тоже пришли в упадок и были отданы во власть колючих кустарников и травы. В городе Цибанче, на восточном побережье полуострова, найдено нефритовое ожерелье, на котором выгравирована самая поздняя для этого района календарная надпись — 909 г. н. э. Она приближается к самым поздним датам классического периода майя.

Конечно, переселенцы с юга вполне могли добраться до северного Юкатана, когда их города стали приходить в упадок. Но несчастья преследовали их и здесь — катастрофа распространялась постепенно и на другие области!

До этого момента, т. е. до тех пор, пока все города-государства не пришли в упадок, культура майя развивалась по своим внутренним законам. Ее яркий расцвет и последующий закат были вызваны внутренними причинами, а не влияниями извне. Однако сейчас, в пору духовного смятения и неразберихи, положение изменилось. На фоне общего культурного застоя, социальных волнений и глубокого разочарования, которые пришли на смену былому спокойствию, появилась новая грозная сила. Она направила политическую и духовную жизнь майя совершенно в иное русло. Она обрушилась на них внезапно. Но именно в ней некогда могущественная цивилизация майя нашла свое временное возрождение. Это была зрелая, могучая сила таинственного происхождения. Откуда она? Может быть, эти чуждые влияния родились за пределами империи майя, большая часть которой превратилась к тому времени в безлюдную пустыню? Может быть, их принесли с собой выходцы из отдаленных мест? Или же эти новые веяния возникли на основе древних традиций, претерпевших резкие изменения благодаря разочарованию народа? Посмотрим, что говорят об этом археологи.

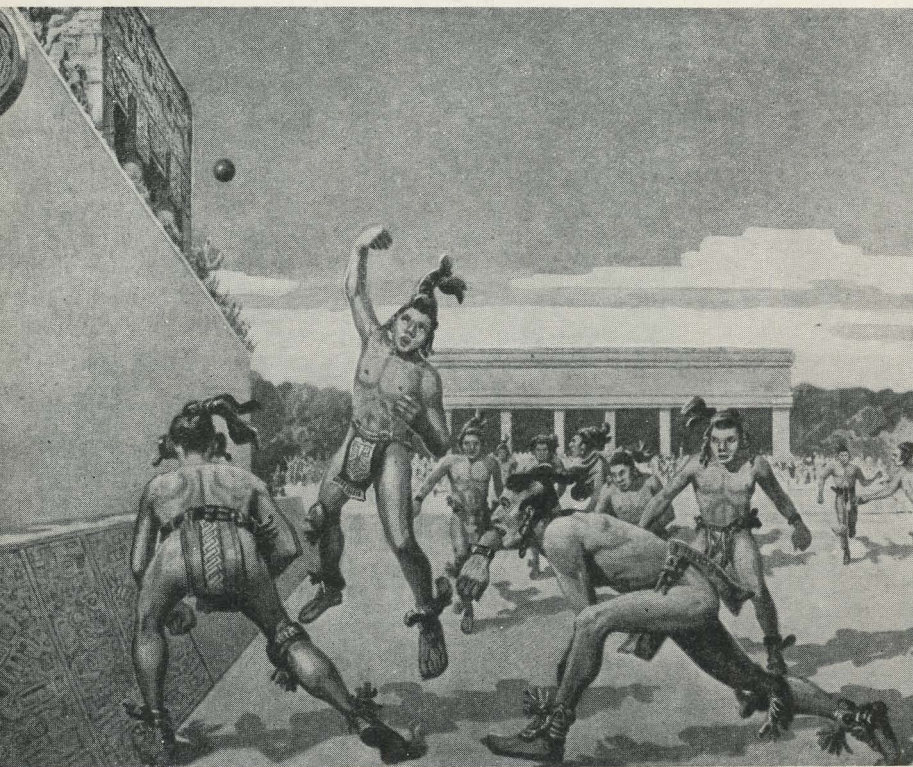
Долгое время Чичен-Ица — огромный, лежащий в руинах город, в 70 милях к востоку от Мерида, на Юкатане, — был загадкой для археологов. О нем знали еще со времен

Конкисты, но ученые не пытались исследовать его массивные постройки вплоть до 1924 г., когда Институт Карнеги начал там осуществлять свою программу раскопок и реконструкций. Руины Чичен-Ицы представляют собой любопытный парадокс — больше половины зданий города коренным образом отличается от зданий майя. Планировка и скульптурные украшения этих «лжемайяских» построек отражают влияние чуждых для майя элементов культуры. Причем эти чуждые влияния оставили в городе отчетливые следы своего присутствия. На колоннах и стенах одного из храмов были высечены десятки необычных мотивов — фигуры воинов в доспехах из стеганной хлопчатобумажной ткани, с копьями и щитами. Все в одежде и характере этих фигур не соответствует традиционным изображениям воинов майя. Кроме этих скульптур, в Чичен-Ице найдено несколько новых типов построек. Одна из них представляет собой совершенно круглое здание, известное под названием Караколь (улитка). Ученые предполагают, что в этом здании находилась астрономическая обсерватория. Другие постройки города имели длинные ряды колонн. А большой открытый участок, окруженный колоннами, служил, по-видимому, рынком. Столь же необычны массивные колонны по бокам дверных проемов и лестниц, украшенные скульптурами змей, а также длинные ряды настенных рельефов с изображениями грифов, держащих в когтях человеческие сердца, и ягуаров, приготовившихся к прыжку. Близ главной площади города находилось несколько каменных «монолитов» — мужских фигур, лежащих на спине, с поднятыми вверх коленями и головой, так называемых Чакмоолов — божеств, связанных с культом воды. На животе у них высечены чашевидные углубления для крови жертв. Там, где была когда-то широкая городская площадь, заметны остатки каменной Т-образной платформы, украшенной длинными рядами каменных человеческих черепов. До сих пор подобные постройки на территории майя не встречались ни разу. Но севернее, на центрально-мексиканском плоскогорье, такие платформы имеются сразу в нескольких древних городах. Берналь Диас сообщает в своем повествовании о Конкисте, что он видел почти такую же постройку в столице ацтеков — городе Теночтитлане. Она называлась «цомпантли» и имела на внешней стене углубления, в которых выставлялись для всеобщего обозрения черепа принесенных в

Фрагмент настенной росписи со сценой
жертвоприношения. Бонампак

Индийская ритуальная игра в мяч. Рисунок современного американского художника Х. Херджета

жертву людей. Но, как известно. «цомпантли» — чисто мексиканский обряд. Поэтому появление его на северном Юкатане ученые встретили с особым интересом.

И действительно, все эти несвойственные искусству майя черты присущи аналогичным находкам, сделанным археологами среди древних руин долины Мехико и соседних с ней областей. Наличию их в Чичен-Ице можно дать лишь одно объяснение: они — неизгладимый след иностранного вторжения. Наиболее воинственные и кровавые племена Мексики сломали сопротивление жигелей города и насадили там ростки совершенно иной культуры. На одной из фресок Храма Ягуаров изображена сцена битвы между майя — защитниками города — и ордами воинов, одежда и оружие которые напоминают изображения на застывших каменных фигурах, найденных в зданиях Чичен-Ицы.

Здесь впервые за всю историю искусства майя они показаны побежденными.

Сейчас загадка Чичен-Ицы начинает постепенно проясняться. Различные туземные хроники, написанные уже после прихода испанцев, сообщают о той большой роли, которую сыграло в течение последних столетий истории майя таинственное племя ицев. Из книг Чилам Балам нам известны подробные описания этих чужеземцев и той великолепной столицы, которую они основали в Чичен-Ице после своего прибытия из Мексики на Юкатан. История епископа Ланды также содержит яркое описание появления ицев, основанное на сообщениях индейцев. Кроме того, в этих исторических документах говорится о том, что ицы первоначально пришли из далекого Толлана и что создателями этого города были тольтеки.

Хроники рассказывают, как ицы в поисках новых земель отправились из Мексики в Веракрус. Там они разделились на две группы. одна двинулась в горную Гватемалу, а другая, более крупная, — вдоль восточного побережья Мексики и в конце концов попала на Юкатан.

Так как ицы прибыли туда в тот момент, когда майя переживали смутную пору раздоров и усобиц, они не встретили серьезного отпора. Запутавшись в своих внутренних проблемах, майя, бессильные оказать длительное сопротивление ицам, были вынуждены фактически принять новые законы и религию. К началу XI столетия пришельцы захватили уже всю страну.

Но что это за легендарный город Толлан и его загадочные жители — тольтеки? Существуют ли вообще археологические данные, которые способны доказать, что указанные предания основаны на исторических фактах?

Мифы о древнем Толлане известны не только на Юкатане. Ученые долго ломали голову над различными их вариантами, которые оставили историки XVI в. Но установить достоверность последних так и не удалось. Францисканский монах Бернардино де Саагун, вероятно, первый хронист, который упомянул о Толлане в своей монументальной работе «Общая история вещей в Новой Испании». После завоевания Мексики Саагун в течение 60 лет собирал сведения о языке, обычаях и мифологии ацтеков. Он написал свою рукопись на двух языках — на испанском и на местном диалекте языка нагуа. С той же одержимостью, с какой епископ Ланда занимался исследованием индейцев Юкатана, Саагун изучал ацтеков. Он расспрашивал их о каждой детали ацтекской истории и верований. Его информаторы упорно настаивали на том, что все основные достижения их культуры — искусство и архитектура, календарь и религия — передал им один народ, который жил в долине Мехико за много веков до того, как ацтеки установили там в начале XVI в. свое господство.

Согласно данным Саагуна, эти древние племена и есть в действительности таинственные тольтеки. А чудесный город Толлан — их столица. Саагун сообщает в своем многотомном труде, что «тольтеки — необычайно искусные мастера. Любая работа была им по плечу. Они обрабатывали зеленый камень (нефрит), умели отливать изделия из золота и делали прекрасные вещи из перьев. Эти люди — великие мастера...»

«Тольтеки были очень богаты. Они не знали бедности. В их домах ни в чем не было недостатка. Они не использовали в пищу мелкие початки кукурузы, а сжигали их для отопления своих паровых бань».

Переводчик испанского вице-короля, ацтекский дворянин, некий Фернандо де Альба Иштлилшочитл, живший в XVI в., также потратил много сил на составление подробной летописи истории своего народа. Его версия полностью подтверждается теми фактами, которые приводит Саагун, — великая цивилизация, лежащая в основе других высоких культур долины Мехико, была унаследована от тольтеков¹. Иштлилшочитл изобразил их искусными

Деталь росписи из Храма Воинов. Сцена битвы. Чичен-Ица.

художниками, врачами, строителями и знатоками календаря. Они необычайно религиозны и любят пышные зрелища, писал он. Правители тольтеков строги, но справедливы. А их великий вождь Кецалькоатль — могущественный «пернатый змей», живое божество, обитавшее среди строителей Толлана. Однако внутренние пороки общества тольтеков постепенно подорвали их былую силу. Засуха, мор и голод вызвали гражданскую войну. И это побудило враждебные племена напасть на ослабленных тольтеков. В конце концов тольтеки были вынуждены покинуть Толлан и отправились в поисках новых земель на юг. Так, согласно легенде, они попали на Юкатан. Проверая достоверность этих сообщений, археологи установили несколько очевидных фактов: все без исключения документы, написанные после Конкисты, безоговорочно сходятся на том, что ацтекская цивилизация берет свое начало, по крайней мере частично, от культуры древних тольтеков и что главным центром тольтеков был город Толлан.

По всей долине Мехико и в прилегающих к ней районах встречаются руины, которые гораздо старше по возрасту, чем памятники ацтеков. Среди них особенно выделяется религиозный центр Сан Хуан Теотихуакан, расположенный в 30 милях к северу от города Мехико. Гигантские пирамиды Солнца и Луны, пышный храм, посвященный таинственному Кецалькоатлю и десятки небольших зданий вдоль широких улиц, предназначенных для торжественных процессий, делают этот город крупнейшим культурным центром древности.

Когда в 1325 г. ацтеки основали на месте современного города Мехико свою столицу, Теотихуакан уже лежал в развалинах. Но следы прежнего величия тольтеков были еще заметны повсюду. По-видимому, ацтеки появились на исторической сцене в тот момент, когда еще имелась возможность кое-что использовать из сокровищницы древней культуры. Часть духовного наследия тольтеков сохранили их потомки вплоть до прихода воинственных ацтекских племен. Этот факт многократно подтвержден археологическими находками. Из-за отсутствия более точного термина эта древняя доацтекская культура получила название «тольтекской», и практически именно к ней были отнесены все археологические памятники долины Мехико и вокруг нее.

Раскопки последних лет полностью опровергли основные аргументы этой широко распространенной прежде

теории. Ученые доказали, что древнюю культуру долины Мехико создавали не только тольтеки. В этом процессе принимали участие и другие племена. Даже Теотихуакан переживал, по-видимому, наиболее яркие годы своей истории задолго до того, как тольтеки стали могущественным народом.

И тем не менее поразительное сходство тольтекских памятников долины Мехико и Чичен-Ицы — бесспорно.

Оставалось решить, где же искать легендарный Толлан — место, откуда тольтеки принесли свою цивилизацию в долину Мехико, если, конечно, этот давно исчезнувший город когда-либо существовал вообще? Многие известные археологи отрицательно относились к серьезному изучению подобных «фантазий». Они отказались даже от самого слова «тольтекский», заявив, что без конкретных доказательств существования этой культуры употребление данного термина исторически неверно. Однако другие исследователи признали большое значение легенд при воссоздании исторических событий.

Примерно в 54 милях к северо-западу от города Мехико, в штате Идальго, приютился в выжженной солнцем долине небольшой городок Тула. На известняковом мысу, возвышающемся над пыльной долиной, видны лишь несколько десятков холмов щебня — это все, что осталось от некогда цветущего города. Фернандо де Альба Иштлишочитл утверждает, что именно здесь, на месте современной Тулы, и находился легендарный Толлан. В 1880 г. известный французский археолог и путешественник Дезире Шарнэ с удивлением заметил, что некоторые памятники, исследованные им в Туле, имеют двойников в Чичен-Ице. Но эти руины долгое время ускользали от внимания археологов. Подобно многим другим археологическим памятникам долины Мехико, Тула считалась второстепенным объектом по сравнению с грандиозным Теотихуаканом.

В 1940 г. группа мексиканских археологов приступила к систематическому исследованию древней Тулы. Заступы рабочих разбили твердую корку окаменевшей земли, которая скрывала лежащие внизу руины. Под толщей каменных обломков, которые накапливались в течение многих столетий, таилось еще одно поразительное открытие (наблюдения Шарнэ оказались абсолютно верными). В ходе раскопок постепенно вырисовывалась общая панорама тех

черт культуры, которые столь отчетливо повторялись в Чичен-Ице. Если раньше связи между этим крупнейшим центром древних майя и памятниками Центральной Мексики лишь смутно угадывались по едва уловимым признакам, теперь, после находок в Туле, они стали неоспоримы.

Здесь были обнаружены фигуры воинов, которые украшали и Чичен-Ицу, тех самых воинов, которые заставили майя испытать всю горечь поражения. А на стенах пирамид из Тулы — фрески, совпадающие до мельчайших деталей с юкатанскими росписями. Они изображали ягуаров и стервятников, пожирающих человеческие сердца. Были там и длинные ряды квадратных колонн с надписями — точные копии колонн Чичен-Ицы. У основания одной из пирамид Тулы находилась статуя полулежащего на спине Чакмоола, похожая, как две капли воды, на скульптуры, найденные близ «цомпантли», на главной площади Чичен-Ицы. Были там и любопытные изваяния карликов с воздетыми вверх руками, или «статуи атлантов», как их ошибочно назвал Огюст Ле-Плонжон. Точно такие же скульптуры он нашел среди развалин Чичен-Ицы 80 лет назад.

Тула славилась в древности своими площадками для ритуальной игры в мяч; массивными кариатидами, изображавшими воинов в пышных костюмах; настенными рельефами с орнаментом в виде змей и великолепными алтарями, многие из которых украшены каменными человеческими черепами.

Повсюду встречались статуи глубоко почитаемого тольтеками бога-жреца Кецалькоатля. Он изображался обычно в виде змея, украшенного перьями. Сходство между Чичен-Ицей и Тулой было настолько разительным, что казалось, будто в них работали одни и те же художники и мастера. Оба города разделяло 800 миль труднопроходимой, а в глубокой древности и опасной территории. И тем не менее их культурное родство бесспорно. Оказалось, что сообщения письменных источников о времени гибели Тулы имеют под собой известные основания. Благодаря раскопкам удалось установить, что примерно в 1168 г. н. э. вражеские армии, воспользовавшись внутренней слабостью и раздорами, царившими тогда среди тольтеков, захватили и разрушили город.

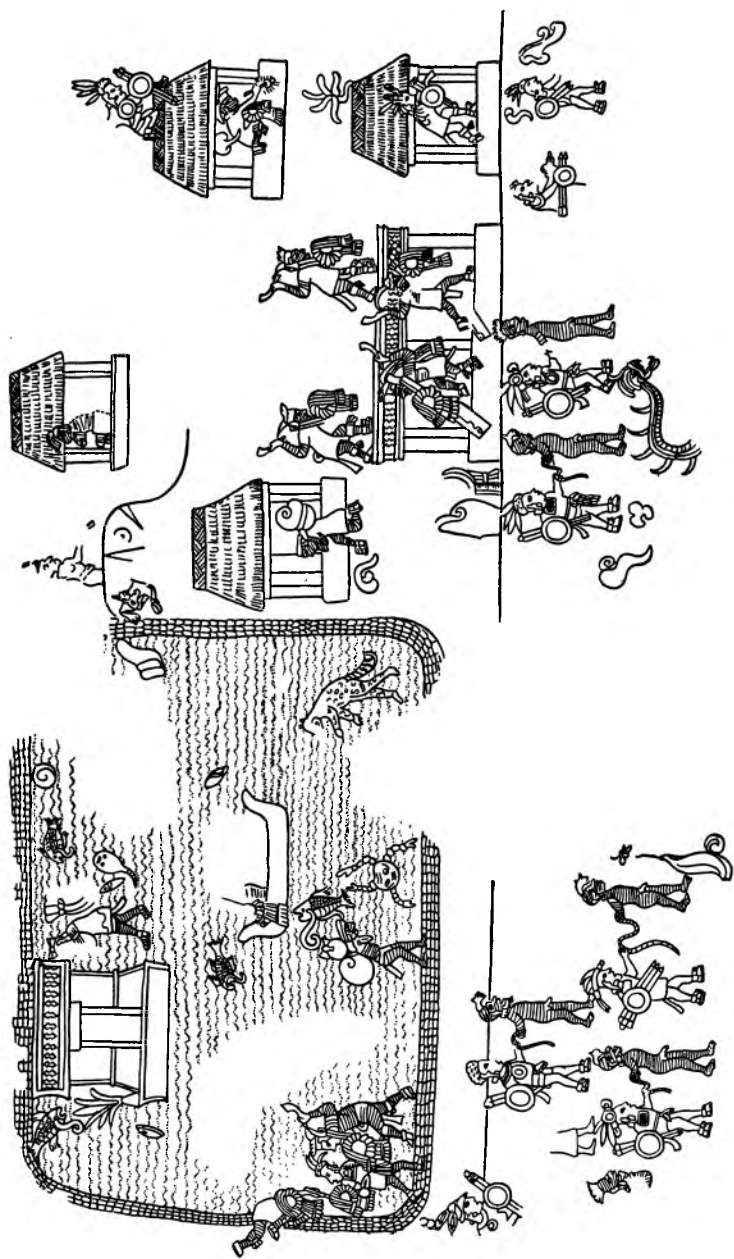
Его изгнанные жители вынуждены были искать новые земли.

Однако племена тольтеков, соблазненные, вероятно, слухами о сокровищах далекой империи майя, начали переселяться на юг еще задолго до падения Тулы-Толлана. Приведенные выше археологические данные не оставляют никакого сомнения в том, что так называемые «ицы» и были в действительности тольтекскими эмигрантами из Тулы. Но они пришли на Юкатан не как нищие бродяги, гонимые ударами судьбы. Их некогда могучие армии были собраны вновь и воодушевлены заманчивыми картинами предстоящих завоеваний. За гордыми тольтекскими легионами двигались толпы колонистов, стремившихся восстановить на новом месте свое прежнее благополучие. В рядах тольтеков господствовала суровая дисциплина. И древние воинственные традиции вселяли в них уверенность в победе. Подобно большинству других народов Мексиканского плоскогорья, тольтеки не разделяли майяских идеалов умеренности и воздержания. Они считали себя просто воинами на службе у своих кровожадных богов.

Итак, тольтеки, которых майя называли ицами, двинулись на полуостров Юкатан. По-видимому, майя временно прекратили междоусобные войны и повернули свое оружие против захватчиков. И вскоре грохот барабанов и пронзительные вопли раковин-труб были заглушены криками людей, столкнувшихся в яростной схватке. Майя потерпели поражение. Победоносные ицы с триумфом прошли по улицам древних майяских городов, невиданных по красоте, но совершенно безлюдных.

Лишь в нескольких из них оставались еще жители — в Ушмале, Кабахе и Чичен-Ице, носившей тогда другое название. Этот последний был более многочисленным, чем прочие. Его обитатели не ушли в деревни — в жалкие хижины из дерева и глины с тростниковыми крышами, бросив свои храмы на милость беспощадного времени. Под защитой жрецов, сохранивших былое могущество, храмы стояли по-прежнему во всем своем пышном великолепии. Огромный город раскинулся на широкой равнине, окруженной полями кукурузы и цепочкой естественных колодезев. Именно здесь и решили построить свою новую столицу тольтеки. Большая часть того, о чем сообщают книги Чилам Балам и рукопись епископа Ланды по поводу прихода ицев на Юкатан, подтверждается археологическими находками. Но некоторые важные детали этих событий все еще остаются неясными. Сколько времени длилось пере-

Настенная роспись в Храме Воинов. Чичен-Ица

селение тольтеков из Мексики? Имели ли иды чисто тольтекское происхождение или же они смешались с другими народами, присоединившимися к ним во время их постепенного продвижения на юг? Но больше всего окутана тайной легенда о могущественном тольтекском вожде Кецалькоатле — божестве в человеческом облике.

Огромные заслуги Кецалькоатля описываются во многих часто противоречивых преданиях и легендах. Он был, по-видимому, правителем Толлана. Щедрость и ум этого вождя помогли ему впоследствии занять главенствующее положение в пантеоне тольтекских богов.

«„Кецалькоатль создал мир“, — говорили тольтеки, и наградили его именем Повелителя ветра, поскольку, по их словам, Тонакатекотли (бог-творец, отец Кецалькоатля)... легонько дунул и создал своим дыханием Кецалькоатля.

В его честь они сооружали круглые храмы... Они полагали, что именно Кецалькоатль создал первого человека. Лишь он один имел подобно людям человеческое тело. Другие же боги были бестелесны».

В конце концов Кецалькоатля предали завистливые боги войны и изгнали из долины Мехико. Одни говорят, что он исчез в море близ современного города Веракрус. Другие утверждают, что он поднялся на небеса и превратился в утреннюю звезду. Еще в одном сообщении говорится, что тот, «кого тольтеки звали Кецалькоатлем... наставлял их словом и делом на путь добродетели, избавил их от пороков и грехов и дал им законы и истинную веру. А для того чтобы обуздать их похоть и низменные страсти, он заставил их поститься. Но, увидев, сколь ничтожные плоды дает его учение, Кецалькоатль ушел тем же путем, каким и пришел, т. е. на восток, исчезнув на побережье Коацакоалько. Расставаясь с ними, он сказал, что когда-нибудь вернется и тогда его учение будет всеми принято, и его сыновья станут правителями земель, из-за которых они и их потомки претерпят множество бед и гонений...» Культ Кецалькоатля распространился впоследствии далеко за пределы географических и хронологических рамок тольтекской культуры. Он и его эмблема — «пернатый змей» — стали известны по всей Мексике. Император ацтеков Монтесума отступил перед Кортесом, глубоко убежденный в том, что последний — воскресший из мертвых Кецалькоатль². Настолько яркими оказались его образ и предсказания через тысячу лет после его ухода.

Индийские хроники сообщают, что именно Кецалькоатль возглавлял поход ицев на Юкатан.

У майя этот бог был известен под именем Кукулькана, и поклоняться ему они начали с таким же фанатизмом, как и мексиканцы. Епископ Ланда пишет:

«Среди индейцев бытует поверие, что вместе с ицами, захватившими Чичен-Ицу, пришел великий вождь по имени Кукулькан. Что это истина, доказывает главное здание города, которое называется Кукулькан. Говорят, что он пришел с запада, но расходятся относительно того, пришел ли он до или после ицев, или же вместе с ними. Говорят, что он был хорош собою, не имел ни жены, ни детей и что после его ухода его считали в Мексике одним из богов и назвали Кецалькоатлем. На Юкатане его также считали богом, потому что он был справедливым правителем и установил на полуострове после смерти вождей порядок для того, чтобы прекратить раздоры, вызванные в стране смертью этих вождей».

Но существовал ли в действительности Кецалькоатль — человек, заслуги которого были так возвеличены последующими поколениями, что его в конце концов обожествили?

Археологи допускают, что в Толлане мог жить правитель, обладавший чертами характера, приписываемыми Кецалькоатлю. Было высказано предположение, что он основал династию, представители которой носили его имя. По всем описаниям Кецалькоатль — бородатый мужчина со светлой кожей³. При этом говорится, что во время своего правления он много разъезжал по стране, внушая своим приверженцам терпимость и благочестие. Однако, согласно другим источникам, его слава основывалась на совершенно иных деяниях — он был известен своей воинственностью и завоеваниями. Любопытно, что информаторы епископа Ланды описывали того же Кукулькана как скромного и справедливого правителя, тогда как археологи подтверждают воинственность его последователей — ицев, принесших на Юкатан новый образ жизни. Вполне возможно, что эта иноземная колонизация осуществлялась постепенно. Но она имела далеко идущие последствия, вызвав гибель старых традиций. Искусство, архитектура и социальные институты претерпели серьезные изменения. Они приобрели формы, более соответствующие тольтекским идеалам. Благодаря насаждению тольтекских богов, характер которых во многом отличался от богов майя, ре-

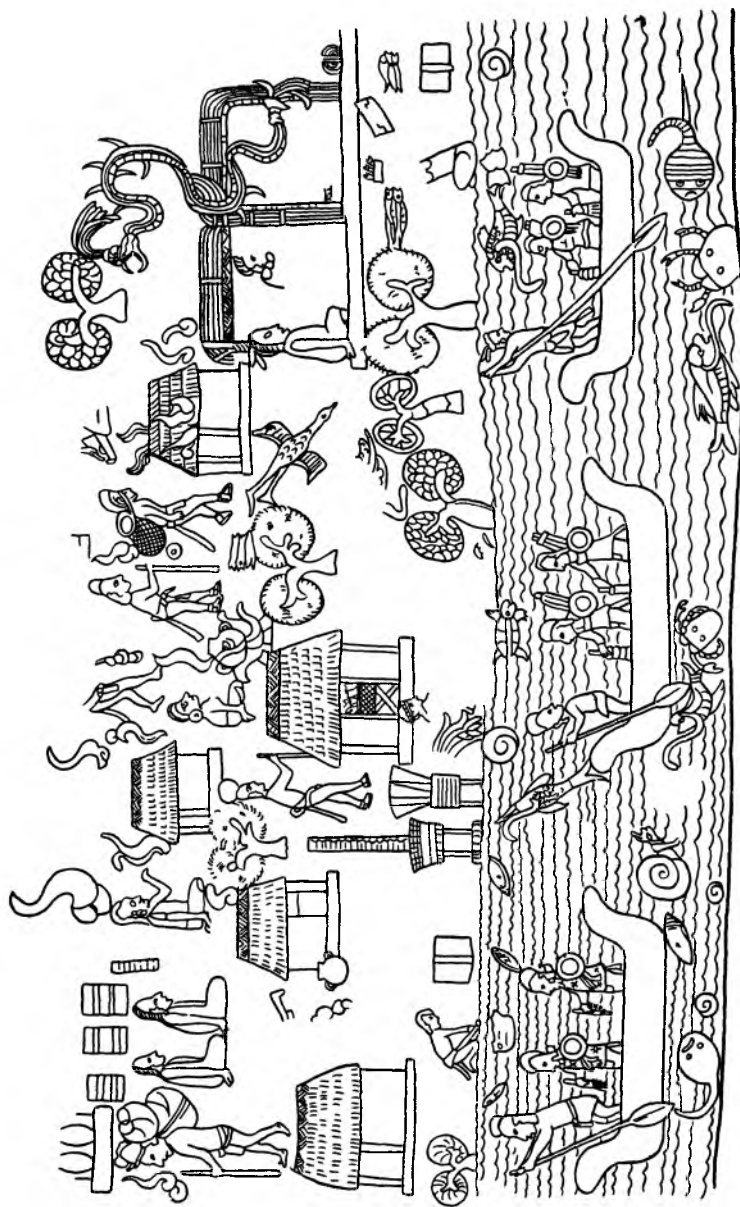
лигиозные обряды изменились особенно сильно. В своих замечаниях к книге Морли «Древние майя» Дордж Брэйнерд пишет, что культ благочестивого Кукулькана и пышность ритуальных построек Чичен-Ицы наводят на мысль о том, что майя охотно отдавали свой труд и свои таланты для упрочения новой религии. Возможно, что тольтеки завоевали Юкатан не только силой оружия, но и с помощью новой религии⁴. Как бы то ни было, к 1000 г. н. э. ицы-тольтеки прочно утвердились на Юкатане. Постепенно тольтекское влияние проникло во все области на полуострове. Тем не менее совершенно очевидно, что цивилизация майя не была уничтожена силой оружия и не «зачахла» после покорения ее ицами. Браки между победителями и побежденными, а также взаимный культурный обмен способствовали слиянию местной и пришлой традиций. Но зато великая классическая традиция исчезла навсегда. Майя никогда не достигнут прежних высот. Здесь оказались бессильными даже та энергия, которую передали им ицы, влияние свирепых мексиканских богов и великолепие огромных армий, которые стали на защиту их интересов. Не помогло и то усердие, с которым мастера майя работали над перестройкой Чичен-Ицы в соответствии со вкусами новых господ. Ничто не могло надолго отодвинуть ту катастрофу, которая ожидала майя.

Археологическая периодизация истории майя,

от 2000 г. до н. э.	Архаический период
до 500 г. до н. э.	
от 500 г. до н. э.	Формативный (период становления)
до 325 г. н. э.	
от 325 г. н. э.	Классический период, эпоха Древнего царства
до 925 г. н. э.	
от 925 г. н. э.	Постклассический период, эпоха Нового царства
до 1200 г.	
от 1200 г.	Период мексиканского влияния
до 1540 г.	
с 1540 г.	Колониальный период

Одним из наиболее выдающихся памятников тольтекской культуры в Чичен-Ице является так называемый Храм Воинов. Когда в 1925 г. экспедиция Института Карнеги приступила к раскопкам огромного холма, под которым он был скрыт, то лишь размеры холма и огромное количество обломков говорили о том, что на северной площади города, напротив величественного Храма Кукулькана, стояло когда-то великолепное здание. У подножья его едва заметных развалин находились остатки десятков квадратных колонн, которые образовывали в прошлом внушительную колоннаду вдоль фасада ступенчатого храма. Почти все колонны украшены полустершимися от времени рельефными изображениями воинов ицев.

Под умелым руководством начальника экспедиции Эрла Морриса⁵ группа рабочих-индейцев приступила к раскопкам и реставрации разрушенного храма, чтобы восстановить его первоначальное великолепие. Когда работа значительно продвинулась, удалось найти более красноречивые следы деятельности ицев — разбитую статую Чакмоола, несколько фигур «атлантов» и обломки огромных колонн в виде пернатых змеев, которые стояли первоначально по обеим сторонам входа в храм. После нескольких сезонов раскопок из груды обломков стали постепенно проступать первоначальные изящество и красота Храма Воинов. Его по праву можно назвать шедевром древнеамериканской архитектуры. У него угловатые, строгие линии, а его эффектная конструкция носит явные следы влияния тольтеков. Большие участки его белых известняковых стен украшены панелями с рельефными изображениями масок, змей, стервятников и ягуаров. Пропорции этих рельефов выдержаны в строгом соответствии с другими декоративными элементами здания. В центральной части храма археологи обнаружили внутреннюю комнату с настенными росписями. Там же находилось четыре колонны с изображениями воинов. Но этот маленький «внутренний храм» скрывал еще более поразительную находку. Моррис исследовал в различных частях здания несколько алтарей в надежде найти ритуальные предметы, спрятанные там жрецами. Но все его поиски оказались напрасными. Наконец, он решил осмотреть ту часть «внутреннего храма», где стоял когда-то еще один алтарь. Предварительное обстукивание помогло обнаружить, что под полом храма пустота. Моррис быстро прору-

Деталь росписи из Храма Ягуаров

бил прямо над ней небольшое отверстие. «Я засунул пальцы в дыру,— шипит он,— и поднял каменную крышку. На дне цилиндрического тайника, который она закрывала, блеснул полированный нефрит». В тот же день Моррис возвратился к месту своей находки в сопровождении Сильвануса Морли и других сотрудников Института Карнеги.

«В центре круглой выемки,— вспоминает он,— лежал нефритовый шарик, покрывшийся тонким слоем известковой пыли, накопившейся в тайнике за много столетий. Кроме шарика, там находилась нефритовая пластинка неправильной формы. Ее внешнюю поверхность украшало резное изображение человеческого лица. По краям пластинки лежало по маленькому нефритовому шарик и множество разбросанных в беспорядке бус, сделанных из раковин. Таково было, на первый взгляд, содержание тайника. С помощью кисти из верблюжьей шерсти, насаженной на длинную рукоять, я начал осторожно сметать известковую пыль к краю ямки. После четвертого или пятого взмаха кистью показалась полоска такой голубизны, какой я никогда, наверно, не увижу. Изумленный, я замер на мгновение с кистью в руке. Это оказалось весьма кстати, потому что тяжелая рука доктора Морли хлопнула меня по плечу, и в то же мгновение он воскликнул: „Старина, это мозаика из бирюзы. Посмотри скорей, каковы ее размеры!“».

В каменной чаше лежала великолепная пластинка около девяти дюймов в диаметре. Она состояла почти из трех тысяч отдельных кусочков отполированной бирюзы. «Мы неожиданно наткнулись на редчайшую архелогическую находку,— заключает Моррис,— потому что эта пластинка — самый изумительный по красоте образец аборигенного искусства Америки, который находили когда-либо при раскопках».

КОЛОДЕЦ ЖЕРТВ

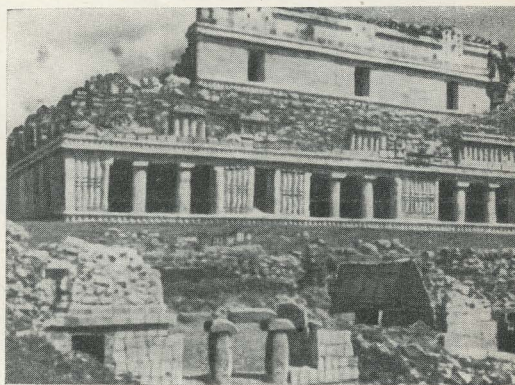
Эдварду Томпсону исполнилось лишь 25 лет, когда в 1885 г. он был назначен на пост консула США на Юкатане. Для Томпсона, как и для его знаменитого предшественника Стефенса, обязанности, связанные с дипломатической службой, представлялись чем-то второстепенным по сравнению со страстью к археологии. С ранних лет Томпсон с жадностью изучал древности майя, и впоследствии главной сферой его интересов стали ансамбли полуразрушенных зданий и разбросанные в беспорядке холмы, которые составляли когда-то величественный город Чичен-Ицу. Через несколько лет после своего приезда на место назначения Томпсон договорился о покупке большой асьенды, на территории которой находились руины города. В это время об истории Чичен-Ицы практически не было известно ничего. В городе побывало несколько путешественников, и среди них Вальдек, Стефенс, Ле-Плонжон, Шарнэ и Моудсли. Все они жили в XIX столетии, когда из лабиринта головоломных загадок родились первые неясные зачатки археологии майя. Томпсон по сравнению со своими предшественниками не проявил большей проныцательности при изучении сложной культуры майя. Первое время он даже отстаивал теорию о том, что истоки культуры майя — в культуре исчезнувшей Атлантиды. Но Томпсон обладал воображением и, что более важно, решимостью проверять реальность своих убеждений. В книге, посвященной своим многочисленным приключениям и озаглавленной «Народ Змеи»¹, он описывает свое первое впечатление от разрушенного города, которо-

му предстояло стать его родным домом на последующие 30 лет: «Постепенный подъем, извивающаяся между валунами тропинка и большие деревья до такой степени напомнили мне лесные прогулки на родине, что меня буквально потрясло, когда я, наконец, понял, что валуны, мимо которых я проходил без особого внимания, имели обтесанную поверхность и служили некогда резными колоннами или скульптурными опорами. Потом, когда я начал понимать, что ровная, заросшая травой и кустарником поверхность — не что иное, как терраса, сделанная руками древнего человека, я поднял голову и увидел над собой огромную каменную громаду, упирающуюся вершиной в небосвод, и все остальное сразу было забыто. Террасовидную пирамиду, облицованную плитами известняка, с широкими лестницами, ведущими наверх, увенчивал храм. Другие здания, высокие холмы и разрушенные террасы оказались погребенными в зарослях джунглей, и только темно-зеленые возвышения на горизонте говорили о том, где они некогда находились. Перо писателя и кисть художника бессильны выразить чувства, которые возникают при виде пепельных стен этих древних сооружений, ярко освещенных тропическим солнцем. Старые... изъеденные временем, суровые, внушительные и бесстрастные, они возвышаются мощными громадами над окружающей местностью, и не находишь слов, чтобы описать их. Развалины города Чичен-Ицц занимают пространство в три квадратных мили. По всей этой площади разбросаны тысячи резных и обтесанных камней и сотни рухнувших колонн, а бесформенные руины и контуры стен огромных полуразрушенных строений видны на каждом шагу. Семь массивных построек из резного камня, сцементированного необычайно крепким раствором, имеют отличную сохранность и почти пригодны для жилья. Их фасады, хотя и серые, мрачные и изборожденные временем, подтверждают мнение, что Чичен-Ицц — один из величайших в мире памятников древности». Почти в центре главной площади города стоит массивная пирамида, известная в настоящее время под названием Эль-Кастильо, или Храм Кукулькана. Она состоит из целого ряда постепенно уменьшающихся террас, возвышаясь над окружающей равниной на 75 футов. Длина каждой из сторон ее основания 60 ярдов. Четыре широких лестницы ведут к великолепному храму на вершине пирамиды. Конструк-

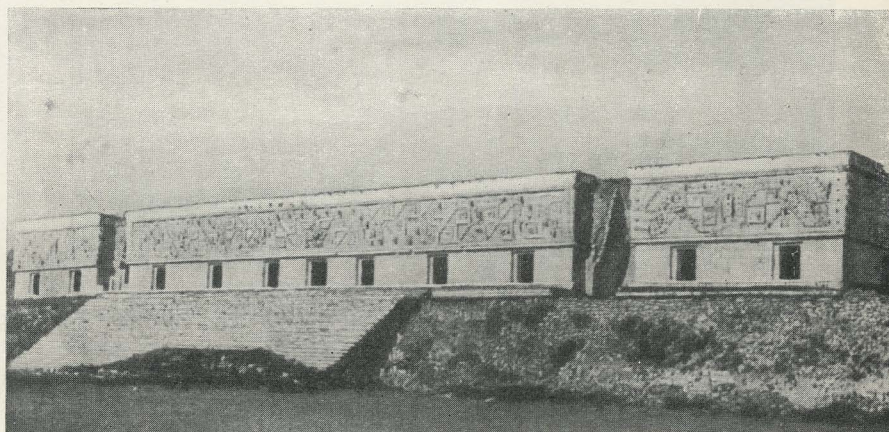

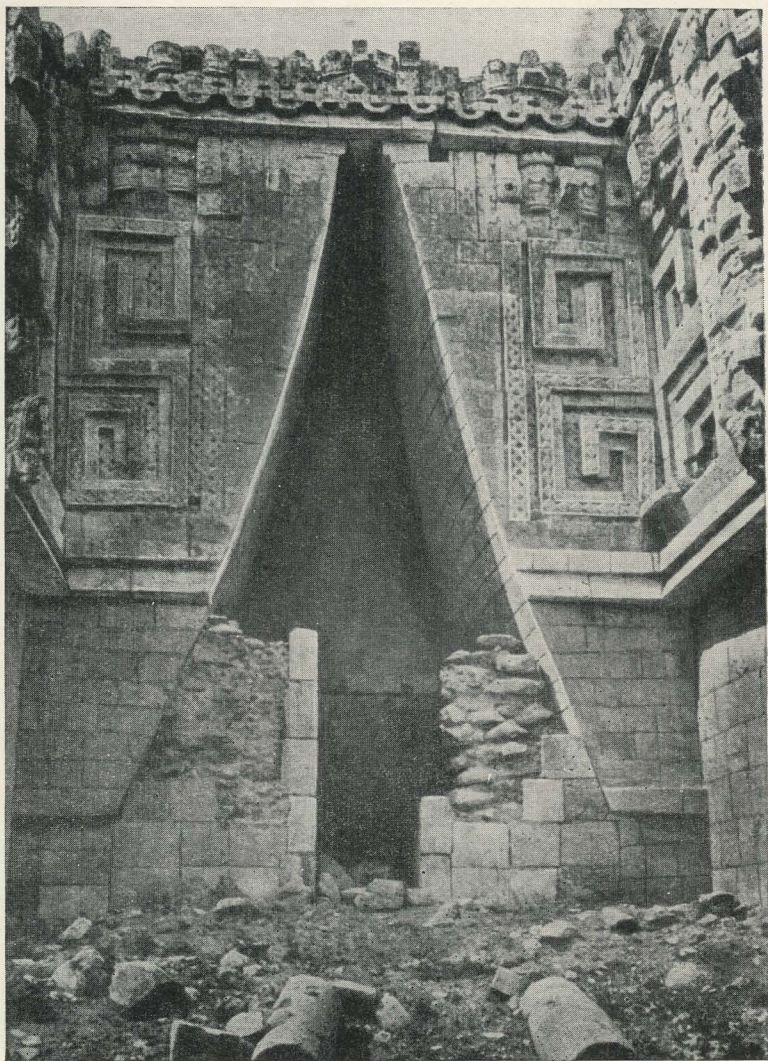
«Большой дворец» в Лабна.
Юкатан

Дворец в Сайиле. Юкатан

«Дворец правителей». Ушмаль

Часть фасада «Четырехугольника женского монастыря»,
Ушмаль

ция храма носит, несомненно, следы тольтекского влияния, которые, однако, сочетаются с майяскими законами астрономической ориентации. Каждая из четырех лестниц имела по девяносто одной ступени, что вместе с верхней платформой составляло в целом 365 — число дней гражданского года майя. Девять террас храма разделены на 52 панели — число, равное количеству лет в церемониальном цикле календаря тольтеков. Эти террасы в свою очередь разделены лестницами на 18 секций — по числу месяцев в году майя. В результате раскопок внутри этой пирамиды удалось обнаружить еще одну, в преддверии которой находилось скульптурное изображение типа Чакомоола, с перламутровыми глазами, зубами и ногтями, и великолепный резной трон с фигурами ягуаров. За годы своего пребывания в Чичен-Ице Томпсон изучил почти все сооружения города, сделав при этом много важных открытий. В нескольких сотнях ярдов к югу от Храма Кукулькана находятся остатки низкой пирамиды. В этой бесформенной груде каменных обломков нет ничего примечательного за исключением четырех лестниц, окаймленных баллюстрадами в виде змей с открытой пастью. На вершине холма, как обычно, некогда стоял храм. Четыре колонны, украшенные искусной резьбой, — вот все, что осталось от этого ритуального сооружения. Именно во время раскопок основания этих колонн Томпсон случайно наткнулся на две отполированные до блеска каменные плиты, вросшие в разрушенный пол храма. Движимый смутным предчувствием, он поднял их и обнаружил под ними контур квадратной шахты, спускавшейся вниз, внутрь пирамиды, на глубину около 12 футов. На полу склепа лежал едва различимый человеческий скелет, окруженный глиняными сосудами. Эти останки покоились на другой каменной плите с гладкой поверхностью, очень похожей на те, что закрывали верхний вход в склеп. Под плитой находились еще четыре могилы, расположенные одна над другой. «В третьей могиле, — писал Томпсон, — я нашел несколько маленьких медных колокольчиков, позеленевших от времени. В четвертой могиле я нашел ожерелье из отлично обработанного горного хрусталя. Дно этой последней могилы располагалось на уровне основания пирамиды, и я, естественно, пришел к выводу, что моя работа должна быть автоматически прекращена, поскольку пирамида построена прямо на скалистом

известняковом грунте. Но затем я увидел, что и в этой могиле пол состоит из каменных плит. Приподняв их, я увидел, к своему изумлению, ряд ступенек, вырубленных в природной скале и ведущих вниз, в какую-то камеру. И лестница, и камера оказались забитыми золой. Я смог проникнуть туда, лишь лежа на спине и пробираясь ногами вперед сквозь груды золы...» Томпсон с трудом пробрался в засыпанный пеплом склеп. Вместе с мусором, который он начал расчищать, на полу находилось множество нефритовых бусин, причем некоторые из них выглядели так, как будто побывали в огне. Склеп был абсолютно пуст, если не считать квадратной каменной плиты, лежавшей у одной из стен. Он схватил ее обеими руками и стал тянуть на себя. Неожиданно плита поддалась, открыв в полу черное отверстие. Из него хлынул поток холодного воздуха, который мгновенно погасил свечи и оставил Томпсона и его спутников в абсолютной темноте в самом чреве земли. «Дон Эдуардо,— закричали сопровождавшие его туземцы,— это, наверное, ворота ада!» «Едва ли,— отвечал он,— с каких пор ворота ада стали изрыгать такое леденящее дыхание?» По забавному стечению обстоятельств это разумное объяснение успокоило перепуганных индейцев. Христианская вера внушила им европейские понятия об аде, как о пылающем огненном пекле, где грешники томятся в геенне огненной. Но если бы они все еще придерживались веры своих предков, по которой Митналь, или ад, является местом невыносимого холода, то они, конечно, убежали бы с воплями ужаса.

По своим очертаниям отверстие приближалось к кругу около трех футов в диаметре. Опустив вниз фонарь, привязанный к веревке, Томпсон определил, что глубина ямы равняется пятидесяти футам. «Два туземца крепко держали меня за лодыжки, и, повиснув головой вниз, качаясь словно маятник, я ухитрился при помощи рулетки и фонаря получить довольно точное представление об этой яме. Отдышавшись, я сказал рабочим, что мы вернемся завтра рано утром, подготовившись к спуску в эту дыру.

Я просил их никому ничего не говорить, чтобы над нами не смеялись и не называли нас безумцами. На самом же деле я был искренне убежден, что мы сделали очень важное открытие, и не хотел иметь лишних свидетелей».

На рассвете все рабочие Томпсона собрались у пирамиды для участия в предстоящем событии. Над отверстием для извлечения из ямы каменных обломков установили блок с веревками. Вооружившись ножом, зажатым между зубами, набив карманы совками, кистями, свечами и другими инструментами, Томпсон спустился по веревке в шахту, а затем еще ниже — в холодную, черную яму. Едва он зажег своей фонарь, как перед ним сразу же предстала драгоценная находка — прекрасная ваза из прозрачного алебастра.

Она была наполнена бусами из полированного нефрита, среди которых лежала одна подвеска из того же камня. Несколько мгновений спустя спутники Томпсона, не выдержав томительного ожидания, спустились вниз и очутились рядом с ним. В течение последующих часов они находились в лихорадочном возбуждении. Одна за другой извлекались из-под каменных обломков на полу пещеры чудесные находки.

Вокруг валялись большие перламутровые раковины, расписные глиняные кувшины и чаши, ритуальные кремневые ножи, очень напоминавшие жертвенные каменные серпы древних друидов, и множество крупных овальных жемчужин. Причем некоторые из них так долго пролежали в земле, что рассыпались в прах при малейшем прикосновении. «Когда голод и жажда давали о себе знать, мы ели и пили, а затем вновь принимались за работу, пока усталость окончательно не сковала нас. Я приказал прервать работу и собираться к выходу на поверхность. Когда мы со своими трофеями выбрались на платформу храма, то увидели странное зрелище. Было 11 часов вечера. Но нас окружала темнота, словно в полночь... Внизу, у подножья храма, стояли плачущие и причитающие семьи моих рабочих, а моя жена и дети тщетно пытались успокоить их.

„К чему слова, — причитали они, — и хозяин, и все наши люди погибли... Великий Змей унес их, и мы больше никогда их не увидим“. Какова же была их радость, когда появились мы со своими трофеями и с триумфом спустились к ним. Это очень памятный день в моей жизни археолога. По всей вероятности, я обнаружил и исследовал гробницу верховного жреца... А пять погребений в вертикальной шахте над гробницей... чьи они? Чей прах покоился в этих могилах, когда я впервые открыл их?

Может, это слуги или рабы верховного жреца, чьи тела положили так, чтобы они и после смерти охраняли того, кому служили при жизни? Или же это жрецы более низкого ранга, для которых друзья пытались найти более высокое место в загробной жизни? Кто знает?»

Но неутомимая любознательность Томпсона привела его к открытию гораздо большего значения, чем все прежнее. Наряду с другими мыслями его захватила одна навязчивая идея, которая впоследствии подвергла опасности его жизнь, сделала его всеобщим посмешищем и в конце концов привела его к утрате дипломатического поста. Но она же выдвинула его в число самых передовых археологов того времени.

У одной из сторон Храма Кукулькана были заметны контуры дороги длиной около 300 ярдов, которая вела через главную площадь к заросшему лесом устью карстового колодца. Карстовые образования подобного рода, известные у местного населения под названием «сенотов», широко распространены в северной части полуострова Юкатан. Это глубокие, естественные провалы в известняковых пластах, питаемые подземными водами.

В этой области, совершенно лишенной рек, ручьев и озер, сеноты — единственные источники воды, и где бы они ни находились, всегда рядом с ними лежат развалины древних построек.

Само название Чичен-Ица происходит от названия трех больших сенотов, расположенных на окраине города. Слово «чи» переводится буквально, как «устье», «чен» — означает «колодец». Таким образом, название Чичен-Ица можно перевести, как «Устье колодца ицев».

Один из этих сенотов особенно возбуждал любопытство Томпсона. Он имел около 200 футов в диаметре. Его вертикальные стены из известняка поднимались на высоту свыше 60 футов от поверхности его мутных, зеленых вод. Близ края колодца находились развалины небольшого храма. Легенды и туземные летописцы сообщают, что в мрачных глубинах Священного сенота, или Колодца Жертв, лежат несметные сокровища.

Епископ Ланда сам стоял когда-то на краю этого дьявольского омута, а позднее воскресил его ужасную тайну в том виде, как она сохранилась в памяти индейцев.

«Согласно этим обычаям, — писал Томпсон, —...во время засухи, мора или другого бедствия торжественные про-

цессии жрецов, верующих с богатыми дарами и людей, предназначенных для жертвоприношения, спускались по крутым ступенькам лестницы Храма Кукулькана — Священной Змеи — и двигались по священной дороге к Колодцу Жертв. Там под монотонный рокот тункулей², пронзительный свист больших раковин и жалобные звуки флейт в темные воды Священного колодца бросали красивых девушек и знатных воинов, взятых в плен, а также богатые дары для того, чтобы умиротворить разгневанных богов, которые, по преданию, обитали в глубинах этого сенота).

Яркие легенды, бытующие среди современных обитателей Юкатана, поддерживают это поверие.

По рассказам, предки современных майя очень часто насыщали голодных богов, особенно водяного духа Юм Чака, мясом живых существ, которых бросали в покрытый тиной колодец. Священный сенот до сих пор вызывает суеверный ужас у местного населения. Для большинства ученых подобные сообщения представляли собой не стоящие внимания выдумки. Но Томпсон не разделял их скептицизма. «Навязчивая мысль об этой зловещей, старой, водяной яме, — писал он, — и о чудесных предметах, скрытых в ее глубинах, не оставляла меня...»

Затем Томпсон случайно наткнулся еще на один отчет, написанный неким Диего Сармиенто де Фигуэроа — алькальдом из Мадрида, который посетил Юкатан в XVI в. и подтвердил сообщение Ланды: «Знать и сановники этой страны имели обычай после шестидесятидневного воздержания и поста приходить на рассвете к сеноту и бросать в него индейских женщин, которыми они владели. Они приказывали этим женщинам вымаливать у богов удачный и счастливый год для своего господина. Женщин бросали несвязанными, и они падали в воду с большим шумом. До полудня слышались крики тех, кто был еще в состоянии кричать, и тогда им спускали веревки. После того как полумертвых женщин вытаскивали наверх, вокруг них разводили костры и окуривали их душистыми смолами. Когда они приходили в себя, то рассказывали, что внизу много их соплеменников — мужчин и женщин — и что они их там принимали. Но когда женщины пытались приподнять голову, чтобы взглянуть на них, то получали тяжелые удары, когда же они опускали головы вниз, то как будто видели под водой глубины и пропасти, и люди (из колодца. — В. Г.) отвечали на их вопросы

о том, какой будет год у их господина — хороший или плохой...»

«Долгие дни и недели после покупки плантации,— писал Томпсон,— я был частым паломником маленького святилища на берегу сенота. Я обдумывал, прикидывал и вычислял. Я делал подсчеты и бесчисленные промеры глубин...» И у Томпсона окончательно созрел дерзкий план. Для проверки легенды, пленившей его воображение, требовалось проникнуть на дно колодца, где, по слухам, находились ужасные приношения, которые совершали древние майя в честь своих богов. Прежде чем приступить к выполнению своего опасного предприятия, Томпсон отправился в Бостон, где рассчитывал изучить водолазное дело и познакомиться со всеми видами подводного снаряжения. Затем он сконструировал и построил портативный подъемный кран и землечерпательный снаряд, годный для его специальных целей. Это приспособление легко можно было установить на площадке, у края колодца, и приводить в движение ручной лебедкой. «Только тогда и не ранее,— писал он,— я предстал перед достопочтенными господами — Стефеном Солсбери из Уорчестера (Массачусетс) и Чарльзом Баудвичем из Бостона — членами Американского антикварного общества и работниками Гарвардского университета, частью которого является Музей Пибоди. Я изложил им сущность своего проекта и попросил моральной и материальной поддержки со стороны обеих организаций, представляемых ими.

Но я обнаружил, что эти джентльмены отнюдь не горят желанием одобрить предприятие, которое, по их глубочайшему убеждению, представляло собой слишком дерзкую затею. Они были готовы финансировать этот проект, но не хотели брать на себя ответственность за мою жизнь.

В конце концов мне удалось переубедить их, и все другие затруднения также удалось преодолеть. Землечерпалку и необходимое для ее работы оборудование в намеченный срок установили на платформе, справа от святилища, почти на самом краю огромной водяной ямы — Священного колодца».

Открылась важнейшая глава в истории исследований — подводная археология, ставшая ныне точной наукой, как это доказывают поразительные открытия Жака Кусто, Фернанда Бенуа и других. Она зародилась в глубинах таинственного сенота Чичен-Ицы. С помощью группы

рабочих-индейцев, приводивших в движение тяжелые механизмы, работы в колодце наконец начались. Сбрасывая вниз от подножья святилища деревянные чурбаки, соответствующие по размерам и весу человеку среднего роста, Томпсон заранее определил наиболее вероятное местонахождение человеческих останков. Тяжелая стрела крана медленно проплыла по воздуху, остановилась в назначенном месте, и ковш землечерпалки погрузился в воду. Но Томпсон заразился вдруг скептицизмом своих друзей-археологов. Вначале ему казалось, что их сомнения вполне оправданы. День за днем продолжалась однообразная работа землечерпалки. Тяжелый стальной ковш исчезал в неведомых глубинах колодца только для того, чтобы вернуться ни с чем, неся в своих стальных челюстях лишь грязь и истлевшее дерево. «Временами,— вспоминает Томпсон,— как бы дразня меня, землечерпалка поднимала наверх черепки глиняных сосудов, относившиеся, несомненно, к глубокой древности. Но я решительно отбросил мысль, что эти черепки — те доказательства, которые я искал.

Обломки сосудов, доказывал я себе, вымытые из верхних слоев дождями, можно найти в любом уголке древнего города».

Однако вскоре после этого произошло событие, которое вновь воскресило угасшие надежды Томпсона.

«Я помню все, как будто это случилось вчера,— писал он,— я поднялся утром после бессонной ночи. День был такой же серый, как и мои мысли, а от густого тумана с листвы деревьев падали капли воды, совсем как слезы из полужакрытых глаз. Я потащился сквозь эту сырость вниз, где, как бы призывая меня, выбивала стакатто землечерпалка. Съездившись под навесом из пальмовых листьев, я стал наблюдать за однообразными движениями смуглых туземцев, работавших на лебедке. Ковш медленно выплыл из клокотавшей вокруг него тяжелой воды, и ...вдруг я увидел на поверхности шоколадно-коричневой грязи, наполнявшей его, два желтовато-белых, округлых комочка. Когда же эта масса проплыла над краем колодца и опустилась на платформу, я выхватил из нее оба предмета и внимательно осмотрел их».

Было очевидно, что они изготовлены человеческими руками, но Томпсон не имел ни малейшего представления об их назначении.

Он разломил один из комочков пополам и лизнул его. Потом ему пришла в голову мысль подержать их над горящими угольками. Острый аромат мгновенно напоил воздух, и тогда в памяти Томпсона возникла одна деталь древней легенды, которую он слышал много лет назад.

«Подобно солнечному лучу, пробившемуся сквозь густой туман, в моей памяти вновь ожили слова старого Х. Мена, мудреца из Эбтуна: „В старину наши отцы сжигали священную смолу... и с помощью ароматного дыма их молитвы возносились к богу — обитателю солнца“. Эти желтые шарики смолы представляли собой комочки священного копала „пом“, которые были брошены в колодец вместе с другими богатыми приношениями, упоминавшимися в преданиях». Начиная с этого момента, ковш землечерпалки каждый раз приносил вместе с илом все новые и новые подтверждения его правоты.

Из таинственных глубин сенота появилось множество предметов, носивших на себе явный отпечаток мастерства древних майя: «Большое количество символических фигурок, вырезанных из нефрита и вытесненных на золотых и серебряных дисках, кусочки копала, шарики душистой смолы ... несколько копьеметалок („хуль чес“) ³ и множество копий с прекрасно обработанными наконечниками из кремня, кальцита и обсидиана...» Лишь в течение последних столетий своей истории народы Центральной Америки научились выплавлять металлы ⁴, и майя — тольтекские обитатели Чичен-Ицы — щедро расточали огромное по тому времени количество декоративного металла для приношений своим богам. Томпсон извлек из глубин колодца десятки крошечных колокольчиков, статуэток, подвесок, топоров и дисков, сделанных из меди и золота.

«Среди них, — писал он, — встречались предметы почти из чистого золота, литые, кованные и выбитые на листовом золоте, но их оказалось довольно мало, и они играли сравнительно небольшую роль. Большинство же так называемых „золотых“ предметов изготовлено из низкопробных сплавов, в которых больше меди, чем золота».

Главную ценность им придавали выгравированные или литые изображения, имевшие символический или другой характер. Наконец появились и основные доказательства, которые искал Томпсон, — наверх вместе с сокровищами, так долго пролежавшими в водяном святилище Юм Чака, было извлечено множество человеческих скеле-

тов. Но вот снова после многих месяцев непрерывной работы землечерпалки ковш стал приносить с собой лишь ил и сучья, застрявшие в его стальных зубьях. Очевидно, он добрался до самого дна сенота. Томпсон предвидел подобную возможность. Он решил теперь сам спуститься в колодец и исследовать те укромные расщелины, куда не могла добраться землечерпалка. У него уже имелось нужное для этого снаряжение. Кроме того, в помощь себе он заранее нанял двух греческих ловцов губок. И к ужасу всех индейцев, столпившихся вокруг сенота, три человека начали свои подводные изыскания. «Когда я ступил на первую ступеньку лестницы,— вспоминает Томпсон,— ко мне один за другим подошли все члены насосной команды — мои верные туземцы. Они с торжественными лицами пожимали мне руку, а затем отходили назад, на свои места, ожидая сигнала. Нетрудно было угадать их мысли. Они прощались со мной, не рассчитывая увидеть меня вновь. Потом я отпустил поручни и, словно свинец, пошел ко дну, оставляя за собой след из серебристых пузырьков». На глазах у Томпсона вода превратилась из янтарной в зеленую и наконец стала непроницаемо черной. Его подводный фонарь оказался бессильным проникнуть сквозь эту темную завесу, окутавшую его словно саван. Он передвигался по дну вслепую, на ощупь, до тех пор, пока не наткнулся на выступ или расщелину. Тогда он тщательно ощупывал ее. Повсюду возвышались горы грязи, валялись камни и стволы деревьев, которые ускользнули от зубьев землечерпалки. Они создавали страшную опасность, поскольку, как объясняет Томпсон, «каждое мгновение одна из каменных глыб, подмытая водой, могла сорваться со своего места в стене и обрушиться на нас в этой крошечной тьме». В течение нескольких недель водолазы совершали ежедневные погружения на дно колодца. Индейцы, наблюдавшие за работой с растущим любопытством, ожидали тех ужасных последствий, которые, по их глубокому убеждению, были неминуемы. Разгневанные боги, скрывающиеся в какой-нибудь невидимой пещере в глубинах сенота, набросятся на водолазов и утащат их в водяную могилу. Но никакие серьезные препятствия не могли заставить Томпсона отказаться от своей работы, которая давала столь щедрое вознаграждение. Каждый раз, когда водолаз появлялся на поверхности, его мешок доверху наполняли новые находки —

куски резного нефрита, предметы из золота и меди, каменные скульптуры и человеческие кости. Среди найденных сокровищ находилось несколько ритуальных ножей прекрасной работы. Именно с помощью таких ножей жрецы вырезали сердца из груди жертв. Один из ножей был сделан из тонко обработанного кремня, а его рукоять из дерева с позолотой изображала двух переплетенных змей. Из определимых скелетов, найденных в колодце, двадцать один принадлежал детям в возрасте от 1,5 до 12 лет, тринадцать — мужчинам и восемь — женщинам.

Почти все предметы, найденные в сеноте, были, по-видимому, намеренно разбиты. Томпсон полагал, что майя придерживались обычая, широко распространенного среди древних народов: они «убивали» предметы, предназначенные для ритуальных приношений, т. е. ломали их так, чтобы «души» предметов могли сопровождать умершего, вместе с которым их клали⁵.

Большинство ученых соглашается с гипотезой Томпсона. Произведения искусства, как и человеческие жертвы, должны были служить дарами народа в честь его божественных покровителей. Только благодаря церемониальной «смерти», разрушению от руки жрецов, «душа» предмета могла соединиться с душой умершего. Находки Томпсона не оставили никаких сомнений в том, что Священный сенот действительно был местом, где совершались человеческие жертвоприношения, сопровождавшиеся обрядами, описанными Ландой и Фигуэроа. Но его почти полувековые исследования в Чичеп-Ице закончились рядом неудач. Между 1910 и 1930 гг. Юкатан то и дело потрясали политические перевороты и открытые мятежи. Во время одного из таких переворотов асьенда, в которой жил Томпсон и где находилась его лаборатория, была полностью разрушена. При этом безвозвратно погибли его великолепная библиотека по древностям майя и многие бесценные предметы, найденные среди развалин города. Позднее асьенду восстановили и сдали в аренду вашигтонскому Институту Карнеги в качестве базы для его обширной программы раскопок и исследований в Чичеп-Ице. Вслед за этим между Томпсоном и мексиканским правительством возникли юридические осложнения по поводу предполагаемой стоимости предметов, добытых из Священного колодца. Некоторые оценивали «сокровище Томпсона» примерно в полмиллиона долларов. Но он

твердо отклонил такие оценки, как «фантастические и преувеличенные», и указал на то, что стоимость клада может быть определена только в зависимости от его научной ценности. Однако мексиканское правительство не согласилось с его подходом к делу. Золотые предметы, возражало оно, имеют определенную рыночную цену, особенно золотые предметы древнего происхождения. Поскольку Томпсон отправил свою коллекцию на хранение в гарвардский Музей Пибоди, его имущество на Юкатане конфисковали и задержали до выплаты им около 500 тыс. долларов. Ему пришлось отказаться от своей усадьбы и от планов дальнейших исследований в Чичен-Ице⁶.

«Я бы изменил своему долгу археолога, — писал он в свою защиту, — если бы я, считая, что научные сокровища лежат на дне Священного колодца, не воспользовался бы благоприятной возможностью и не попытался достать их, обеспечив таким образом их доступность для научного изучения... Я нарушил бы в равной степени свой долг ученого, если бы... пренебрег возможностью обеспечить их сохранность и постоянную безопасность». Обилие материала, добытого Томпсоном из Колодца Жертв, показывает, что человеческие жертвоприношения совершались там со зловещим постоянством. Исходя из резко выраженной склонности к жертвоприношениям в религии тольтеков, многие ученые склонялись к выводу, что ритуальное использование колодца началось лишь после захвата Юкатана ицами. Однако недавние исследования⁷ поставили под сомнение эту гипотезу. Некоторые резные украшения из нефрита, найденные в глубинах колодца, бесспорно относятся к классическому периоду. Один предмет, изготовленный в городе Пьедрас Неграс, имел надпись с датой 706 г. н. э., а другой, происходящий почти наверняка из Паленке, датирован 690 г. н. э. Археологи были вынуждены задать себе вопрос, указывают ли нефритовые украшения на то, что пилигримы из столь отдаленных мест совершали путешествия к Колодцу Жертв в VII—VIII вв. н. э., или эти предметы прошли сквозь века, как тщательно хранимые реликвии и брошены в колодец в более позднее время?

Но пирамида с гробницей верховного жреца и могилами внутри явно тольтекского происхождения. Ее украшения змеями баллюстрады изображают могущественного Кукулькана, а обычай убивать рабов и жрецов низшего

ранга и хоронить их вместе со знатной персоной тесно связан с обычаями тольтеков. Находки Томпсона еще в большей мере подтвердили то, что уже начинали подозревать археологи его времени: тольтекская культура оставила глубокий след в великой столице майя Чичен-Ице. Решив исследовать Колодец Жертв, Эдвард Томпсон оказался в числе избранного меньшинства археологов, которые благодаря своим поразительным и бесспорным открытиям помогли установить достоверность легенд и письменных свидетельств, на которые долгие годы не обращалось никакого внимания.

Томпсон стоит в одном ряду с такими гигантами археологии, как Генрих Шлиман, который упорно искал гомеровскую Трою на равнинах Гиссарлыка и именно там открыл город, описанный в бессмертном произведении греческого поэта, и с Джоном Ллойдом Стефенсом, ненасытное любопытство которого в отношении оклеветанных городов майя сделало его отцом той самой науки, которой Томпсон посвятил всю свою жизнь.

«ТЕМНЫЕ ГОДЫ» ИСТОРИИ МАЙЯ. ВНУТРЕННИЕ РАЗДОРЫ, ВОЙНЫ И УПАДОК

К 1200 г. н. э. северная часть Юкатана оказалась под игом ицев. Основные города полуострова — Ушмаль, Кабах, Сайиль и Лабна — пришли в упадок. В других местах усилиями жрецов сохранилось лишь несколько ритуальных центров. Из больших городов только Чичен-Ица продолжал процветать, как и прежде, благодаря благотворному влиянию культуры ицев.

Майя так и не смогли оправиться от того загадочного недуга, который привел к гибели их древние традиции и уничтожил духовные достижения их предков. После завоевания Юкатана ицами майя быстро лишились своей независимости. Начиная с X в. и вплоть до испанского завоевания последовательность событий на Юкатане нам почти неизвестна, так как мы располагаем лишь отрывочными сведениями из сомнительных источников. Но Чичен-Ица вряд ли был единственным крупным городом в этот период. Кроме того, нам известно, что после 1200 г. н. э. Чичен-Ица тоже постепенно приходит в упадок.

По всему северному Юкатану встречается множество древних руин, о которых науке почти ничего неизвестно, хотя некоторые из них упоминаются иногда в туземных хрониках. Один такой город фигурирует в доиспанских документах особенно часто. Речь идет о некогда цветущем городе Майяпане, а теперь — огромном, беспорядочном скоплении развалин примерно в 30 милях к югу от Мерида. Много лет этот город был загадкой для исследователей. Индейские хроники указывают, что Майяпан играл важную роль в истории майя накануне прихода испанцев. О нем часто говорится в книгах Чилам Балам и в рукопи-

си епископа Ланды. Но археологи долго не делали никаких попыток выяснить его историю. А ведь именно Майяпан могущественный правитель Хунак Ксеель сделал центром своего огромного царства, в которое в конце концов вошел весь Юкатан.

Ланда так описывает происхождение Майяпана: «Этот Кукулькан, договорившись с местными вождями, основал другой город, где он и они могли бы жить и где сосредоточились бы все их дела и торговля. Для этой цели они выбрали очень хорошее место в 8 лигах от современного города Мерида и в 15 или 16 лигах от моря. Они окружили его очень широкой каменной стеной, оставив в ней только двое узких ворот. Стена была не очень высокой. Внутри, за этой оградой, они построили свои храмы. Крупнейший из них, подобный храму в Чичен-Ице, они назвали Кукулькан. Они построили и другой храм, круглый, с четырьмя дверями, непохожий на все остальные храмы этой страны. Внутри ограды они построили дома только для вождей, между которыми была разделена вся страна. Каждый из них получил селения в соответствии с древностью своего рода и личными заслугами. Кукулькан дал городу не свое имя, как сделали Ах Ицы в Чичен-Ице (что означает „колодец Ицев“), а назвал его Майяпан, что означает „знамя майя“... Кукулькан жил в этом городе с вождями несколько лет. А затем, оставив их в мире и благополучии, он возвратился той же дорогой в Мексику. По пути он остановился в Чампотоне и в память о себе и о своем уходе воздвиг в море, на расстоянии хорошего броска камнем от берега, прекрасное здание, наподобие тех, что в Чичен-Ице. Таким образом, Кукулькан оставил о себе на Юкатане вечную память». И снова ученые столкнулись со знакомой проблемой, как определить достоверность легенд при воссоздании исторических событий? Предварительные археологические исследования в целом подтвердили ряд существенных деталей рассказа Ланды. Огромный город Майяпан действительно был окружен каменной стеной, а его основные ритуальные постройки были сосредоточены вокруг пирамидального храма, который во многом напоминал Храм Кукулькана в Чичен-Ице. Но гораздо больше сведений о Майяпане содержится в туземных хрониках. Около двух столетий на Юкатане господствовал, по-видимому, «Тройственный союз», состоявший из трех наиболее могущественных городов северной

части полуострова — Чичен-Ицы, Ушмаля и Майяпана. Этот крупнейший политический союз существовал примерно с 987 по 1194 г. н. э. Однако указанные даты толкуются в различных исторических источниках по-разному. Предполагается, что союз, получивший название «Майяпанская лига», в известной степени способствовал установлению стабильности в стране, охваченной внутренними раздорами и усобицами.

Светская власть на всей этой территории находилась, вероятно, всецело в руках правителей, стоявших во главе каждого из трех городов — участников лиги. Но политические распри, тайные интриги и открытые мятежи привели в конце концов к распаду «Майяпанской лиги». Однако археологические находки не подтверждают этих сведений туземных хроник. Благодаря раскопкам, организованным мексиканским правительством, удалось установить, что в Ушмале в течение тех двух столетий, когда, согласно сообщениям, на Юкатане господствовала «Майяпанская лига», не было постоянного и значительного населения. По всей вероятности, число его жителей резко сокращается в конце IX в. н. э. одновременно с запустением других крупных городов майя. Затем выяснилось, что Майяпан стал важным центром лишь после того, как в конце XII в. н. э. Чичен-Ица потеряла свое ведущее положение на Юкатане. По мнению Эрика Томпсона, Джорджа Брейнерда, Альберто Руса и других ученых, все три города, входившие в господствующий триумvirат, развивались далеко не одинаково — во всяком случае это верно для двух столетий предполагаемого правления лиги. Не исключено, что в этот период какая-то федерация городов-государств действительно установила свой контроль над северной частью полуострова. А искаженные сообщения о структуре федерации породили ряд противоречий при истолковании ее истории. Каковы бы ни были действительные факты, сведения туземных хроник о кровавом конце лиги знакомят нас с одним интересным событием — «заговором» Хунак Кееля. Если признать это сообщение достоверным, то мы столкнемся с одной из наиболее значительных драм в истории майя. Из туманных сообщений о возвышении Хунак Кееля — главным образом из книг Чилам Балам — можно заключить, что он был очень обеспокоен той покорностью, с какой все провинции Юкатана подчинились твердой власти «Майяпанской лиги». Особенно подозрительно отно-

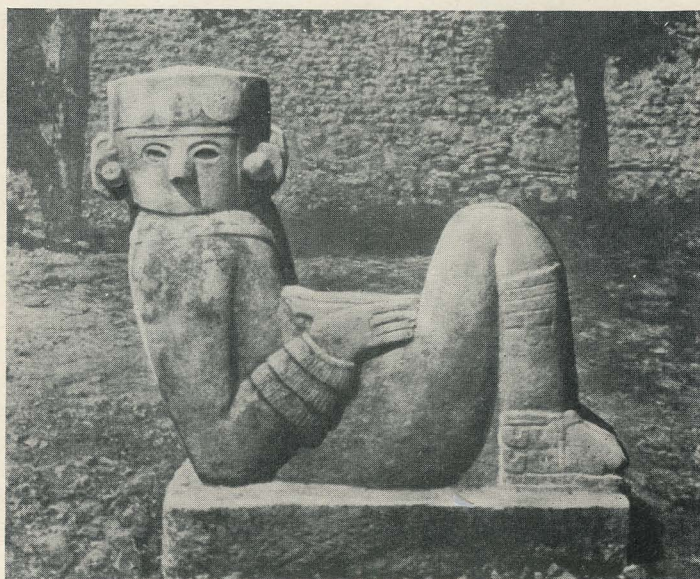
сился он к правителям Чичен-Ицы, власть которых граничила фактически с деспотизмом И вот однажды во время жертвоприношения в Священном колодце Хунак решил изменить незавидную судьбу своего народа. Когда он наблюдал за процессией «чиланов», двигавшейся вместе с пленниками из Храма Кукулькана к Священному колодцу по вымощенной камнем дороге, его охватили неясные предчувствия.

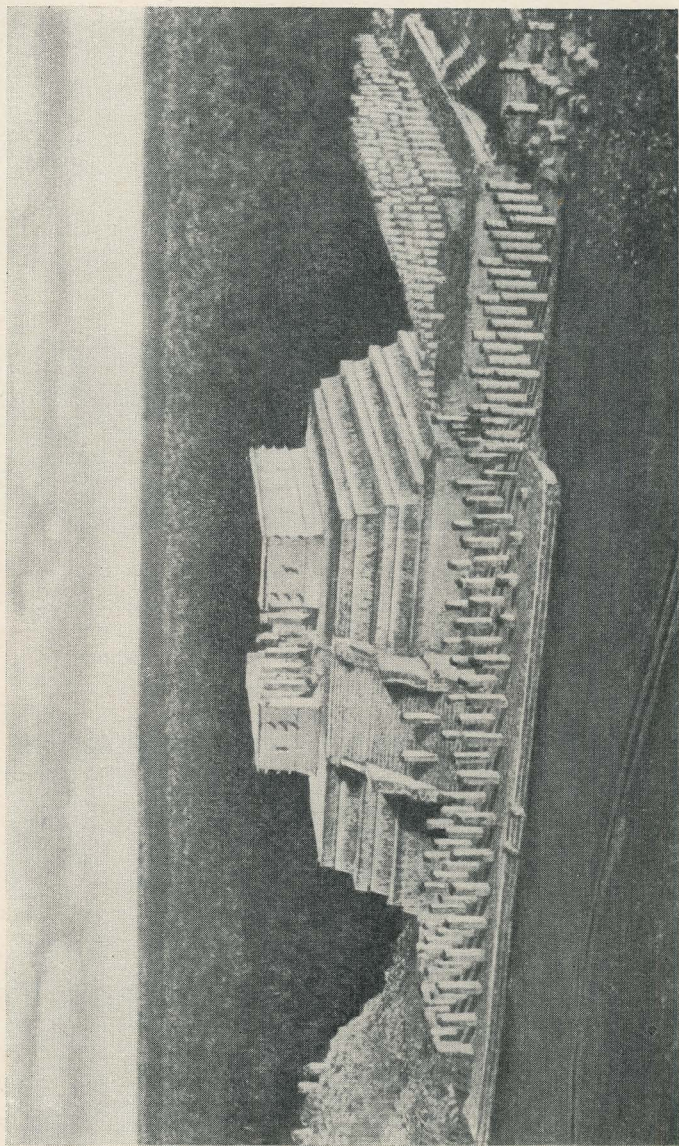
Процессия торжественно прошла по узкому коридору, проложенному сквозь толпу зрителей, и вступила на широкую площадь. Там все участники церемонии поднялись на платформу, стоящую у самого края колодца. Вокруг колодца и поодаль от него, под сенью развевающихся знамен и священных эмблем, колыхалось море крестьянских лиц Пленники стояли неподвижно, словно окаменев от ужаса перед неминуемой смертью. Несколько мгновений спустя их одного за другим подтащили к краю колодца, совершили обряд «помазания», одели на них драгоценные украшения из золота и нефрита и сбросили вниз, в зеленые воды Священного сенота. Затем воцарилась тишина. И в течение всего жаркого тропического утра зрители напряженно ждали на краю омута, когда солнце достигнет зенита. Потом они смотрели вниз, чтобы узнать, не уцелел ли к тому времени кто-нибудь из числа принесенных в жертву, дабы передать людям послание от духов, обитающих в глубине колодца. Когда полуденное солнце повисло прямо над головой, на зеленой поверхности воды уже не было заметно никаких признаков жизни. Не удалось спастись ни одному пленнику, который мог бы рассказать о своем путешествии в потусторонний мир. Возможно, в глубине души Хунак Кеель не был верующим. А может быть, он считал религию лишь средством обеспечения господства знати. Это вполне устраивало Хунака, и он мгновенно принял решение. Выскочив из группы сановников, он взбежал на платформу храма и на глазах изумленной толпы бросился в колодец. Спустя несколько мгновений изумрудные воды колодца всценились, и на поверхности появился Хунак. Он громко объявил, что лично разговаривал с богами и по воле богов, он — Хунак Кеель — назначается правителем маяя. Отвага Хунака покорила наблюдавшую за этой сценой толпу. Раздались крики в поддержку молодого вождя. Его вытащили из колодца и объявили правителем! Это был постыдно драматичный мо-

Храм Кукулькана (Эль Кастильо). Чичен-Ица

Статуя Чак-моола. Чичен-Ица

Храм Воинов. Вид после раскопок. Чичен-Ица

мент — впервые в истории майя один человек захватил в свои руки бразды правления над целой империей¹.

Приход Хунак Кееля к власти означал смертный приговор для триумvirата городов-государств. Хунак Кеель сделал Майяпан единственной столицей своего царства и основал династию, названную по его имени — династией Кокомов. Преданные ему сановники были назначены правителями провинций, но их заставили жить в Майяпане, где Хунак мог лично наблюдать за проводимой ими политикой и следить за их благонадежностью. Но оказавшиеся не у дел правители Чичен-Ицы, вынужденные уступить свою власть Хунак Кеелю, не могли с этим примириться. Хунак, видимо, чувствовал ненадежность своих наместников в этом городе. Особое подозрение вызывал у него правитель Чак Шиб Чак. Хунак искал лишь удобный случай, чтобы навсегда избавиться от этой постоянной угрозы своему безраздельному господству на Юкатане. И вновь нам неизвестно, каким образом он выполнил свое намерение. Сведения источников на этот счет очень противоречивы. Но одно любопытное сообщение из книг Чилам Балам позволяет думать, что Хунак Кеель использовал для осуществления своих честолюбивых замыслов тонкую политическую интригу. Под предлогом спасения невесты одного из своих союзников, которую похитил бесчестный Чак Шиб Чак, Хунак начал против Чичен-Ицы войну. Еще один документ освещает причины этого конфликта совершенно по-иному. Как бы то ни было, разрушения, причиненные Чичен-Ице легионами Хунака, оказались настолько ужасными, что этот город — самая крупная жемчужина в короне майя-ицев — превратился в жалкую грудку развалин. Начиная с конца XII в. н. э. жизнь в прежней столице ицев стала постепенно угасать. И когда четыре столетия спустя армия Монтехо разбила в этом некогда прекрасном городе лагерь, большинство его величественных зданий уже лежало в развалинах. По сообщениям индейских хроник, пленных правителей Чичен-Ицы привели в Майяпан и назначили временными наместниками Кокомов в своей прежней столице. Отныне они должны были управлять ею издалека, из своих резиденций в Майяпане. С этого момента Майяпан превратился в самый могущественный город на полуострове. Его армии выросли за счет наемников, завербованных в Табаско, — свирепых мексиканских воинов, известных под названием

«ах кануль». Их преданность Кокомам была куплена обещаниями славы и военных трофеев после будущих побед. Окружив город каменной стеной и разместив в нем армию, подчиненную лишь ему одному, Хунак Кеель основал династию, которая правила Юкатаном около 250 лет.

Годы царствования Кокомов были очень беспокойными. Часто их власть казалась обременительной даже для их верных фаворитов. Зависть и интриги — неизбежные спутники деспотического режима — постепенно ослабили влияние Кокомов среди подчиненных им вождей. Как только слабость Кокомов стала очевидной, их противники, давно ждавшие этого момента, поспешили воспользоваться «мигом удачи», как это сделал сам Хунак 250 лет назад. В стране зрело недовольство властью Кокомов. Наконец приверженцы некоего Титуль Шиу — одного из потомков династии, правившей прежде в Ушмале, — составили заговор против деспота. «И они убили его (Кокома. — В. Г.), — пишет епископ Ланда, — убив также всех сыновей Кокома, за исключением одного, который отсутствовал в этот момент. Они разграбили его дом и захватили все его имущество.. говоря, что тем самым они возвращают себе то, что у них украли». Согласно другим источникам, Майяпан был осажден в 1441 г. армией, возглавляемой Титуль Шиу, и через некоторое время сожжен дотла. Империя майя находилась на краю гибели. В стране царил полная анархия. Такова сравнительно краткая, но необычайно ценная летопись истории Майяпана, созданная на основе сообщений туземных и испанских хроник. Эта история представляет собой интересное сплетение событий и фактов, совершенно чуждых древним традициям майя, — обнесенные стенами города, господствующие коалиции городов-государств, крупные военные столкновения и политические интриги. Но какие именно сообщения хроник можно считать достоверными? Хронологическая их последовательность отрывочна и запутана. А отдельные детали этих сообщений говорят о том, что они могли быть заимствованы как из фантастических преданий, так и из достоверных источников.

Археологи, пытаясь установить подлинную родословную Майяпана, столкнулись с чрезвычайно трудной проблемой. Ведь руины этого города вряд ли в состоянии воссоздать всю его историю. В ходе раскопок редко удается проследить смену правящих династий и распутать хитро-

сплетения политических интриг, если только они не увековечены с помощью иероглифов на хорошо сохраняющихся предметах. До сих пор никаких надписей, которые освещали бы эти вопросы, найти не удавалось. Но это отнюдь не исключает того, что подобные иероглифические тексты будут в конце концов обнаружены. Серьезным препятствием является и то, что ученые не в силах пока прочесть большую часть иероглифов майя. Кроме того, огромное собрание рукописей доколумбовой эпохи, которые могли бы, по-видимому, пролить свет на политическую историю майя, потеряно для науки из-за фанатизма Диего де Ланды. Если бы эти бесценные труды сохранились, а их иероглифические тексты удалось дешифровать, то отдельные действующие лица и события истории майя стали бы нам так же хорошо известны, как и личности и деяния Цезаря, Атиллы, Карла Великого и Петра I.

Тем не менее огромные размеры Майяпана, его уникальная планировка и та выдающаяся роль, какую он играл, судя по сохранившимся документам, в истории майя, заслуживают самого пристального внимания исследователей. Вот почему группа археологов из Института Карнеги приступила недавно к расчистке от мусора и обломков основных зданий города. Оказалось, что в действительности он гораздо больше, чем считали прежде. Внутри его стен находилось 3500 зданий различных типов. Полученные в ходе раскопок археологические материалы свидетельствуют о том, что Майяпан действительно являлся местом действия тех событий, о которых рассказывают индейские хроники. Джордж Брейнерд писал, что ворота города представляли собой тщательно продуманные оборонительные сооружения. Внутри стен, согласно описанию Ланды, находился ритуальный центр, хотя вторую низкую стену, окружавшую его, так и не удалось найти. Вокруг главных храмов теснились прямоугольные здания с колоннадами и прочными опорными стенами.

Возможно, это были резиденции удельных царьков. Все здания выходили фасадами на площади, вымощенные камнем. «По всей территории города были беспорядочно разбросаны дома. Большинство их, по крайней мере частично, построено из камня. В тех случаях, когда это было возможно, для строительства домов выбирались небольшие естественные возвышения. Это делалось, по-видимому, из-за дренажа, который всегда составлял на Юкатане

(особенно в дождливый период) сложную проблему. Низкие каменные стены, окружавшие дома, отделяли друг от друга эти частные владения. Стены образовывали небольшие дворики неправильной формы. Среди хаотического нагромождения домов причудливо извивались узкие улочки — нечто вроде коридоров между глухими каменными стенами».

Кроме того, в процессе раскопок удалось обнаружить множество интересных предметов, включая вычурные фигурные урны из терракоты, расписанные яркими красками. Особый интерес представляют прекрасно обработанные каменные наконечники стрел. Их находка доказывает, что на вооружении армий Майяпана имелись лук и стрелы — оружие, которого майя раньше не знали.

Каждая раскопанная постройка подтверждает наличие глубокого влияния ицев на Майяпан. Оно проявлялось во всем: в знакомых колоннах в виде змей, круглых зданиях, многочисленных колоннадах и мотивах скульптуры.

Но между Майяпаном и обычным майяским городом есть одно существенное различие: внутри его стен имелось множество зданий, предназначенных исключительно для жилья. Они расположены вдоль узких улочек и состоят из отдельных густо населенных кварталов. Это позволяет предполагать, что жрецы, знать, воины и земледельцы, т. е. все четко разграниченные ранее слои общества, в целях обороны² жили теперь вместе внутри городских стен. Хотя Майяпан долгое время имел сравнительно небольшое население, его наиболее величественные здания сооружены уже после того, как Чичен-Ица достиг в конце XII столетия своего наивысшего расцвета. По внешнему облику Майяпан напоминал настоящую крепость. Это объясняется, по-видимому, страстью Кокомов к войне. Прямоугольные здания, сгруппированные вокруг наиболее важных храмов, могли, по мнению Брейнерда, служить жилищами царьков, приведенных в Майяпан из провинций, которые завоевали Хунак Кеель и его преемники. Судя по всему, этот цветущий город погиб в бушующем море огня. Хотя мы можем лишь гадать, кто действительный виновник его гибели, — легионы Тутуль Шиу, как об этом говорят хроники, или существовала какая-то иная причина.

Характер археологических находок из Майяпана отражает полный упадок некогда блестящей империи, которая

оказалась теперь на грани катастрофы: обнесенное стенами убежище с гарнизоном из наемных войск; господство Майяпана поддерживается только силой оружия; его искусство и ремесла в полном упадке; во главе его стоят люди, которые больше боятся военной силы, чем богов; в правящем совете города сидят бывшие вожди покоренных провинций — марионетки по назначению и политические заложники в действительности.

Эти печальные перемены уже лишили майя многих достижений их предков. Как могли они произойти у народа, воспитанного в самых высоких эстетических традициях? Не исключено, что они были вызваны крахом классической культуры. Вслед за бурными событиями этих лет на Юкатане появились ицы и стали насаждать среди майя совершенно новую идеологию. Эрик Томпсон в своей книге «Расцвет и гибель цивилизации майя» сделал ряд важных наблюдений о разрушительном воздействии религии ицев на культуру и традиции майя. Вместе с тольтекскими колонистами на Юкатан пришли их свирепые воинственные боги, уничтожившие в конце концов старые привычные культы, таинственность которых так долго прикрывала рабский удел майяских земледельцев.

Поклонение кровожадным мексиканским богам требовало огромного числа человеческих жертв. И верующие вынуждены были вести постоянные войны для умиротворения своих кумиров³. В результате взаимного смешения майя и ицев появилось новое поколение, которое охотно отказалось от смутных воспоминаний о древней религии, предпочтя ей более конкретные обещания энергичных тольтекских богов — повелителей войны, огня, жертвоприношений и солнца. Заветы этих богов гласили: «Поите нас досыта кровью пленных, и вы будете вознаграждены по заслугам». В конечном итоге поклонение богам войны изменило общество — солдат узурпировал светскую власть, бывшую прежде привилегией жрецов. Это продолжалось до тех пор, пока майя окончательно не запутались в бесконечных междоусобицах и войнах. Майяские юноши познали радости, неведомые их предкам, — упоение лязгом оружия и сладость побед. Но это были опасные радости, которые в конце концов привели к гибели майяскую цивилизацию. Как похоже это лихорадочное возбуждение на последние дни Египта эпохи фараонов или императорского Рима. И как напоминает это проблемы XX в. Каков

бы ни был полный перечень причин резкого изменения идеалов майя, плоды цивилизации, унаследованные ими, исчезли навсегда вместе с насильственной гибелью Майяпана. То, что происходило позднее, после его разрушения в 1441 г., вновь нужно извлекать из ранних хроник. Но и они дают лишь отрывочные сведения о тех беспокойных временах, которые обрушились на Юкатан. Нам известно, что один представитель династии Кокомов уцелел после гибели их прежней столицы. Он увел остатки своих приверженцев прочь от разграбленного города и основал в другом месте новое селение, названное Тиболоном.

Ах кануль — профессиональных воинов, набранных Кокомами в свою личную гвардию, — изгнали в северо-западную часть полуострова. Задолго до этого многие жители Чичен-Ицы, спасаясь от гнева Хунак Кееля, переселились на юг, в глубь лесов Петена. Там, на одном из островов большого озера Петен, они построили крепость под названием Тайясаль⁴. А победоносные вожди Тутуль Шиу построили себе новую столицу в городе Мани, в 70 милях к юго-востоку от Чичен-Ицы. По иронии судьбы, слово «мани» означает буквально «все кончено». Ни один правитель не обладал силами, достаточными для объединения обширных провинций, которые разделили теперь Юкатан на несколько враждующих военных лагерей. Но каждый правитель надеялся осуществить подобное объединение под собственной эгидой. И вот наступила драматическая развязка. На всем полуострове свирепствовали войны. Мирные селения подвергались непрерывным набегам с целью захвата будущих жертв и крепких юношей, годных для воинской службы. Часто нападающие поджигали окрестные поля кукурузы для того, чтобы лишить пищи местных жителей и подчинить их тем самым алчному правителю. Один за другим появлялись и исчезали мелкие царьки, которых устраняли обычно путем дворцовых переворотов или просто убивали. Человеческая жизнь потеряла всякую ценность. Попытки сохранить старые традиции терпели неудачу. Все ритуальные центры подверглись опустошению. Искусство и наука пришли в упадок. Воспоминания о «золотом веке» никогда не воскресали больше в памяти людей, хотя следы его наверняка сохранились в легендах, а древние разрушенные храмы служили материальным доказательством его существования. Созидательные силы общества иссякли. Здравый смысл, казалось,

навсегда, покинул майя. И некому было показать ничтожество их жестоких богов, которые ввергли страну в бесконечные войны. После четырех столетий непрерывных усобиц меч стал единственным судьей между людьми, средством наживы и синонимом безопасности. А предсказателей катастрофы никто не слушал.

Военные лагеря, грабежи, раздоры, экономический и моральный упадок — все это тяжелым бременем легло на плечи народа. У майя не осталось больше времени для исправления печального состояния дел в стране. Шла уже весна 1517 г. У берегов Юкатана появились корабли Эрнандеса де Кордобы, и майяский часовой доложил уже о них своему вождю. Со свитой вассалов этот вождь подошел к самой кромке воды, чтобы разглядеть как следует странные горы, выплывающие из моря под шапкой облаков. Ему вспомнилось, что пророческие строки из книг Чилам Балам уже предсказывали это:

В этот день гибель придет на землю;
В этот день поднимется туча;
В этот день сильный человек захватит эту землю;
В этот день все погибнет...

Тут же был создан совет вождей. Затем они на своих лодках-каное отправились для переговоров с посланцами Карла V, императора Испании, «самого могущественного человека того времени». Одним из преимуществ археологии является возможность вернуться в прошлое, следуя по пути, пройденному различными цивилизациями древности. Мы двигаемся вспять от причины к следствию, от кульминационных вершин цивилизаций к таинственным истокам их происхождения и создаем таким образом новый взгляд на события прошлого. Пробелы, которые можно заполнить лишь с помощью научных предположений, существуют всегда. Но после разносторонних и настойчивых исследований в конце концов вырисовывается правдивая картина исторических событий.

Майя достигли в классическую эпоху изумительных успехов и заняли выдающееся положение среди других цивилизаций древности. Достаточно посмотреть на динамичную скульптуру Копана или побродить среди внушительных зданий Паленке, чтобы понять одну истину: основная цель творчества майя — гармоничное единство человека и темных сил природы, человеческий опыт в

сочетании с религиозным мистицизмом. До тех пор, пока господствовала эта философия, объединявшая все усилия общества, майя во всем сопутствовала удача⁵. Что же вдруг нарушило их размеренный образ жизни? Что открыло дорогу губительным влияниям извне? Никогда не следует объяснять упадок крупной цивилизации только одной какой-нибудь причиной. В культуре майя семена упадка были заложены с самого момента ее возникновения. И каждое из них могло сыграть свою роль в последующей гибели этой цивилизации. Ученые особенно выделяют тот факт, что система земледелия майя — один из важнейших стимулов их развития — оставалась на протяжении всей их истории довольно примитивной. Майя не знали ирригации и севооборота. У них отсутствовали многие необходимые земледельческие орудия. Подсечно-огневое земледелие приводило к большой разбросанности населения и требовало почти непрерывной борьбы с джунглями. Окружающая природная среда вряд ли значительно изменилась с тех пор. Она явно неблагоприятна для жизни человека — жара, влажность и непроходимые джунгли. Но именно здесь зародилась и расцвела впоследствии цивилизация майя. Очевидно, постоянная борьба с враждебной природой способствовала развитию творческой энергии и талантов майя. Казалось, они нашли способ успешно преодолевать эти внешние трудности. Несмотря на их неблагоприятное воздействие, майя добились блестящих успехов в астрономии, математике, иероглифической письменности, архитектуре и скульптуре⁶. Следует также напомнить, что их орудия оставались крайне примитивными. Именно на этом важном факте и основывает Сильванус Морли свою оценку цивилизации майя: «Первые пять ступеней, через которые, по общему признанию, проходит человек на своем длинном и трудном пути от дикости к цивилизации, заключаются в следующем: овладение огнем, изобретение земледелия, приручение животных, создание металлических орудий и открытие колеса. Последовательность этих ступеней не всегда одинакова в разных частях света, хотя овладение огнем бесспорно является повсюду первым шагом, а изобретение земледелия во многих местах — вторым. Порядок прохождения остальных трех ступеней различен. Как соотносится развитие культуры майя с этими пятью основными ступенями человеческого прогресса? Само собой разумеется, майя владели

огнем, научившись добывать его с глубокой древности. Мы уже знаем, что, несмотря на сравнительно неблагоприятные условия природной среды, они создали эффективную систему земледелия, приручили дикого индюка и держали близ своих домов в специальных хижинах с тростниковыми крышами рой не имевших жала пчел. Но зато они не имели тягловых животных, которые в такой огромной мере облегчили человеку жизнь в Старом Свете. На всей территории Америки в доколумбову эпоху можно встретить лишь два случая применения тягловых животных: древние перуанцы использовали в качестве вьючного животного ламу, а эскимосы заставили своих собак таскать сани. Вся громадная программа архитектурного строительства древних майя выполнена без помощи тягловых животных, исключительно руками человека. У майя не было орудий из металла. В Древнем царстве металл вообще неизвестен, а в Новом царстве (теперь этот период называют „мексиканским“) золото, медь и их сплавы употреблялись только для производства украшений и предметов культа (кольца, бусы, подвески, серьги, колокольчики, чаши, блюда, пластинки и т. д.). Древние майя не знали и колеса. У них отсутствовали колесные повозки.. а большинство специалистов в области древнеамериканской керамики считает, что гончарный круг также здесь неизвестен.

Иными словами, майя были знакомы и использовали в повседневной практике только первые два достижения из пяти, составляющих ступени на пути к цивилизации. В то же время древние египтяне, халдеи, вавилоняне, ассирийцы, персы, китайцы, финикийцы, этруски, греки и римляне обладали всеми пятью достижениями цивилизации. Кхмеры Камбоджи и строители огромных, высеченных в скалах храмов на острове Ява оказались, кроме майя, единственными народами, которые очень рано создали высокие цивилизации во влажных тропиках. Но и они использовали в своей повседневной практике эти пять главных достижений человеческого прогресса. Для того чтобы найти в Старом Свете аналогию уровню культурного развития майя, нам необходимо отправиться в глубь истории человечества — к началу неолитической эпохи, в век шлифованных каменных орудий, когда человеческие знания и техника были одинаково бедны. На этом примитивном уровне развития и только на нем можно сравнивать цивили-

лизацию майя с древними цивилизациями Старого Света. И если сделать подобное сравнение, то окажется, что, начав с такой же ступени развития, ни один народ Старого Света не смог достичь тех высот, каких достигли древние майя в Центральной Америке».

Загадку гибели культуры майя, если она будет вообще когда-нибудь решена, бесспорно нужно искать в неярких на первый взгляд явлениях. Особенно это касается вопроса об отношении рядового населения к правящей жреческой верхушке.

Хотя и земледельцы, и жрецы появляются на определенной ступени развития общества, они всецело зависят друг от друга. Вполне возможно, что жрецы рассматривали власть над народом, как законное право благодаря своей ведущей роли в обществе. Но постепенно они стали заниматься вопросами, не имеющими прямого отношения к богам земли, от которых, по всеобщему убеждению, зависела жизнь земледельца.

Религия ушла в чисто абстрактные сферы, пока не потеряла, наконец, всякую связь с земледельцами, от труда которых зависело жречество. Последующие открытия в Тикале позволяют предполагать, что некое подобие гражданской войны возникло у майя гораздо раньше, чем обычно думают исследователи. Недавно там обнаружили стелы, датируемые серединой классического периода, которые были, по-видимому, намеренно разбиты так же, как и ритуальные предметы из Пьедрас Неграса. Хотя до конца оценить значение этих находок еще нельзя, не исключено, что уже в то время земледельцы открыто выражали свое недовольство гнетом жрецов.

А может, это следы борьбы внутри самого клана жрецов? Какова бы ни была причина гибели Древнего царства, последствиями которой явились поглощение его чудесных городов джунглями, исчезновение духовных достижений и невежество народных масс, цивилизация майя вступила в полосу упадка. Мы знаем, что за 150 прошедших лет археология майя вырвалась из бездны скептицизма и туманных разглагольствований и превратилась в подлинную науку. Археологи добились уже немалых успехов. Но перед ними по-прежнему множество нераскрытых тайн. А ряд проблем, с которыми ученые сталкивались еще сто лет назад, не решен и до сих пор. Многие еще предстоит изучить, узнать, исправить и дополнить. Особенно это касается ос-

новых этапов развития цивилизации майя, начиная с архаических времен. Мы все еще точно не знаем, где в ходе древних переселений впервые объединились майоидные племена? Когда именно они заселили область тропических лесов? ⁷ Нам остается лишь гадать о том, когда и как письменность и календарь стали основными движущими силами в развитии майя. Ведь две трети их иероглифических писем еще надо дешифровать. Только тогда бессмысленные ныне надписи станут достоянием науки. Практически у нас нет никаких сведений о системе управления городов-государств, об их торговых и политических связях. Неизвестна также истинная причина гибели Древнего царства, поразившей его в момент наивысшего расцвета. Она остается загадкой, не имеющей аналогий в мировой истории. И в современных, и в древних империях история кажется непрерывной цепью периодов подъема и упадка. На смену эпохе «варварства» и застоя всегда приходил свой «ренессанс». Но цивилизация майя сама толкнула себя на путь гибели! Почему? Возможно, мы этого так никогда и не узнаем.

Множество вопросов, касающихся мексиканского периода, также ждет еще своего объяснения: подробная история ицев и пути, по которым они пришли на Юкатан; источник предания о Кедалькоатле-Кукулькане и вся интригующая картина усабиц мелких царьков, правящих династий и непрерывных войн, сделавших майя беззащитными перед угрозой испанского вторжения, и т. д.

В 1956 г. экспедиция Института центральноамериканских исследований при Туланском университете (США) начала раскопки нескольких сильно пострадавших от времени холмов в местечке Дзибилчалтун, близ города Мерида, на Юкатане. Экспедицию возглавлял археолог Уиллис Эндриус. Результаты раскопок превзошли все ожидания. Оказалось, что этот неизвестный доселе город был, возможно, крупнейшим центром древних майя. Его руины занимают площадь свыше 20 квадратных миль. Но гораздо важнее другое открытие: Дзибилчалтун возник в раннеархаическое время (возможно, еще в 2000 г. до н. э.) ⁸ и существовал в течение всех этапов развития культуры майя. Он был свидетелем ее зарождения, ее расцвета, таинственной гибели ее блестящих достижений и наконец беспоконных столетий накануне и после Конкисты. Признав огромное значение Дзибилчалтуна для установления

непрерывной последовательности событий на Юкатане, недавно к работе по воссозданию истории города присоединилось и Национальное географическое общество (США).

Далеко на юге, в лесах Петена, археологи из музея Пенсильванского университета во главе с Эдвином Шуком раскапывают и реставрируют внушительные постройки Тикаля. Это грандиозное предприятие. Для снабжения экспедиции водой и припасами потребовалось открыть специальный аэродром. А для того чтобы разместить персонал на те 10 лет, которые необходимы для завершения проекта работ, был построен постоянный лагерь с лабораторией. В джунглях реки Усумасинты и ее притоков ведет широкое обследование и раскопки экспедиция Музея Пибоди при Гарвардском университете. В Кампальхую — одном из важнейших памятников горной Гватемалы — много лет проводятся раскопки и реставрационные работы. Я верю, что придет время, когда какой-нибудь ученый, чиклери, а может быть, и горный инженер сделает очередное потрясающее открытие — новое доказательство гения майя, найдет ключ к дешифровке их письменности, установит графическое изображение событий, лежавших в основе упадка Древнего царства на фресках или в иероглифических кодексах, узнает о неизвестных ранее торговых путях или о личности Кукулькана. В любой момент даже случайное открытие может помочь разрешить многовековую загадку. Огромные районы Древнего царства майя еще совершенно не исследованы. Река Усумасинта несет свои воды мимо бесчисленных древних городов, которых не касалась еще рука археолога. В джунглях Петена и в центральной части Юкатана находится несметное множество разрушенных храмов и акрополей. Горные районы Гватемалы и Гондураса буквально усеяны холмами-пирамидами и наполовину сохранившимися постройками. Подобно Стефенсу, Моудсли, Томпсону и Русу, новое поколение ученых станет изучать загадки цивилизации майя. И эти исследователи вырвут в конце концов ее тайны у безмолвных джунглей.

Что может быть привлекательнее и почетнее этой задачи?

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ МАЙЯ (1959—1963)

Экспедиции Стефенса, Моудсли и Малера открыли первую страницу в изучении культуры майя, показав всему миру богатство поверженной индейской цивилизации. Но это был лишь первый шаг. Археологические раскопки древних городов Центральной Америки начались гораздо позднее — в 20-х годах нашего века.

Таким образом, археология майя — наука довольно молодая: ей всего каких-нибудь 40—50 лет от роду. Вполне естественно, что она не знает таких достижений, какие имеет, скажем, археология Востока или античного мира.

Каждый сезон археологических работ в Центральной Америке приносит новые поразительные открытия, заставляющие подчас полностью менять всю сложившуюся систему взглядов. Новые находки в этой области так многочисленны, что описать их все просто невозможно. Поэтому речь пойдет лишь о наиболее важных и интересных, внесших значительный вклад в изучение культуры майя.

По ряду причин до сих пор остаются нерешенными даже самые важные проблемы цивилизации майя — проблема происхождения и характер общества майя в классическую эпоху (III—IX в. н. э.), а также причины гибели Древнего царства майя в конце IX века н. э.

В настоящее время большинство археологов-американистов считает, что цивилизация майя возникла на основе раннеземледельческой культуры предшествующего архаического (или доклассического) периода¹. Но прямых точек соприкосновения между этими культурами пока немного. Кроме того, в низменных районах майя — в Петене, Британском Гондурасе и в долине реки Усумасинты —

древнейшие памятники земледельцев появляются лишь в начале 1 тысячелетия до н. э., а до этого момента здесь почти отсутствуют следы человеческого обитания. Следовательно, если даже признать, что цивилизация майя в низменных тропических районах ведет свое начало от местной культуры архаического времени, то происхождение последней опять-таки остается загадкой. Судя по всему, это культура пришлая. Она появляется на всей огромной территории низменных районов, от Юкатана до реки Улуа (Гондурас), почти одновременно — в начале 1 тысячелетия до н. э. — и имеет вполне сложившийся облик. Но откуда могли прийти племена — носители этой культуры? Последние открытия в мексиканском штате Чиapas проливают некоторый свет на эту проблему. В 5 км к северо-западу от городка Окосокоаутла находится небольшая пещера, известная среди местных жителей под названием Санта Марта. В этой пещере археологи Р. Мак-Нейш и Ф. Петерсон обнаружили и раскопали древнюю стоянку². Оказалось, что находки из нижних слоев пещеры относятся еще к эпохе охотников и собирателей и датируются по радиоуглеродным анализам 7—6 тысячелетиями до н. э. (этап Санта Марта). Самый верхний слой стоянки отражает уже развитую раннеземледельческую культуру. Здесь в изобилии встречаются обломки глиняной посуды и остатки обожженных кукурузных початков. Этот этап, получивший название «Которра», или «Чиаса I», судя по данным C_{14} , относится к середине 2 тысячелетия до н. э.³

Стратиграфия пещеры Санта Марта впервые позволила проследить на территории майя последовательность развития местной культуры, начиная от эпохи первобытных охотников и собирателей вплоть до появления развитого земледелия.

В том же районе, в центральной впадине Чиаса, археологи США ведут раскопки большого древнего селения — Чиаса де Корсо. В ходе исследований выяснилось, что древнейшие слои Чиаса де Корсо содержат находки, аналогичные самым поздним предметам из пещеры Санта Марта — это материалы этапа «Которра», или «Чиаса I». С этого времени развитие местной культуры проходит без заметных перерывов через ряд последовательных этапов вплоть до порога цивилизации⁴ — рубежа нашей эры.

Известно, что в классическую эпоху, в 1 тысячелетии н. э., территорию Чиаса населяли племена майя. Наход-

ки из пещеры Санта Марта и из Чиапа де Корсо убедительно показали, что предки майя обосновались в этом районе уже в глубокой древности. По некоторым, пока немногочисленным, признакам можно предполагать, что именно население горных районов (Чиапаса и Гватемалы) колонизовало в начале 1 тысячелетия до н. э. обширную область тропических джунглей. Об этом говорят, например, находки из древнейших слоев города Алтарь Жертв в западном Петене. Они удивительно близки ранним материалам Чиапа де Корсо. Керамика этапа «Ше» из Алтаря Жертв идентична керамике этапа «Чиапа II» в Чиапа де Корсо⁵.

Здесь же было сделано еще одно поразительное открытие. В 1962 г., раскапывая пирамиду архаического времени, археологи нашли каменную гробницу со ступенчатым сводом. Учитывая ее местонахождение, можно предположить, что гробница относится к позднеархаическому периоду, т. е. к 300—200 гг. до н. э.⁶ До сих пор считалось, что каменная архитектура со ступенчатым сводом появляется у майя лишь с началом цивилизации — в 300—400 гг. н. э. Находка в Алтаре Жертв — первое доказательство того, что и эта черта цивилизации зародилась в предшествующий, архаический период.

Значительным событием в археологии майя явились раскопки в крупнейшем центре Древнего царства — городе Тикале (Северная Гватемала). Экспедиция Пенсильванского университета ведет здесь исследование и реставрацию древних зданий. Работы рассчитаны на 10 лет (1956—1965). Чарльз Галленкамп кратко упоминает об исследованиях в Тикале. Но к моменту выхода в свет его книги раскопки в городе только разворачивались и результаты их еще не были опубликованы.

Открытия в Тикале касаются самых различных сторон культуры майя. Наиболее ранние материалы, найденные здесь, относятся к среднеархаическому этапу «Мамом» и датируются по C_{14} 568 ± 45 гг. до н. э.⁷ Однако основное ядро города — его ритуальный центр — возникает несколько позднее, в 200—100 гг. до н. э.⁸

Не меньший интерес представляет находка одной ранней гробницы со ступенчатым сводом (погребение 85). Внутри нее находился скелет взрослого мужчины и разнообразный погребальный инвентарь: глиняные сосуды позднеархаического этапа «Каук» — местной разновидности

культуры «Чиканель»; иглы морского ежа; морские раковины *Spondylus* и каменная маска с инкрустацией из раковин. Судя по радиоуглеродным анализам, эта гробница относится к рубежу нашей эры⁹. Но керамика позволяет отнести возраст захоронения к 200—100 гг. до н. э. Примечательно, что многие черты погребального обряда, представленные здесь, становятся позднее типичными для погребений эпохи цивилизации.

Приняв во внимание открытия в Тикале и в других местах, можно предположить, что цивилизация майя в низменных районах появляется не в 300 г. н. э., как считали прежде, а на три-два столетия раньше.

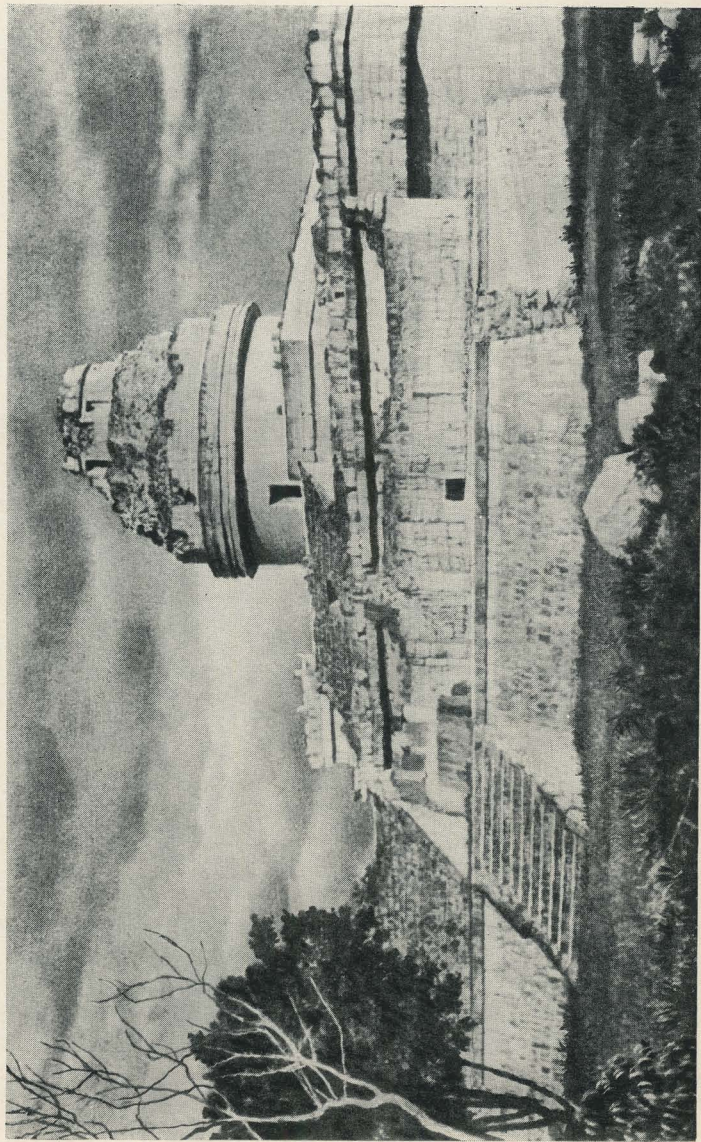
Гораздо полнее представлена в материалах Тикаля культура классического периода. В некоторых храмах археологам удалось найти балки из необычайно твердого дерева сапоте, большинство которых было покрыто вычурной резьбой и иероглифическими надписями. Когда-то такие балки обрамляли дверные проемы всех главных храмов города, но безжалостное время уничтожило значительную их часть. Уцелевшие образцы с вырезанными на них календарными датами майя были изучены с помощью радиоуглеродного анализа. Оказалось, что наиболее близка к истине система корреляции Гудмена — Томпсона — Мартинеса.

Так, например, притолоки из Храма I имели календарные надписи 9.14.0.0.0, что соответствовало по корреляции Гудмена — Томпсона — Мартинеса 711 г. н. э., а по корреляции Спиндена — 451 г. н. э. Радиоуглеродная дата для этих же балок составляла в среднем 684 ± 37 г. н. э.¹⁰ После работ в Тикале вся хронология майя строится теперь по системе Томпсона — Гудмена — Мартинеса.

В 1959 г. в городе была найдена каменная стела с календарной надписью, соответствующей 292 г. н. э. Это древнейший датированный монумент, найденный до сих пор на территории майя. Он на 36 лет старше стелы 9 из Вашактуна и на 28 лет — «Лейденской пластинки»¹¹. Всего в Тикале найдено свыше 50 стел и алтарей с резными изображениями и надписями.

Изучая иероглифические тексты, высеченные на стелах, ученые пришли к выводу, что именно в Тикале была изобретена единая система лунного календаря майя. Самые ранние его образцы на несколько столетий опережают подобные находки в других городах майя¹².

Здание астрономической обсерватории (Караколь). Вид после раскопок. Чичен-Ица

Храм Ягуаров. Чичен-Ица

Нельзя не сказать и нескольких слов о великолепной гробнице позднеклассического времени, обнаруженной в самом конце 1962 г. в глубине огромной пирамиды, на вершине которой стоит Храм I. Содержимое гробницы оказалось необычайно богатым: множество глиняных сосудов с красивой полихромной росписью, драгоценные украшения из нефрита и жемчуга, раковины и т. д. Внутри погребальной камеры находился скелет. Он принадлежал взрослому мужчине и был сплошь усыпан нефритовыми бусинами.

Но самые поразительные находки ждали археологов в южном конце гробницы. Там на небольшом возвышении лежали каменная статуэтка и кучка истлевших человеческих костей¹³. При более тщательном осмотре на поверхности этих костей удалось разглядеть тонкие резные изображения: 37 обломков из 89 имели резные рисунки и иероглифы. Наиболее интересны изображения на мифологические темы: каноэ, в котором сидят странные пассажиры — смеющаяся ящерица-игуана, собака, попугай и бог солнца. По своему изяществу и необычайной динамичности эти миниатюрные рисунки ни в чем не уступают знаменитым фрескам Бонампака и рельефам Пьедрас Неграса.

В свое время Сильванус Морли выдвинул гипотезу о двух царствах. По его мнению, Древнее царство майя занимало лесистые районы Северной Гватемалы, Британский Гондурас и южномексиканские штаты Чиапас и Табаско. Именно здесь в 300—900 гг. н. э. находился центр цивилизации майя. Именно здесь культура и искусство майя достигли наивысшего расцвета. Затем, в конце IX в. н. э., Древнее царство пришло в упадок, а жители его переселились на север — на полуостров Юкатан, где возникло Новое царство (X—XVI вв. н. э.)¹⁴.

Сомнения в достоверности гипотезы Морли появились давно, но конкретные факты, противоречащие ей, были до последнего времени крайне немногочисленны. И вот в 1956 г. археологическая экспедиция Туланского университета и Национального географического общества приступила к исследованию древнего города Дзибилчалтуна, руины которого находятся в 14 км к северу от Мериды, на полуострове Юкатан. После нескольких сезонов работ удалось получить значительный археологический материал, охватывающий хронологический период от 1000 г. до н. э. до испанского завоевания. При этом все находки из

Дзвибилчалтуна — и самые ранние и самые поздние — очень близки материалам с территории Древнего царства. Здесь были найдены храмы типично майяского стиля, резные каменные стелы и иероглифические надписи. Следовательно, и на Юкатане, и в Петене (Северная Гватемала), несмотря на известные локальные различия, развивалась одна и та же культура, причем развитие это протекало параллельно ¹⁵.

Вопрос о социальном строе майя в классическую эпоху (и тесно связанный с ним вопрос о появлении древнейшего государства в Мезоамерике) — один из наиболее трудных и запутанных вопросов американской истории. Это объясняется и необычайной сложностью самой проблемы, и скудостью материалов, освещающих ее. Большинство западных исследователей признает, что в 1 тысячелетии до н. э. общество майя было классовым и что в городах-государствах майя преобладала теократическая форма правления. Это означает, что во главе общества стояла могущественная каста жрецов, которой подчинялись все остальные социальные группы (светская знать, ремесленники, торговцы и земледельцы) ¹⁶. Правда, в последнее время археологи и этнографы США выдвинули новую точку зрения, согласно которой у древних майя вообще не было антагонистических классов: каждый член общества мог быть избран на любую, самую высокую религиозную или административную должность, а уровень жизни рядовых земледельцев мало чем отличался от жреческого ¹⁷.

Прежде чем ставить вопрос о возникновении классового общества у майя и о формировании государственной власти у них, необходимо, учитывая крайнюю скудость наших источников о классическом периоде, ясно представить себе характер уже сложившегося классового общества и государства майя. Это тем более полезно, что поздние этапы майяской истории сравнительно полно освещены в испанских и индейских хрониках. Анализ археологических и письменных источников этой эпохи показывает, что к моменту появления в Новом Свете испанцев на территории майя существовало несколько мелких самостоятельных городов-государств. Между этими государствами (или «провинциями», как их называют в испанских хрониках) велись бесконечные войны с целью захвата добычи и рабов. Вся полнота власти внутри «провинции» сосредоточивалась в руках светского правителя — «халач винака».

Власть его была наследственной. Кроме общего управления своим государством и руководства его внешней политикой, «халач виник» был верховным военачальником и исполнял некоторые религиозные функции¹⁸. Помимо обширных плантаций фруктовых деревьев и какао, находившихся в полной собственности правителей и обрабатывавшихся рабами и клиентами, правители получали различного рода дани и налоги с подвластного им населения¹⁹.

Судя по данным ранних хроник, в XVI в. общество майя было классовым. Оно четко разделялось на три больших класса: знать, общинников и рабов. Жрецы составляли особую прослойку внутри знати. «Жречество играло огромную роль в общественной жизни, так как в его руках был сосредоточен не только религиозный ритуал, но и почти полностью научные знания и искусство. Верховный жрец, бывший советником „халач виника“ (курсив мой. — В. Г.), назначал жрецов в селения, и те в свою очередь были советниками батабов»²⁰. Следовательно, жречество, несмотря на все свое влияние, не являлось господствующей силой в обществе. У «кормила власти» находились представители светской аристократии, во главе с «царем» — «халач виником». В целом социальный строй майя имеет много общего с древневосточным обществом на ранних этапах его развития (Шумер, Египет, Ассирия). Как и на Древнем Востоке, мы находим у майя достаточно развитое рабовладение, наряду с сохранением преобладающей роли общины, расслаивающейся на зажиточных и неимущих членов. Аристократы и жрецы, кроме рабов, подвергали жестокой эксплуатации и свободных общинников путем различного рода повинностей, даней и поборов²¹.

Однако для классической эпохи мы располагаем исключительно археологическими данными. Испанские и индейские источники хранят полное молчание относительно событий ранее X в. н. э., а многочисленные иероглифические тексты, высеченные на рельефах, стелах и алтарях городов Древнего царства, к сожалению, пока не прочитаны. Естественно, что одного археологического материала при реконструкции столь сложного явления, как характер древнего государства майя, явно недостаточно. Вот почему столь большое значение приобретают сведения письменных источников более поздней эпохи. Вполне возможно, что, несмотря на всю свою специфику, социальные институты майя классической эпохи в общих чертах были близки

тем, что мы застаем у них в XVI в. Анализ археологических данных показывает, что уже с первых веков нашей эры у майя наблюдается значительное классовое расслоение. Величественные каменные храмы и пышные многокомнатные дворцы резко контрастируют с убогими жилищами рядовых горожан и земледельцев. Великолепные гробницы аристократов и жрецов с драгоценными вещами и человеческими жертвоприношениями — с одной стороны, и скромные могилы простого люда — с другой, красноречиво говорят о той глубокой пропасти, которая отделяла правящую верхушку от остального населения.

Анализ мотивов классического искусства майя заставляет нас обратить внимание на интересную группу изображений, которая встречается чаще других. Речь идет об изображениях персонажей (назовем их пока условно «правителями») в богатых одеждах, вычурных головных уборах и с различными регалиями и атрибутами власти. В одних случаях эти персонажи сидят в окружении фигур меньшего масштаба (например, рельеф из Пьедрас Неграса). В других — сцены, где они участвуют, носят ярко выраженный триумфальный характер: вождь-победитель поражает копьем врагов, топчет ногами их поверженные тела или принимает знаки покорности от неприятеля (стела 12 из Пьедрас Неграса). Кого же изображают эти произведения искусства? Может быть, жрецов? Именно так и думает большинство зарубежных исследователей. На наш взгляд, это правители городов-государств — «халач виники». На светский характер этих персонажей указывают такие атрибуты их власти, как троны, скипетры, щиты, копья и т. д. О том, что трон является непременной принадлежностью именно царской власти, лишний раз доказывает изречение из эпоса майя-киче «Пополь-Вух»: «Там же они достигли величия, там поместили свои блестящие троны и царские сиденья, и там распределили они полагающиеся почести среди царей»²². Многочисленные сцены триумфа на памятниках классического искусства майя (царь-победитель и связанные пленники у его ног, царь, поражающий врагов или топчущий их тела, и т. д.) лишний раз свидетельствуют о военном характере царской власти. В то же время увеличенные размеры фигуры правителя по сравнению с остальными персонажами подчеркивают божественный характер и несокрушимую мощь царской власти. Если мы обратимся к искусству древних цивилиза-

Фрагмент настенной росписи с изображением жрецов.
Муть-Чик, Юкатан

Настенный рельеф из Храма Воинов с изображением тольтекских воинов. Чичен-Ица

ций Востока, то без труда найдем там множество сходных по характеру мотивов, причем некоторые из них сопровождаются надписями, не оставляющими никаких сомнений в их содержании²³.

Тематика описанных выше произведений искусства отражает довольно развитый общественный и государственный строй. «В образе царя, торжественно восседающего на троне в окружении сановников и слуг или поражающего врага на поле брани, мы видим каноническое изображение божественного монарха, ставшее типичным для всей классической эпохи... фигура царя торжественно и величаво возвышается над остальными людьми, равная по своим размерам лишь фигурам богов. Так искусство наряду с религией проводило в жизнь и утверждало догмат о божественной сущности персоны царя и царской власти»²⁴.

У майя, как и у народов Древнего Востока (Шумер, Египет, Индия, Китай), в эпоху становления классового раннерабовладельческого общества, видимо, существовала специфичная форма государственного правления типа восточной деспотии. Ее особенностями являются важная роль общины в жизни общества и идеология обоготворения царя. Последняя служила мощным орудием порабощения народных масс и подчинения их интересам правящей верхушки знати и жрецов.

Последние открытия в Алтаре Жертв проливают некоторый свет и на загадку внезапной гибели цивилизации майя. Как уже говорилось, город возник еще в архаический период, около 1000 г. до н.э., и существовал до 900 г. н. э. Все находки свидетельствуют здесь о непрерывном развитии культуры одного и того же населения. И вдруг в 900 г. н. э. картина резко меняется. На смену классической культуре майя приходит совершенно новый, лишенный местных корней комплекс «Химба». Материалы из слоев этапа «Химба» носят ярко выраженный центрально-мексиканский (тольтекский) характер: здесь и типичная для долины Мехико керамика (Fine Orange) и терракотовые тольтекские статуэтки. Этих находок так много, что вряд ли их присутствие можно объяснить торговыми связями, да и никаких чисто майяских материалов в слоях «Химба» нет. Здесь возможно лишь одно объяснение — иноземное вторжение²⁵.

Открытие в Алтаре Жертв — далеко не единичный факт. В настоящее время никто уже не будет отрицать, что

в X в н. э. северный Юкатан захватили мексиканские племена тольтеков, которые основали свою столицу в городе Чичен-Ица. Но такое переселение центрально-мексиканских племен на юг могло начаться гораздо раньше. И находки в Алтаре Жертв, по-видимому, подтверждают это. Следовательно, одной из основных причин гибели Древнего царства майя было, скорее всего, вторжение иноземных захватчиков.

Правы те, кто считает, что тольтекское нашествие совпало с усилением внутренней борьбы в самом обществе майя: борьбы между угнетенными массами земледельцев и правящей верхушкой знати и жрецов.

К числу наиболее замечательных находок последних лет относится открытие настенных росписей в Муль-Чик, на Юкатане. В 1961 г. группа мексиканских археологов обнаружила там, внутри полуразрушенной каменной постройки, великолепные многоцветные фрески. Правда, сохранность их оставляет желать много лучшего: проникшая внутрь дождевая вода и отложения известковых солей уничтожили большую их часть. По технике исполнения и по своему художественному стилю фрески Муль-Чика удивительно близки бонампакским. Росписи наносились прямо на влажный слой белой штукатурки. Сюжеты их таковы. На западной стене комнаты изображены сцены сражения и убийство нескольких пленников. К месту действия движется процессия жрецов, на лицах которых маски различных богов. Выше находится персонаж, скорее всего жрец, с маской обезьяны на лице и в вычурном головном уборе. В левой руке он держит большой кремневый нож. Ниже — полоса иероглифов. Далее показаны три человека с камнями в руках. Они добывают четвертого — распростертого на земле. Позади видно дерево, на одной из ветвей которого висит труп. К его правой руке привязана веревка, другой конец которой стягивает шею человека, сидящего под деревом со связанными за спиной руками. Как правило, все действующие лица имеют лишь набедренные повязки белого цвета. Их тела окрашены в охристый цвет. Камни — белые, а дерево — темно-зеленое. У человека в маске обезьяны головной убор голубого и желтого цветов. Туловище его имеет черную окраску. За сценой умерщвления пленных изображены два персонажа в богатых одеждах, в вычурных головных уборах, которые заканчиваются мордами фантастических зверей и красочными

перьями птиц. Лица персонажей закрыты масками. Из их ртов выглядывают головы змей. В руках они сжимают жезлы или скипетры. На восточной стене росписи почти не сохранились. Здесь была, бесспорно, наиболее важная их часть. На уцелевшем фрагменте изображен главный вождь, облаченный в мантию из шкуры ягуара. Его головной убор увенчивает птица кетсаль. Еще выше расположен картуш с иероглифами — такой же, как и на фресках Бонампака: справа от вождя стоит слуга, за ним два жреца с большими обсидиановыми ножами в левой руке. Их лица и тела окрашены в черный цвет, на груди — ожерелья из человеческих черепов, на голове — драгоценный убор из зеленых перьев и белых роз. Что изображают эти росписи? Победу жителей Муль-Чика над населением соседнего города? Или это сцена жертвоприношения в честь бога дождя Чака во время засухи? Ответ на эти вопросы — дело будущих исследований, ведь изучение фресок Муль-Чика только начинается.

Судя по их сходству с фресками Бонампака и по ряду других признаков (керамика, архитектура), вновь найденные росписи относятся к 600—800 г. н. э.²⁶

В заключение хотелось бы кратко остановиться на работах мексиканских археологов в знаменитом Колодце Жертв в городе Чичен-Ица на Юкатане. Из книги Чарльза Галленкампа мы знаем, что в 1904 г. американский исследователь Эдвард Томпсон извлек из глубин колодца множество драгоценных вещей. Коллекцию своих находок Томпсон отправил позднее в США, в Музей Пибоди при Гарвардском университете. В течение десятилетий сокровища, добытые в священном колодце и принадлежащие по праву мексиканскому народу, находились в чужих руках. Лишь в 1960 г. представители Музея Пибоди передали мексиканским властям в знак «дружбы» 94 предмета из коллекции Томпсона, насчитывающей несколько тысяч вещей. Тогда мексиканские археологи сами решили отправиться в Чичен-Ицу и обследовать древний сенот. С помощью оригинальной землесосной установки удалось изучить самые укромные уголки на дне колодца. После нескольких недель непрерывных работ из его глубин было поднято на поверхность множество находок: обломки глиняной посуды, медные колокольчики, украшения из золота и нефрита, деревянная кукла, укутанная в обрывки драгоценной ткани, золотые фигурки богов, звери и птицы из каучука и череп

молодой женщины лет 18—19. Оказалось, что на дне Колодца Жертв лежат предметы из самых разных областей Мексики и Центральной Америки: от долины Мехико — на севере, до Панама — на юге.

Всего археологи нашли там несколько тысяч различных предметов. Была сделана первая карта дна сенота. И все же ученые считают, что большая часть сокровищ еще находится в глубинах колодца. Учитывая успехи современной техники подводных работ, мексиканские археологи надеются в самом недалеком будущем осушить весь сенот или какую-то его часть и исследовать его содержимое²⁷.

Археологическое изучение памятников майя продолжается. И нет сомнения, что в недалеком будущем основные загадки этой самобытной и яркой цивилизации будут решены совместными усилиями ученых разных стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

¹ Лига (исп) — старинная испанская мера длины, равная 4,83 км

² Легенда о «золотом человеке» Эль Дорадо, управляющем страной, где все предметы сделаны из чистого золота, родилась уже после покорения индейцев испанскими завоевателями на основе рассказов об одном из религиозных обычаев индейцев-муисков, живших когда-то на территории Колумбии. Вождь этого племени в дни особо торжественных праздников, намазав свое тело клейким веществом и осыпав себя золотым песком, бросался с восходом солнца в воды священного озера Гуатавита

³ Есть русский перевод. У Прескотт Завоевание Мексики СПб, 1885

⁴ Термин «Конкиста» (исп — «завоевание») в научной литературе употребляется для обозначения периода завоевания Нового Света испанцами (с 1492 г до середины XVI в)

⁵ 12 октября 1492 г Христофор Колумб открыл небольшой островок Гуанахани (современная группа Багамских островов), неподалеку от восточного побережья Американского континента, и, хотя сам великий мореплаватель не понял истинного значения своего открытия (он думал, что нашел морской путь в Азию), 1492 г считается официальной датой открытия Америки

⁶ Плоды тропического дерева *Achras sapota* из семейства сапотовых (Sapotaceae) имеют округлую форму и сочную сладкую мякоть. Размеры их достигают 5—10 см в поперечнике

⁷ Автор допускает некоторое преувеличение. Ацтеки находились по уровню своего развития на начальной ступени раннеархаического общества, а европейские народы переживали в XVI в уже эпоху антифеодальных революций

⁸ Имеется в виду Атлантический океан

⁹ Последнее независимое государство майя в джунглях Петена (Северная Гватемала) пало под ударами испанских войск лишь в 1697 г

ГЛАВА ВТОРАЯ

¹ Энкомендерос — испанские помещики на территории Нового Света Система энкомьенды (исп — «поручение») была введена указом испанского короля в 1543 г. Формально все индейцы объявлялись свободными, а испанцы назначались «опекунами» приписанных к ним индейских общин. Испанские помещики должны были приобщать «опекаемых» язычников к европейской

цивилизации и католической религии, а в благодарность за это индейцы были обязаны содержать своих господ. Практически энкомендеро получал право на сбор дани и на безграничную эксплуатацию труда индейцев.

² Чилам Балам — название целого цикла литературных произведений, созданных индейцами в XVI—XVII вв. Все эти книги написаны на языке майя, но буквами испанского алфавита. В основу их содержания легли сведения по мифологии и истории из неизвестных нам древних иероглифических текстов либо из легенд и преданий. По-видимому, прежде каждое крупное селение индейцев имело такую книгу-летопись. Однако усилиями испанских инквизиторов большая их часть была уничтожена. Сохранившиеся экземпляры (около 16) книг Чилам Балам носят названия тех селений, где они были найдены: Чилам Балам из Чумайеля, из Мани, из Ишилль, из Набула и т. д. Книги Чилам Балам — ценнейший исторический источник по культуре и быту майя накануне и в эпоху Конквисты.

³ Имеется в виду период американской истории, освещенный письменными источниками, т. е. период с XVI в. н. э. По мнению буржуазных исследователей, только с появлением письменности начинается подлинная история того или иного народа. Весь дописьменный период объявляется доисторией.

⁴ Т. е. не рассказывают о политической истории: войнах, династических распрях, смене правителей, союзах государств, восстаниях недовольных и т. д.

⁵ В области дешифровки письменности древних майя с большим успехом работает советский исследователь Ю. В. Кнорозов, который нашел недавно ключ к прочтению иероглифических текстов (см. его последнюю работу «Письменность индейцев майя». М.—Л., 1963).

⁶ Розеттский камень — обелиск из черного базальта, найденный в Египте во время похода войск Наполеона. На поверхности обелиска была высечена надпись на двух языках — египетском и греческом. При этом египетский текст повторен дважды: иероглифами и скорописью поздней эпохи. Розеттский камень послужил ключом к дешифровке древнеегипетской клинописи.

⁷ «Пополь-Вух» — название эпоса, созданного народом киче. Киче принадлежали к языковой группе майя и обитали в центральных районах горной Гватемалы. Имеется русский перевод этой книги, сделанный Р. В. Кинжаловым: «Пополь-Вух». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

¹ «Incidents of travel in Central America, Chiapas and Yucatan», v. I—II. New York, 1842.— Есть не совсем удачный русский перевод: Дж. Стефенс. Иллюстрированные записки о любопытной экспедиции в Центральную Америку. СПб., 1866.

² Автор ошибся. Поход Наполеона в Египет начался 19 мая 1798 г.

³ Асьенда (исп.) — усадьба, имение.

⁴ Алькальд (исп.) — должностное лицо местной администрации: городской судья или городской голова.

⁵ Истинные названия древних городов майя нам неизвестны. Те же, что существуют ныне, даны первыми исследователями

этих мест и носят условный характер. Например, Бонампак — «Расписные стены» — получил свое название благодаря замечательным фрескам, найденным там; Пьедрас Неграс — «Черные камни» — из-за цвета своих руин, Тикаль — «Место, где слышны голоса духов» — по чисто романтической причине и т. д.

Другие древние города майя, такие, как Паленке, Копан, Бенке, Вьехо и другие, носят названия расположенных поблизости современных селений.

⁶ Подобно названиям городов названия древних зданий в Мезоамерике носят условный характер и даются археологами-первооткрывателями по чисто случайным признакам: Храм Надписей, Храм Креста, Дом Карлика, Дворец Губернаторов и т. д.

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

¹ Имеется в виду книга Уильяма Прескотта «Завоевание Мексики».

² Колониальный период в истории Латинской Америки охватывает время от Конквисты (XVI в.) до начала национально-освободительных войн латиноамериканских народов против испанского ига (первая четверть XIX в.).

³ Впервые высказал эту гипотезу и наиболее яростно защищал ее аргентинец Ф. Амехино, который четко сформулировал саму идею об автохтонности американского человека (F. A m e h i n o. La antigüedad del hombre de la Plata. Paris, 1880). Отголоски его взглядов можно проследить в ряде работ современных аргентинских и боливийских археологов. Так, например, боливийский исследователь Ибарра Грассо, пытаясь удревить возраст первых обитателей Американского континента, утверждает, что человек проник в Южную Америку еще в нижнем палеолите (100—40 тысяч лет до н. э.).

⁴ Абсурдную идею о существовании в Тихом океане фантастического континента Му выдвинул впервые англичанин Джеймс Черчвард. По его словам, этот огромный кусок суши находился в центральной части океана между Америкой и Азией и ныне остатками его являются острова Полинезии. Не утруждая себя доказательствами, Черчвард заявил, что континент Му — родина всех древних цивилизаций человечества — погиб в 12-м тысячелетии до н. э. в результате таинственной катастрофы, а его жители переселились в Мексику, где возникли их многочисленные и процветающие колонии. Однако открытия последних лет ясно показали, что в 12-м тысячелетии до н. э. на территории Мексики обитали лишь первобытные охотники на мамонтов с довольно примитивной культурой. Никаких следов «цивилизованных» пришельцев с континента Му, как и следовало ожидать, там не оказалось.

⁵ Касик (исп.) — начальник, вождь.

⁶ Альфред Персифаль Моудсли (1850—1931) — известный английский археолог, специалист по древним памятникам Мексики и Центральной Америки. Его многократные экспедиции в этот район Нового Света в конце XIX в. фактически положили начало изучению цивилизации майя. Огромная коллекция древностей, собранная Моудсли во время его путешествий, хранится ныне в Британском музее в Лондоне.

⁷ Работа Моудсли, в которой излагаются результаты его экспедиций в Центральную Америку, сохранила свое значение до сих

пор. Многие памятники древности, опубликованные этим ученым (особенно стелы и иероглифические надписи), были впоследствии разрушены, и сведения о них можно почерпнуть только из его книги («Archaeology», v. I—V.— In: «Biologia Centrali-americana». London, 1889—1902).

⁸ Теоберт Малер (1840—1917), австриец по национальности, прибыл в Мексику как офицер экспедиционного корпуса эрцгерцога Максимилиана Габсбурга — непрошеного претендента на мексиканский престол. После разгрома интервентов Теоберт Малер остался в стране, посвятив себя изучению культуры майя. Благодаря его экспедициям было найдено множество неизвестных до этого древних городов в бассейне реки Усумасинты и в северном Петене. См. его работы: «Explorations in the Central portion of the Usumacinta Valley». Memoirs Peabody Museum, v. 2, N 1. Cambridge, 1901; Explorations in the Department of Peten, Guatemala. Memoirs Peabody Museum, v. 4, N 2, Cambridge, 1908.

⁹ В этом разделе автор несколько преувеличивает роль календаря в жизни майя. Повышенный интерес к вопросам календаря и астрономии майя у большинства буржуазных ученых объясняется тем, что их попытки раскрыть тайну чтения иероглифических текстов некалендарного характера потерпели неудачу.

¹⁰ Речь идет о первых радиоуглеродных анализах деревянных балок из храмов Тикаля, производившихся в лаборатории Либби. Как показали дальнейшие события, анализы Либби были ошибочными. Повторное изучение резных деревянных балок из Тикаля подтвердило систему корреляции Гудмена — Томпсона — Мартина (см. заключительную статью).

¹¹ M. W. J a k e m a n. The origin and history of the Mayas. Los Angeles, 1945.

¹² Типично идеалистический подход к проблеме. Автор пытается ссылкой на мнимое отсутствие зачатков крупнейших достижений цивилизации майя прикрасить свою беспомощность при решении проблемы происхождения культуры майя (см. заключительную статью).

ГЛАВА ПЯТАЯ

¹ H. M. W o r m i n g t o n. Ancient Man in the North America. Denver, 1957.

² Центральноамериканское земледелие прошло в своем развитии два этапа. Первый этап — появление зачатков земледелия, когда оно было лишь одним из способов добывания пищи, подчиненным охоте и собирательству. Судя по последним работам Р. Мак-Нейша в мексиканских штатах Пуэбла и Тамаулипас, зачатки земледелия появляются в Мексике еще в 6—5 тысячелетиях до н. э. Важнейшая сельскохозяйственная культура доколумбовой Америки — маис (или кукуруза) начинает возделываться в 4 тысячелетии до н. э. ($3\ 600 \pm 350$ г. до н. э.). Второй этап, который обычно называют архаическим, или доклассическим, характеризуется развитым земледелием, играющим уже решающую роль в экономике многих индейских племен. Начало его относится к 2000 г. до н. э.

³ Лама использовалась индейцами как вьючное животное, а также для получения шерсти и мяса.

⁴ Альпака — домашняя разновидность гуанако (дикого млекопитающего из рода лам). Основной район распространения — Андийское нагорье. Альпака используется главным образом для получения длинной и тонкой шерсти.

⁵ Данное высказывание автора не соответствует действительности. Первые вещи из железа появляются в Египте и на Переднем Востоке в XV—XIV вв. до н. э., а широкое распространение железа в Европе (а вместе с ним и начало «железного века») начинается значительно позже — в VIII—VII вв. до н. э.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

¹ Саподилья — дерево из рода чико-сапоте, произрастает в тропических районах Америки. Из него добывается душистая смола чикле (адтек. *Chictli*), идущая на изготовление жевательной резины.

² Речь идет о разновидности древовидного хлопчатника (*Seiba pentandra*) из семейства бомбаксовых (*Bombacaceae*).

³ Сильванус Грисвольд Морли (1878—1947) — крупнейший американский археолог и лингвист, один из основных авторитетов в области археологии майя. Под его руководством в 20—30-х годах начались интенсивные раскопки древних городов Петена и Юкатана. Морли сделал серьезный вклад в изучение календаря и эпиграфики майя, изложив результаты своих исследований в двух монументальных работах: «*Inscriptions of Copan*». Washington, 1920; «*Inscriptions of Peten*», v. 1—5. Washington, 1938. — Итогом всей жизни ученого является труд «*The Ancient Maya*». Stanford, 1947.

⁴ В 1959 г. в городе Тикале, расположенном всего в 10 милях южнее Вашактуна, была найдена стела с календарной датой 292 г. н. э. (стела 29).

⁵ Автор снова преувеличивает роль календаря в развитии культуры майя. На самом деле календарь возник у майя в связи с необходимостью точного определения сроков посевов и жатвы и, следовательно, был первоначально полностью подчинен чисто хозяйственным запросам.

⁶ Вопрос о назначении стел у майя носит спорный характер. Вряд ли их устанавливали лишь с целью увековечения определенных отрезков времени. Советский исследователь Ю. В. Кнорозов считает эти стелы «юбилейными», связанными со сменой правителей внутри господствующей династии. Сходной точки зрения придерживается и американская исследовательница Т. Проскуракова.

⁷ И сторонники, и противники гипотезы мексиканского археолога М. Коваррубисаса фактически подменяют вопрос о происхождении археологической культуры вопросом о происхождении письменности и календаря. В настоящее время большинство исследователей признает, что основные черты цивилизации майя возникли на местной основе, на основе культуры предшествующего архаического периода. Что касается письменности и календаря, то они играют здесь подчиненную роль. Сам факт обнаружения наиболее ранних стел с календарными датами в области, населенной в свое время ольмеками, заставляет предполагать, что либо более ранние образчики письменности и календаря на территории

мая майя будут еще найдены, либо майя заимствовали свою календарную систему и письменность у ольмеков

⁸ Высказывания автора по этому поводу носят чисто предположительный характер. Вопрос о характере общества майя в классическую эпоху исследован пока очень слабо и вызывает много споров среди ученых. Если судить по аналогиям с древними цивилизациями Востока — шумерийской, египетской и другими, — то у майя, несмотря на огромную роль жречества в жизни общества, у «кормила власти» стояли все-таки представители светской знати, а не духовенство (см. заключительную статью).

⁹ Несмотря на общее сходство культуры, в отдельных районах территории майя наблюдаются заметные различия. Западные исследователи (Эрик Томпсон) выделяют три больших локальных района: Северный (Юкатан и прилегающие к нему территории), Южный (Горная Гватемала, Гондурас, Тихоокеанское побережье) и Центральный (Петен, Британский Гондурас и бассейн реки Усумасинты).

¹⁰ Типично идеалистическое объяснение: автор связывает все культурные достижения майя с религией, забывая о том, что основой развития любого общества служит экономика, а не идеология. В действительности и создание календаря, и работы в области астрономии были связаны с хозяйственными успехами и вызваны хозяйственными потребностями.

¹¹ Вопрос о природе города у древних майя носит спорный характер. Автор подобно большинству других западных исследователей считает, что эти города были лишь ритуальными центрами, в которых жили жрецы и их слуги. Остальное население (преимущественно земледельцы) ютилось в легких деревянных домах в окрестностях городов и стекалось туда лишь в дни больших религиозных церемоний. Но это суждение ошибочно. Дело в том, что сама методика археологических исследований, которую применяют многие западные археологи, порочна. В первую очередь они изучают наиболее эффектные и крупные памятники, каковыми, естественно, являются храмы, стелы, алтари и фрески. Жилища рядового населения, ремесленные мастерские, рынки и бытовые постройки становятся объектом исследования в крайне редких случаях.

Отсюда вполне понятно, почему при общем определении характера города майя западные ученые всемерно выпячивают его религиозную сущность, а остальные черты городской культуры полностью игнорируют. Конечно, в любом крупном городе имелись целые комплексы ритуальных зданий. Но это отнюдь не исключает, а скорее, требует наличия рядом с ними жилых построек и хозяйственных мастерских. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с другими городами Мексики, которые хорошо нам известны по описаниям испанских и индейских хроник: Теночтитлан (столица ацтеков), Майяпан (крупный центр юкатанских майя) и др. Примечательно, что в отношении Майяпана Чарльз Галленкамп не говорит уже, что это город-святылище, а, напротив, подчеркивает его административный и торговый характер

¹² Данное высказывание автора не совсем верно. Майяские стадионы по внешнему виду мало походили на античные амфитеатры и стадионы; на них не было ни длинных рядов скамеек для

зрителей, ни особых лож. Типичная площадка для игры в мяч просто ограничивалась двумя массивными идущими параллельно стенами, в пространстве между которыми и происходило состязание. Зрители располагались на вершинах этих стен, достигавших нескольких метров в ширину, взобраться на которые можно было по лестницам с наружной стороны.

¹³ Данное высказывание автора не соответствует действительности. У майя, как и у других народов древности, достигших ступени классового общества, войны велись довольно часто. Причем в классическую эпоху (300—900 гг. н. э.) они носили не менее ожесточенный характер, чем в тольтекский (мексиканский) период или накануне испанского завоевания. Многочисленные произведения классического искусства майя (рельефы, стелы, настенные росписи) часто прославляют победы правителей различных городов-государств над своими врагами. Эти изображения удивительно близки по своему характеру аналогичным памятникам древних цивилизаций Шумера, Элама, Ассирии и Египта. Обычно на майяских стелах и рельефах вождь-победитель изображается в торжественной, величественной позе, с копьем или жезлом в руке. У его ног лежат поверженные враги (обычно в одном собирательном образе пленника со связанными руками), приниженное положение которых подчеркивается их уменьшенными размерами по сравнению с главной фигурой победителя. Наиболее ярко изображены сцены военных действий и последующего триумфа победителей на замечательных фресках Бонампака (VIII в. н. э.).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

¹ Автор подобно многим зарубежным ученым считает, что в текстах майя имеют смысл только календарные надписи, а все остальные знаки письма несут сугубо мистический характер и понять их невозможно. Исследования Ю. В. Кнорозова полностью опровергли это утверждение. Кнорозов доказал, что иероглифика майя подчиняется тем же основным закономерностям развития письма, как и все другие иероглифические системы, например иероглифика Египта и Шумера (см. Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М.—Л., 1963). Последние работы американских исследователей Т. Проскуряковой и Э. Келли показали, что даже иероглифические надписи на стелах майя зачастую связаны не с календарем и религией, а с чисто светскими вопросами (смена династий и т. д.).

² Решить вопрос о политическом единстве майя, опираясь только на признание общности их культуры, практически невозможно. Полная ясность появится здесь лишь после прочтения иероглифических текстов.

³ В действительности у нас нет сведений о том, каким образом делился урожай у древних майя. Приводимые данные представляют собой вымысел автора.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

¹ Альфред Тоззер (1876—1954) — известный американский археолог, этнограф и лингвист, крупнейший специалист по языку и культуре древних майя. С именем Тоззера связаны первые научные исследования забытых городов в джунглях Северной Гватемалы. К числу наиболее важных научных трудов А. М. Тоззера

относятся следующие: «A comparative study of the Maya and Lacandonnes. New York, 1907; «A preliminary study of the prehistoric ruins of Tikal, Guatemala». Memoirs Peabody Museum, v. 5, N 2. Cambridge, 1911. «A Maya grammar». Papers Peabody Museum, v. 9. Cambridge, 1921; «Landa's Relacion de las cosas de Yucatan». Papers Peabody Museum, v. 18. Cambridge, 1941.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

¹ Махагониевое дерево — разновидность красного дерева с драгоценной древесиной.

² Кассава, или маниока, — кустарник из семейства молочайных (*Euphorbiaceae*). Известен индейцам тропической Америки с глубокой древности. В пищу идут мучнистые клубневидные корни, насыщенные крахмалом, вес которых достигает 10 кг. Перед едой корни маниоки предварительно вываривают или поджаривают, с тем чтобы удалить ядовитую синильную кислоту.

³ Плод дынного дерева (*Carica papaya*), очень напоминающий по виду и по вкусу настоящую дыню.

⁴ Деревья рода *Jussiaea* семейства лилейных (*Liliaceae*), произрастающие в Центральной и Южной Америке. Из листьев юкки местные жители получают грубое, но прочное волокно.

⁵ Особая разновидность тропических деревьев *Lonchocarpus longistylus*.

⁶ Это название («Бонампак») было предложено американским исследователем Сильванусом Морли.

⁷ Татьяна Проскуракова — известная американская исследовательница, специализирующаяся на изучении архитектуры и скульптуры древних майя. Основные работы: «An album of Maya Architecture». Carnegie Institute Washington Publication, N 558. Washington, 1946; «A study of Classic Maya sculpture». Carnegie Institute Washington Publication, N 593. Washington, 1950; «Historical implications of a pattern of dates at Piedras Negras, Guatemala». *American Antiquity*, v. 25, N 4. Salt Lake City, 1960.

⁸ Монте Альбан — столица древней цивилизации сапотеков — находится на территории мексиканского штата Оахака. По времени расцвет Монте Альбана совпадает с классическим периодом, или эпохой Древнего царства майя.

⁹ Теотихуакан — важнейший центр центрально-мексиканской цивилизации, включавшей в свои границы территорию долины Мехико, а также штатов Пуэбла, Тлашкала, Идальго и Морелос. Теотихуаканская цивилизация просуществовала около 700 лет, погибнув в конце VII в. н. э. под ударами варварских племен Северной Мексики.

¹⁰ Эрик Джон Сидней Томпсон (род. 1898) — крупный американский археолог, этнограф и лингвист, один из главных авторитетов по культуре майя. В 30-х годах он руководил рядом археологических и этнографических экспедиций, изучавших древние памятники индейцев на территории Британского Гондураса. Э. Томпсон внес большой вклад в изучение майяской письменности и календаря. Наиболее важные научные труды этого исследователя следующие: «The rise and fall of Maya civilization». Norman, University Oklahoma Press, 1954; «Maya hieroglyphic Writing». Norman, 1960.

¹¹ Халач виник (halach uinic) — правитель города — государства у древних майя (буквально означает на языке майя «настоящий человек»).

¹² Жак Сустель известен как крупнейший деятель террористической организации французских ультра — ОАС.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

¹ Автор допускает здесь известное преувеличение. Археологические раскопки последних лет показали, что территория Древнего царства после гибели классической культуры отнюдь не была безлюдной пустыней. Там сохранилось, хотя и значительно сократившееся, население. В Тикале, например, найдены бесспорные доказательства того, что жизнь в городе продолжалась и в пост-классический период (см. Tikal Reports, N 1—4. University Pennsylvania Museum, Philadelphia, 1958).

² Высказывание автора не совсем соответствует действительности. В ряде городов майя следы чужеземных нашествий прослеживаются довольно отчетливо (см. заключительную статью о находках в городе Алтарь Жертв).

³ Альфред Винсент Киддер (1885—1963) — видный американский археолог, принимавший самое активное участие в раскопках древних памятников культуры майя. Много лет возглавлял департамент истории в Институте Карнеги (Вашингтон). Основное внимание этот исследователь уделял изучению почти неизвестной до того в археологическом отношении области — Горной Гватемалы. Среди важнейших работ А. В. Киддера можно назвать: «Notes on the ruins of San Agustin Acasaguastlan, Guatemala». Carnegie Institute of Washington Publication, N 456; Contribution to America Archaeology, v. III, N 15. Washington, 1937; A. V. Kidder, J. D. Jennings, E. M. Shook. «Excavations at Kaminaljuyu, Guatemala». Carnegie Institute of Washington Publication, N 561. Washington, 1946; «The archaeological importance of Guatemala». Washington, 1950; A. L. Smith and A. V. Kidder. «Excavations at Nebaj, Guatemala». Carnegie Institute of Washington Publication, N 594. Washington, 1951.

⁴ Альден Джон Мэсон (род. 1885) — известный американский антрополог и археолог с очень разносторонними научными интересами. Получил широкую известность благодаря многолетним полевым исследованиям в Мексике, Гватемале, Пуэрто Рико и Панаме и своему капитальному труду «Las antiguas culturas del Peru» (Mexico — Buenos Aires, 1962). Из его работ, посвященных археологии майя, можно назвать: «Excavations at Piedras Negras». University Museum Bulletin, v. III, N 6. Philadelphia, 1932; «Maya Sculptures rescued from the jungle». American Archaeology, N 6. Washington, 1934.

⁵ Разрушение и порча монументов в городах майя могли вызываться не только выступлениями против жрецов, но и вторжениями чужеземцев, стремившихся уничтожить ненавидимые образы правителей и богов поверженного противника.

⁶ Джордж Уолтон Брейнерд (1909—1956) — известный американский археолог, крупнейший специалист по керамике древних майя. Принимал активное участие в исследовании городов Юкатана. Основные труды: «Early ceramic horizons in Yucatan». Selected Papers of the 29 International Congress of Americanists. Chi-

ago, 1951; «The Maya civilization». Los Angeles, 1954. «The archaeological ceramics of Yucatan». Anthropological Records, v. 19. Berkeley — Los Angeles, 1958.

⁷ Вряд ли восстания народных масс были направлены только против жрецов. Скорее всего восставшие боролись как против гнета духовенства, так и против гнета знати, стоящей во главе страны. В этом отношении примечателен отрывок VII главы эпоса майя-киче «Пополь-Вух», в котором рассказывается о восстании племени илока против правителя Котуха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

¹ В действительности первой цивилизацией в долине Мехико была культура Теотихуакана, центр которой находился в 50 километрах к северо-востоку от города Мехико. Эта цивилизация возникла и развилась примерно в одно время с Древним царством майя (рубеж н. э. — 700 г. н. э.). После гибели Теотихуакана его культура послужила питательной средой для тольтеков, а последние передали свои достижения ацтекам.

² Конечно, быстрое падение государства ацтеков и трусливое поведение Монтекумы объясняются более вескими причинами, нежели мистическим страхом перед возвращением Кецалькоатля.

³ Тот факт, что Кецалькоатль, по преданию, светлокожий человек с бородой, часто используется для создания самых фантастических измышлений. Например, высказывается предположение, что европейцы проникли в Новый Свет еще в доколумбову эпоху. Кого только не называют в этой связи участниками таких трансокеанских плаваний: греков, римлян, финикийцев, викингов и т. д. (см., например: Н. Gladwin. Men out of Asia. New York, 1947).

⁴ Данное высказывание автора носит спорный характер.

⁵ Эрл Холстед Моррис (1889—1956) — американский археолог, известен главным образом как специалист по древностям Юкатана. Основная его работа была посвящена архитектуре Чичен-Ицы: «The Temple of the Warriors». Carnegie Institute of Washington Publication, N 406. Washington, 1931.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

¹ «The people of the serpent». New York, 1932.

² Тункуль (майяск) — барабан.

³ В действительности не «хуль-чес», а «хулче» (майяск. — hulche)

⁴ Первые изделия из металла появились на территории майя не ранее VIII в. н. э., а уже в X в. н. э. в Мексике и Гондурасе возникло несколько важных металлургических центров. Вряд ли производство предметов из металла было самостоятельным изобретением местных племен, поскольку мы знаем, что древнейшие очаги металлургии находились в южных районах Центральной Америки и в Колумбии, Эквадоре и Перу. (Там металл начинает использоваться еще с середины I тысячелетия до н. э.).

⁵ Это наблюдение подтверждается последующими исследованиями: например, у медных колокольчиков из Колодца Жертв были вырваны язычки, а многие металлические диски были разбиты на куски.

⁶ Симпатии автора находятся, понятно, на стороне его соотечественников. Но в действительности их «исследования» в странах Центральной Америки зачастую походили на открытый грабеж. Чего стоит, например, «делка» Стефенса, купившего у индейца за 50 долларов целый город. Ранее археологи США и капиталистических стран Европы вывозили предметы и ценности, найденные ими при раскопках, к себе на родину. Теперь же почти из всех независимых государств Азии, Африки и Латинской Америки запрещено вывозить за границу археологические находки за исключением дублетов.

⁷ О последних работах мексиканских археологов в Колодце Жертв см. заключительную статью.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

¹ Автор в данном случае жертвует правдой ради романтического эффекта. По мнению большинства крупнейших специалистов, у майя никогда не было единой империи, объединившей всю их огромную и разнообразную по природным условиям территорию. Это тем более справедливо для эпохи кануна Конквисты. Испанские завоеватели застали в начале XVI в. на Юкатане свыше десятка мелких независимых государств майя.

² Автор допускает здесь ошибку, типичную для многих буржуазных археологов и историков. Они выделяют обычно две основные социальные группы, или два класса: население городов и земледельцы. В городах, по их мнению, жили жрецы, знать, чиновники, торговцы и ремесленники. Главное противоречие общества майя, противоречие класса рабов и рабовладельцев, здесь совершенно отсутствует. Гармония интересов всех социальных групп, собравшихся в стенах Майяпана в целях обороны, — чистый вымысел.

³ Автор искажает действительную историческую картину, приписывая все изменения в социальной, экономической и культурной областях влиянию новой религии. Причина бесконечных войн и усобиц также носит вполне реальную (а не религиозную) подоплеку. Слова автора о том, что майя вели войны только для добывания новых жертв своим богам, сказаны, вероятно, для романтического эффекта.

⁴ В районе Петен-Ица последнее независимое государство майя просуществовало до 1697 г.

⁵ Типично идеалистическое рассуждение, призванное подменить действительные движущие силы развития общества майя вымышленными, прикрытыми религиозным туманом.

⁶ Вопросу о влиянии природной среды на развитие цивилизации майя западные ученые уделяют в своих работах значительное место. Существует несколько различных точек зрения, хотя все исследователи согласны с тем, что природное окружение майя было крайне неблагоприятным для жизни человека. Бетти Меггерс утверждает, например, что во влажных тропических джунглях не могла возникнуть высокая цивилизация, и на этом основании предполагает, что племена майя, вооруженные всеми достижениями их цивилизации, пришли в леса Петена и Усумасинты в довольно позднее время откуда-то извне. Затем началось медленное угасание культуры майя в этих негостеприимных джунглях. (В. Meggers. Environment and cultural development.

American Anthropologist, v. 56, N 5, pt. 1, 1954). С другой стороны, Уильям Ко, ссылаясь на археологические данные, считает, что цивилизация майя возникла именно в лесах Петена и развивалась в дальнейшем по восходящей линии вплоть до конца классического периода, несмотря на все неблагоприятные естественные факторы. (W. Coe. Environment limitation on Maya culture. American anthropologist, v. 59, N 2. Menasha, 1957). Последние исследования Коугилл и Хатчинсона (включая химический анализ почв, их геологическое строение и данные ботаники) позволяют прийти к выводу, что, несмотря на неблагоприятные условия природной среды, в Центральном Петене в доколумбову эпоху вполне могло существовать густое земледельческое население, экономической базой которого служило экстенсивное подсечно-огневое земледелие и выращивание различных огородных и плодовых культур. Никаких серьезных климатических изменений с той поры не произошло. Следовательно, упадок классической культуры майя в Петене был вызван не естественными факторами (сокращение количества осадков, засуха, упадок земледелия), а историческими (внешними или внутренними) причинами. (U. M. Cowgill and J. Hutchinson. Ecological and Geochemical archaeology in the Southern Maya Lowlands. Southwestern Journal of Anthropology, v. 19, N 2, 3, 1963).

⁷ Освоение племенами майя низменной области тропических лесов начинается в конце 2 — начале 1 тысячелетий до н. э. (см. заключительную статью).

⁸ Древнейшие слои Дзибилчалтуна относятся, как и на большинстве других памятников из низменных районов майя, к 1000 г. до н. э.

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ В АРХЕОЛОГИИ МАЙЯ (1959—1963)

¹ G. Willey. Mesoamerica. Viking Fund Publication in Anthropology, v. 32. New York, 1962; An archaeological frame of reference for Maya Culture History. (Desarrollo cultural de los Mayas). Mexico, 1964.

² R. MacNeish and F. Peterson. The Santa Marta Rock Shelter Ocozacoautla, Chiapas, Mexico. Papers of the New World Archaeological Foundation N 14, Publication N 10. Provo, Utah, 1962

³ R. MacNeish and F. Peterson. The Santa Marta Rock Shelter..., p. 39.

⁴ G. Lowe and P. Agrinier. Mound 1, Chiapa de Corzo Chiapas Mexico. Papers of the New World Archaeological Foundation, N 8. Provo, Utah, 1960, p. 5, табл. 1.

⁵ G. Willey and A. L. Smith. New discoveries at Altar de los Sacrificios, Guatemala. Archaeology, v. 16, N 2. New York, 1963, p. 85.

⁶ G. Willey and A. L. Smith. New discoveries..., p. 88.

⁷ A. V. Kidder II. Tikal — A Further Report of Progress. Доклад, прочитанный на заседании секции Центральной и Южной Америки VII Международного конгресса антропологии и этнографии, состоявшегося в августе 1964 г. в Москве.

⁸ W. R. Coe. A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala, 1962.—In: «Estudios de cultura Maya», v. III. Mexico, 1963, p. 42.

⁹ W. R. Coe. A summary of excavation..., p. 44.

¹⁰ L. Satterthwaite and K. E. Ralph. New radiocarbon dates and the Maya correlation problem. Amer. Antiquity, v, 26, N 2, Salt Lake City, 1960, p. 165—166, 177.

¹¹ E. Shook. Tikal. Stela 29. Expedition, v. 2, N 2. Philadelphia, 1960.

¹² W. R. Coe. A summary of excavation and research at Tikal, Guatemala: 1956—1961. Amer. Antiquity, v. 26. Salt Lake City, 1962, p. 492—493.

¹³ A. S. Trik. The splendid tomb of Temple I at Tikal, Guatemala. Expedition, v. 6, N 1. Philadelphia, 1963, p. 8—15.

¹⁴ S. G. Morley. The ancient Maya. Stanford, 1947, p. 50—98.

¹⁵ W. Andrews. Excavaciones en Dzibilchaltun, Yucatan: 1956—1962.—In: «Estudios de Cultura Maya», v. II. Mexico, 1962, p. 143—179.

¹⁶ S. G. Morley. The Ancient Maya. Stanford, 1947, p. 163, 168.

¹⁷ A. Ruz. Aristocracia o democracia entre los antiguos Mayas? Anales de Antropología, v. I. Mexico, 1964, p. 64—66.

¹⁸ R. Roys. The Indian Background of Colonial Yucatan. Carnegie Institute of Washington Publication, N 548. Washington, 1943, p. 59—60.

¹⁹ R. Millon. Trade, tree cultivation and the development of private property in land. American Anthropologist, v. 57, N 4. Menasha, 1955, p. 705.

²⁰ Ю. В. Кнорозов. Комментарии к работе Диего де Ланды. «Сообщение о делах на Юкатане». М.—Л., 1955, стр. 46.

²¹ R. Roys. The Indian background of Colonial Yucatan..., p. 34.

²² Пополь-Вух. М.—Л., 1959, стр. 118.

²³ В. И. Авдиев. Идеология обоготворения царя и царской власти в древнем Египте.—«Историк-марксист», № 8—9. М., 1935, стр. 137.

²⁴ Там же.

²⁵ G. Willey and A. L. Smith. New discoveries at Altar de los sacrificios..., p. 86.

²⁶ R. Piña Chan. Informe preliminar sobre Mul-Chic, Yucatan. Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, t. XV N 44. Mexico, 1963, p. 111—113, 117.

²⁷ Hurtado E. Davalos. Return to the sacred cenote. National Geographic, v. 120, N 4. Washington, 1961. Об этих исследованиях см. ст.: В. Гуляев. В глубинах священного сенота («Наука и жизнь», 1963, № 6).

**КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ТЕХ,
КТО ИНТЕРЕСУЕТСЯ ИСТОРИЕЙ ДРЕВНИХ МАЙЯ**

- Берналь. Диас. Записки солдата, т. 1—2. Л., 1924.
Вайян Джордж. История ацтеков. М., 1949 (см. гл. 1, а также заключительную статью Р. В. Кинжалова).
Жуков Д. А. Загадочные письма. М., 1962.
«Индейцы Америки». — «Труды Института этнографии», т. XXV. М., 1955.
Кинжалов Р. В. Искусство Древней Америки. М., 1962.
Кинжалов Р. В. Искусство майя классического периода (III—IX вв. н. э.). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.
Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1963.
Ланда Диего де. Сообщение о делах на Юкатане. Перевод и комментарии Ю. В. Кнорозова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955.
«Народы Америки», т. II. Серия «Народы мира. Этнографические очерки». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
«Пополь-Вух». Перевод и комментарии Р. В. Кинжалова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1959.
Сидоров А. А. Искусство Древней Америки. М.—Л., 1937.
Соболевский Н. И. Культура центрально-американских индейцев майя до покорения их испанцами. — «Ученые записки Московского областного педагогического института», т. IX, № 4, 1947.
Стефенс Джон Ллойд. Иллюстрированные записки о любопытной экспедиции в Центральную Америку. СПб., 1866.
Фрид Норберт. Улыбающаяся Гватемала. М., 1958.
- Brainerd G. W. The Maya civilization. Los Angeles, 1954.
Covarrubias M. The Indian art of Mexico and Central America. New York, 1957.
Gann T. W. Maya Cities. A record of exploration and adventure in Middle America. London, 1927.
Hagen V. W. World of the Maya, New York, 1960.
Kidder H. A. V. and Chinchilla C. S. The art of the ancient Maya. New York, 1959.
Marquina J. Arquitectura prehispanica. Mexico, 1951.
Morley S. G. The Ancient Maya. 3-d ed. Stanford, 1956.
Rivet P. Cites Maya. Paris, 1962.
Ruz L. A. La civilizacion de los antiguos mayas. Mexico, 1963.
Thompson J. E. The rise and fall of Maya civilization. Norman, 1954.
Wadepuhl W. Die alten Maya und ihre Kultur. Leipzig, 1964.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
Открытие и завоевание	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	
Забывтая цивилизация	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
Джон Ллойд Стефенс — первооткрыватель древних городов	27
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
Мифы и теории. Рождение науки	44
ГЛАВА ПЯТАЯ	
Американские индейцы. Проблема происхождения	60
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
Поиски истоков	72
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
Классический период. Шесть веков прогресса	84
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
«Царская» гробница в Паленке	103
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
Бонампак — зеркало золотого века	116
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
Загадка исчезнувшей империи	129
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
Чичен-Ица — обитель богов войны	138
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
Колодец жертв	159
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
«Темные годы» истории майя. Внутренние раздоры, войны и упадок	173
Новые открытия в археологии майя (1959—1963)	189
Примечания	201
Краткий список литературы для тех, кто интересуется историей древних майя	214

Чарльз Галленкамп
М А Й Я
Загадка исчезнувшей цивилизации

*Утверждено к печати редколлегией
научно-популярной литературы
Академии наук СССР*

Редактор издательства Н. В. Шевелева
Художник И. П. Борисов
Технические редакторы С. Г. Тихомирова
и Л. Н. Золотухина

Сводный темплан общественно-политической
литературы № 1120

Сдано в набор 22/VI 1965 г. Подписано к
печати 18/IX 1965 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л.
6,75+12 вкл. Усл. печ. л. 11,07+12 вкл.

Уч-изд л 13,9 (12,6+1,3 вкл)

Тираж 40 000 экз. Изд. № 1120/65. Тип. зак. № 2699

Цена 1 руб.

Издательство «Наука».

Москва, К 62, Подсосенский пер, 21

2-я тип издательства «Наука Москва», Г 99,

Шубинский пер, 10